

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2014. Vol.(12). № 4. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tatiana – Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor-in-Chief)

PhD Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Vlaskina Nina – Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland

Dr. Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarussian State, Minsk, Belarus

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochi003@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.12.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 12.

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2014. № 4 (12). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Гл. редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Натолочная Ольга – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

Джанджугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>

E-mail: sochi003@rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.12.14.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 12.

© Русская Старина, 2014

C O N T E N T S

Column by chief editor 164

Relevant topic

Russia and Poland: Old and New Formats for Partnership in the Area of Tourism
Elena A. Dzhandzhugazova 165

Articles and Statements

The North-Eastern Azov Sea Littoral within the Administrative/Territorial Structure of the Russian State (the Late 17th-Early 19th Centuries)
Pyotr A. Avakov, Amiran T. Urushadze 174

The Participation of the Red Workers' and Peasants' Army in the Annexation of Western Ukraine in September, 1939
Vladimir I. Afanasenko 182

The Azov Sea Littoral during the Administrative/Territorial Transformations in the 20th Century
Evgeny F. Krinko 188

Industry in the South of Russia during World War I: The Slipping Away of Capital's Victory
Olga M. Morozova 193

Development Paths for the Cultural/Artistic Life of Ukraine's Ethnic Minorities through Regional Social National/Cultural Societies: The Trends of the 1990-2000s
Vladimir M. Pekarchuk 200

From Burning Synagogues to Burning Villages: Nazi Methods for Eradicating Peoples in 1941-1944
Leonid A. Terushkin 208

“All for One, One for All”: “Mutual Cover-up” as a Phenomenon of Social Solidarity and Its Reanimation in 1918-1921 (through the Example of the Northern Governorates of European Russia)
Tatiana I. Troshina 214

Casus: the History of Russia in the Small Peas

“We Wanted Sound Wages, Clothing, and Galoshes”: The Material Remuneration and Temptations of Workers in Soviet Adygea in the 1920s
Tatiana P. Khlynina 226

Reviews and Surveys

Korniyenko, B. S. (2013). The Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909-1914) (p. 232). Saint Petersburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge.
Alexey A. Volvenko 235

The Second Forum of Caucasus Studies Historians
Tatiana P. Khlynina 239

Column by chief editor**Колонка главного редактора**

Уважаемые читатели!

С этого номера наш журнал выходит в обновленном содержательном формате. Теперь помимо разнообразных в тематическом отношении статей в нем будут присутствовать постоянные рубрики: «Тема номера», «Статьи и сообщения», «Казус: история России в "мелкий горошек"», «Рецензии и обзоры научных мероприятий». Их появлению предшествовало длительное редакционное обсуждение, а выбор определился характером и объемом поступающих в журнал рукописей.

Номер открывает статья *Е.А. Джанджуговой*, посвященная туристическому взаимоузнаванию России и Польши. На ее страницах привычные для многих путешествия обретают зримые черты давней истории и традиций соседних народов, позволяя окунуться в чарующий мир польского Средневековья и подняться над застарелыми политическими обидами. Статьи *П.А. Авакова*, *А.Т. Урушадзе* и *Е.Ф. Кринко* расскажут о проблемах административно-территориального обустройства Приазовья в составе Российского и украинского государства, отмечая их зависимость от решаемых в каждый исторически определенный период времени задач. «Украинские» сюжеты номера представлены *В.И. Афанасенко* и *В.М. Пекарчуком*, содержание которых помогут заинтересованному читателю разобраться в событиях, происходивших на Западной Украине накануне Второй мировой войны, и в положении национальных меньшинств на современной Украине. Вопросы, связанные с состоянием и развитием южного промышленного региона в годы Первой мировой войны, стали предметом размышлений *О.М. Морозовой*, предложившей оригинальную трактовку социальной активности рабочих. Статья *Л.А. Терушкина* возвращает читателя к трагическим страницам истории Второй мировой войны, на основе воспоминаний очевидцев и непосредственных участников событий того времени воссоздавая нацистские методы уничтожения еврейского населения. *Т.И. Трошина* на материалах северных губерний проанализировала действие принципа «круговой поруки», активизировавшегося в среде крестьянских обществ в годы «военного коммунизма».

Не могу не отметить и появления в журнале «казусных» материалов, не просто повествующих о «сложных и смешных случаях», а выявляющих существование в большой истории плохо в нее встраиваемых и обеспеченных источниками событий из жизни отдельных людей, социальных групп и обживаемых ими пространств. Именно о таком плохо формализуемом в количественном исчислении материальном благосостоянии трудящихся советской Адыгеи и идет речь в статье *Т.П. Хлыниной*. С книжными новинками и обзором научных мероприятий читателя познакомят *А.А. Волвенко* и *Т.П. Хлынина*.

Надеюсь, что новый формат нашего журнала будет интересен не только его авторам, но и читателям.

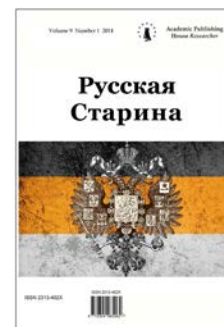
Т.П. Хлынина

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 165-173, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Relevant topic

UDC 796.5

Russia and Poland: Old and New Formats for Partnership in the Area of Tourism

Elena A. Dzhandzhugazova

Russian State University of Tourism and Service, Russian Federation
129164, Moscow, Kibalchicha Str., 6
Doctor of Economics, Professor
E-mail: lena-itig@mail.ru

Abstract

This article addresses issues in relations between Russia and Poland in the area of the development of tourism and humanitarian exchanges. The author brings to light the specifics of the way Russians and Poles perceive each other and lays emphasis on the characteristics of the mentality of each of the nations. The article points up differences in the perception of traditional and new Polish brands and proposes new dimensions in fostering effective tourism exchanges between Russia and Poland.

Keywords: Russian-Polish relations; tourism; humanitarian exchanges; traditional and new Polish tourism brands.

Введение

В Европе едва ли найдется страна, историческая судьба которой так тесно переплелась с Россией, как Польша. В многовековой истории взаимоотношений найдется немало темных страниц, объясняющих взаимное недоверие, но есть и точки сближения: общие славянские корни, давние культурные связи и взаимные экономические интересы.

Материалы и методы

Статья основывается на анализе туристических брендов и программ гуманитарного сотрудничества между двумя странами.

Обсуждение и результаты

После распада СЭВ и развала СССР Россия открылась миру в новом качестве, и в этой новой реальности Польша, как и все постсоветские страны, перестала быть для нее важным союзником, она стала просто соседней страной, по-своему интересной, но всё же одной из многих. Вместе с тем последние десятилетия российско-польские отношения претерпели серьезные изменения и стали значительно холоднее, правда, определенный градус взаимного интереса народов двух стран по-прежнему сохраняется, хотя порой его характер весьма неоднозначен. Но ничего не поделаешь, исторически сложившаяся политическая культура россиян и поляков разная, как, впрочем, и национальный характер. Для россиян остается значимой идентификация себя с сильной государственностью, тогда как

самосознание поляков вырастает из национальных культурных традиций. Взгляд россиян по большей части устремлен в будущее, а у поляков, напротив, прошлое довлеет над настоящим. Ощущая себя в разных временных измерениях, эти два народа совершенно по-разному оценивают факты своей общей истории. Иногда эти оценки даже диаметрально противоположны, что, несомненно, влияет на систему взаимоотношений, включая туризм, культурные обмены и другие формы гуманитарного сотрудничества. И если впечатления россиян от Польши носят по большей части позитивный характер, то у поляков Россия чаще всего ассоциируется с Катынью, пактом Молотова-Риббентропа и ГУЛАГом.

Россия и Польша: похожие и разные. Россияне (по результатам ряда социологических опросов) значительно благосклоннее относятся к полякам и гораздо менее жестко оценивают исторические события, разделяющие наши народы. Причина этого кроется в том, что глубина современного исторического сознания россиян невелика. В отличие от поляков, для которых события XVIII–XX вв. имеют огромное значение, в России массовое историческое сознание сосредоточено вокруг сюжетов советской истории – Октябрьской революции, Великой Отечественной войны, освоения космоса, всё остальное уходит из живой памяти в мифологическое историческое пространство. При этом пантеон российской истории также мифологически героичен, в нем обычно первые места занимают политики и военачальники. Это объясняется тем, что развитие России как государства всегда связывалось с усилиями сильной, целеустремленной и направляющей власти. Кроме того, россияне живут в большой и разнообразной стране, где каждый из 85 регионов (субъектов Российской Федерации) по своим масштабам сопоставим с отдельной страной, и в их картине мира Польша занимает гораздо меньшее место, чем Россия в картине мира у поляков. Этим и объясняется, что польская пресса значительно чаще пишет о России, чем российская о Польше.

Старые и новые бренды. Представления россиян о Польше преимущественно не основаны на событиях и процессах последних десятилетий. Так, по опросам, проведенным в 2001–2005 гг., Польша ассоциируется у россиян в первую очередь с телесериалом «Четыре танкиста и собака», краковской колбасой и магазинами фирмы «Польская мода». В ряду имен, олицетворяющих Польшу, практически нет современных польских политиков. Россияне в число знаменитых поляков включили: Анну Герман, Эдиту Пьеху, Барбару Брыльску, Фридерика Шопена, Николая Коперника, Станислава Лемма, Иоанна Павла II. Этот факт указывает на исключительную живучесть традиционных польских брендов времен социалистического содружества, но такое видение политическая элита Польши воспринимает как недооценку со стороны России своего нового статуса и серьезных успехов в развитии демократии. К сожалению, эта ситуация в определенной степени отразилась на интересе поляков к русскому языку. За последние 20 лет число поляков, изучающих русский язык, сократилось более чем в 5 раз. Вместе с тем выяснилось, что спрос на русский язык со вступлением Польши в Евросоюз начал расти, так же как и интерес к российской культуре. И это не случайно: как показывает опыт российско-чешских отношений, то, что не в состоянии изменить политика, под силу экономике. Растущие потоки российских туристов на курорты Чехии вызвали значительный интерес у местного населения к изучению русского языка. Так, в Карловых Варах практически весь обслуживающий персонал, включая молодежь, владеет русским языком, хотя в большинстве школ Чехии русский язык уже не изучают. Однако реальные ориентиры туристского бизнеса Чехии на обслуживание российских туристов были мгновенно приняты населением чешских курортов, где большая часть туристов – русскоговорящие. В Польше же русским языком в достаточной для общения степени сегодня владеют поляки старше 35 лет, что явно недостаточно для продуктивного развития российско-польских отношений и, прежде всего, для развития туризма. Основная доля обслуживающего персонала в туризме – молодежь до 30 лет, а в Польше это уже поколение, родившееся и взрослевшее в сложные 1990-е гг., когда отношения между нашими странами стали стремительно разрушаться.

Вместе с тем не следует строить иллюзий, совершенно очевидно, что люди разных культур никогда не смогут до конца понять друг друга, но очень важно, чтобы они дружелюбно друг друга воспринимали. Ведь, к примеру, большинство поляков своеобразно, но в то же время позитивно воспринимают японцев: непонятно, но интересно и красиво, а

как известно, позитивные эмоции способствуют развитию интереса к культуре и традициям других народов.

Вселяет определенную уверенность тот факт, что все чаще с такой же тональностью поляки воспринимают русскую культуру. Социологические опросы показали, что в числе выдающихся шедевров мировой литературы ими называется роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», уже традиционно большой интерес вызывают концерты русских православных хоров и выставки русских икон.

Туризм как инструмент развития российско-польских отношений.

Взаимный интерес россиян и поляков друг к другу можно активизировать в том числе на основе развития туризма и широких гуманитарных связей. И работа в этом направлении уже ведется, так, согласно маркетинговым планам Польской туристской организации, которые озвучила директор Департамента туризма Министерства спорта и туризма Республики Польша Мария Напьюрковска, в 2014 г. Россия должна была быть включена в Список приоритетных стран в сфере туризма [1]. В рамках этого решения польской стороной были предложены мероприятия, включающие разработку современных рекламных материалов на польском языке о туристской привлекательности России, были намечены основные направления научных исследований в области изучения имиджа Польши и польских продуктов в России. Также были определены условия развития туризма в приграничной зоне, в том числе за счет упрощения визового режима для граждан России и Польши.

Значительную роль в реализации этих планов, безусловно, должно сыграть профессиональное туристское сообщество с опорой на новейшие информационные технологии. В современных условиях информационно-технологическая составляющая коммуникаций становится ключевой. Позитивные и негативные образы страны или региона сначала создаются в информационном пространстве, а затем уже воспринимаются людьми. Качественный электронный туристский контент все больше теснит бумажные путеводители, буклеты и специализированную прессу. Даже туристские сайты и большие информационные порталы уже не могут в полной мере конкурировать с мгновенными скоростями распространения информации в социальных сетях, а возможности цифровых технологий таковы, что визуальные образы достопримечательностей и других объектов туристского показа абсолютно доступны всем пользователям глобальной сети в режиме реального времени. Все это, несомненно, дает огромные возможности, но вместе с тем требует разработки грамотной коммуникационной стратегии, направленной на развитие широких и эффективных гуманитарных контактов между нашими странами.

В этой связи заслуживает внимания усилия Польского национального туристического портала [2], целью которого является продвижение Польши как страны, привлекательной для российских туристов, страны современной, предлагающей высококачественные туристские продукты и услуги по привлекательным ценам. Данный портал вполне информативный и полезный, но, скорее, он призван решать проблемы польского и российского турбизнеса, преимущественно ориентирован на решение текущих коммерческих задач. Традиционное для таких ресурсов меню, включающее информацию о турфирмах, гостиницах, городах, достопримечательностях, событиях в сочетании с позитивно-нейтральным интерфейсом, скорее, просто информирует уже мотивированных на посещение Польши российских туристов. Подобный ресурс вполне хорош для россиян, проживающих в европейской части России и преимущественно в Северо-Западном и Центральном федеральных округах. Жители Калининградской, Смоленской и Псковской областей традиционно ориентированы на короткие путешествия в Польшу. Отдых, экскурсионные программы, оздоровление, шопинг в Польше интересны и выгодны, ведь практически через считанные часы можно оказаться в европейской стране с глубокой и интересной историей, красивой природой и хорошей туристской инфраструктурой. Всё это приятно и вполне экономически оправданно, но, очевидно, только для людей, знающих Польшу. Для подавляющего количества россиян, проживающих на востоке страны, Польша – страна далекая и если не экзотическая, то малоизвестная. Принимая во внимание факт, что Россия – это евразийская страна и большая часть ее территории находится за Уралом в Азии, можно заключить, что у большинства россиян впечатления о Польше носят бесконтактный характер. Множество домыслов и разных версий вокруг двух катынских

трагедий, драки футбольных фанатов и другие негативные новости в вольном стиле формируют представления многих россиян о Польше.

Однако традиционный символичный ряд, олицетворяющий Польшу, для россиян вот уже продолжительное время не меняется. Он навсегда вошел в нашу жизнь с удивительно красивым и нежным голосом Анны Герман, которую в России вообще привыкли считать «родной душой».

За последние десятилетия на российской эстраде так и не появилось певицы, которая смогла бы так проникновенно и легко петь о любви, простых человеческих радостях и чувствах. Россиян глубоко тронула ее сложная и драматичная судьба, интересно рассказанная в фильме, недавно вышедшем в России к 75-летию юбилею певицы. Интересен факт, что под воздействием этой картины вырос туристский интерес к Узбекистану, где в 1936 г. в городе Ургенче родилась Анна Герман.

И если в глазах россиян Анна выглядела восточноевропейской Далидой, то польскую актрису Барбару Брыльску называют «главной новогодней улыбкой» всей нашей огромной страны. Каждый год в канун новогодних праздников идет культовый фильм «Ирония судьбы, или С легким паром», где главную женскую роль учительницы русского языка Нади сыграла обаятельная и романтическая Барбара Брыльска – одна из любимейших в России актрис. С ее именем многие россияне до сих пор связывают самые эмоциональные моменты сложной анатомии любви, раскрытой режиссером Романом Залуски в одноименном фильме. В современной России кинематографическое искусство уже невозможно представить без невероятно увлекательных фильмов по романам польского писателя-фантаста Станислава Лема и сложных, глубоко художественных и проникновенных картин Анджея Вайды.

Популярный польский сериал «Четыре танкиста и собака» запечатлен в памяти россиян среднего возраста, его дневные показы серьезно ухудшали показатели школьной посещаемости в начале 1970-х гг. Я сама, будучи в то время школьницей, завидовала своей старшей сестре, учившейся во вторую смену, потому что она могла утром спокойно смотреть повтор любимого сериала с обаятельными актерами и овчаркой Шариком. Да и вообще, все старые польские бренды демонстрируют редкую живучесть: польская косметика с каким-то необыкновенным запахом блеска для губ и предел мечтаний девчонок 1980-х гг. – тонкие польские водолазки, в которых даже сама себе кажешься настоящей красавицей, а главное – изумительные духи «Быть может...» и «Может быть...» с чарующим запахом всепобеждающей женственности. До сих пор для нескольких поколений россиянок на когнитивной карте Москвы сохранилась память о знаменитом польском магазине «Ванда», где продавались эти духи. И сегодня его словесный образ периодически всплывает, когда говорят или пишут об улицах Петровка и Большая Полянка, на которых в разное время находился магазин.

Ничего не поделаешь, ностальгия или, как сейчас принято говорить, «аромат» ушедшей эпохи. Вместе с тем всё то, что связывало россиян и поляков в советские времена, в Польше стараются забыть, считая эти образы архаичными и не отвечающими новому времени, что в определенном смысле понятно, но совсем не практично. Зачем ломать и игнорировать старые образы, вызывающие уважение и интерес к стране? Ведь новые прагматичные подходы, основанные на экономике впечатлений, живо свидетельствуют, что впечатления – это особый тип экономического предложения и, главное, легко конвертируемый. Миллионы туристов по всему миру готовы платить за сильные чувства, острые ощущения и приятные эмоции. Вы только задумайтесь, люди готовы немало заплатить за незабываемые минуты своей жизни, срежиссированные туристской компанией подобно сценам в театральной пьесе. И действительно, что может быть лучше, чем увидеть Польшу глазами писательницы Иоанны Хмелевской.

«Пройти по Мокотову, посмотреть на Жолибож, погулять по Иерусалимским аллеям – местам где “живут” героини пани Хмелевской. Хочется заглянуть на ипподром в Служевицах и поставить на удачу, на первую попавшуюся лошадь, просто так, для приятных ощущений, а не для выигрыша. В память о пани Анне, ведь она так любила бега! А еще можно увидеть, как ловят янтарь! И это, скорее, покажется странным, но Польша – единственная страна в мире, где есть еще морской янтарь. Как только лед тронется, ветер в пенистой волне гонит к берегу кусочки янтаря, и среди этого “янтарного мусора” иногда находят большие красивые

янтарные самородки, почти всегда отмеченные маленьким мушками, перламутровыми облачками и едва видимыми травинками, подчеркивающими их яркий медовый и как бы освещенный изнутри цвет».

Как ни странно, но все эти лирические строки прозвучали в кратких конкурсных эссе на тему «Хочу в Польшу» [3]. Конкурс был организован и проведен порталом Polandinfo.ru, объединившим российские туристские компании, работающие на польском направлении, и просто россиян, влюбленных в Польшу. В отличие от коммерческих информационных ресурсов этот портал старается как можно шире представить туристские возможности Польши. Многие слышали о Варшаве и Кракове, о зимней польской столице Закопане или ганзейском Гданьске. Но можно увидеть и другую туристскую Польшу, побродив по коридорам средневекового замка, ставшего отелем, или поплавать на лодке по замечательным Мазурским озерам, увидеть и почувствовать еще многое, знакомясь на страницах портала с живыми авторскими материалами, интересными отзывами и эксклюзивными фотографиями. А различные конкурсы и викторины создают особую среду широкого общения и очень благоприятную атмосферу, где все участники этого виртуального сообщества любят Польшу и хотят больше узнать о ней.

Думаю, что такой формат продвижения туристского имиджа любой страны наиболее удачен. Он сочетает живой познавательный интерес с другими видами активности. На этом портале люди делятся впечатлениями и опытом пребывания в Польше, оценивают достопримечательности, польскую кухню, гостеприимство поляков, и это значительно более полезно, чем бесконечное «пережевывание» негативной информации о взаимных обидах, претензиях и драках.

Новые проекты в сфере туризма. В качестве действенного примера умелого формирования позитивного туристского имиджа Польши в глазах россиян может выступить творческий конкурс, который провел портал Polandinfo.ru в 2012 г., на лучший рассказ на тему «Что бы ты хотел сделать в Польше за 5 дней» [4]. Организаторами конкурса выступили туристские компании и Польский клуб МГИМО. Главным призом стал тур в Польшу на двоих «Три польские столицы».

На адрес портала в назначенное время пришли сотни работ, но в результате онлайн голосования было выбрано 10 самых интересных, раскрывающих с разных сторон сложившийся имидж Польши.

Авторы эссе за 5 дней пребывания в Польше задумали сделать много приятных вещей и рассказали нам о том, что бы им непременно захотелось сделать в Польше:

- подарить монетку вроцлавскому гному;
 - купить на память о Кракове сувенир с драконом;
 - побродить по мостовым средневекового Мальборкского замка, где некогда жили гордые рыцари тевтонского ордена;
 - поставить на телефон марицкий хейнал – для звонков от очень важных лиц;
 - в первый же день купить учебник польского языка и очень старательно его изучать все пять дней;
 - попробовать настоящие фляки и бигос;
 - восхититься красотой природы в Мазурском и Сувальском поозерьях;
 - поплавать на яхте или на байдарке, а также посетить тихое и таинственное озеро Нидзке;
 - посмотреть на немых лебедей, живущих на озере Лукайно;
 - погулять по варшавским улочкам, полюбоваться Вислой, послушать орган в костеле святой Анны;
 - купить коллекцию кукол в народных польских костюмах: бамберку, ловичанку, любушанку, пшчинянку;
 - побродить по старому Кракову и пойти в театр;
 - написать интересную статью о Польше, которая потом вполне может стать книгой.
- Вот так, оказывается, всего за 5 дней в Польше можно сделать много!

В подтверждение этому портал Polandinfo.ru в следующем 2013 г. объявил конкурс на лучший фоторепортаж о путешествии в Польшу: «Польша глазами туриста» [5]. Ведь ни для кого не секрет, что сегодня туристы делают во время своих путешествий множество фотографий, которыми они тут же делятся через социальные сети. Любое фото – это не только запечатленная память, но и эмоции туриста, которыми он хочет поделиться, а значит, передать нам визуальный образ места. Вот только несколько сюжетов этого конкурса.

Варшавская история. «Варшава – город контрастов, то сбивает с ног толпой на вокзале, то мягко успокаивает теплым летним дождем. Здесь старый камень живет рядом со сталью и стеклом, а неподалеку от шумных магистралей как угорелые носятся белки. А еще можно заглянуть за угол типового серого здания и увидеть вдруг лукаво смеющихся ангелков...».

Неповторимый Краков. «Краков – культурная столица Польши, так же как и царственная Вена, красив во все времена года...»

Гданьск: город – карнавал. «Я приехала в Гданьск поздно вечером, но уже в темноте почувствовала его, узнала на слух и на ощупь – по крикам чаек, шершавым каменным стенам домов и запаху воды из канала. При солнечном свете город показался мне ярким, праздничным и многолюдным, как настоящий карнавал...»

Выводы

Жанр фоторепортажа как конкурсного задания был выбран не случайно. Умелое сочетание фотографий и текста делает рассказ путешественника ярким и запоминающимся. Кроме того, фоторепортаж объективен и субъективен одновременно. С одной стороны, реальные фотокадры дают ясную картину событий, а с другой эти события видятся нам через призму авторского восприятия, и мы сами как бы заражаемся увлеченностью человека, видящего Польшу добрыми глазами любознательного путешественника.

Примечания:

1. К сожалению, в настоящее время эта программа приостановлена в связи со сложившейся политической ситуацией, связанной с украинским конфликтом.
2. Польский национальный туристический портал. URL: <http://www.poland.travel/ru/> (дата обращения: 12.08.2014).
3. Конкурс «Хочу в Польшу!». URL: <http://www.polandinfo.ru/Container/Details/2171> (дата обращения: 12.08.2014).
4. Правила конкурса «Хочу в Польшу!». URL: [http://polandinfo.ru /container /details/2172](http://polandinfo.ru/container/details/2172) (дата обращения: 12.08.2014).
5. Конкурс «Польша глазами туриста». URL: <http://polandinfo.ru/ Container/ Details /3942> (дата обращения: 12.08.2014).

References:

1. K sozhaleniju, v nastojashhee vremja jeta programma priostanovlena v svjazi so slozhivshejsja politicheskoj situaciej, svjazannoj s ukrainским konfliktom.
2. Pol'skij nacional'nyj turisticheskij portal. URL: <http://www.poland.travel/ru/> (data obrashhenija: 12.08.2014).
3. Konkurs «Hochu v Pol'shu!». URL: <http://www.polandinfo.ru/Container/Details/2171> (data obrashhenija: 12.08.2014).
4. Pravila konkursa «Hochu v Pol'shu!». URL: <http://polandinfo.ru/container/details/2172> (data obrashhenija: 12.08.2014).
5. Konkurs «Pol'sha glazami turista». URL: <http://polandinfo.ru/Container/Details/3942> (data obrashhenija: 12.08.2014).

УДК 796.5

**Россия и Польша: старые и новые форматы сотрудничества
в сфере туризма**

Елена Александровна Джанджугазова

Российский государственный университет сервиса и туризма, Российская Федерация
129164, Москва, ул. Кибальчича, 6
доктор экономических наук, профессор
E-mail: lana-itig@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам взаимоотношений между Россией и Польшей в области развития туризма и гуманитарных обменов. Автор раскрывает особенности восприятия россиянами и поляками друг друга и делает акцент на особенности менталитета одной и другой нации. Подчеркивает различия в восприятии традиционных и новых польских брендов, а также предлагает новые направления в формировании эффективных туристских обменов между Россией и Польшей.

Ключевые слова: российско-польские отношения; туризм; гуманитарные обмены; традиционные и новые польские туристские бренды.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 174-181, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93/94

The North-Eastern Azov Sea Littoral within the Administrative/Territorial Structure of the Russian State (the Late 17th-Early 19th Centuries)

¹Pyotr A. Avakov
²Amiran T. Urushadze

¹Russian Academy of Sciences Southern Scientific Centre
Institute of social-economic and humanities researches Russian Federation, Russian Federation
344000, Rostov-on-Don, Chekhova str., 41
PhD (History)

E-mail: pavakov@mail.ru

²Russian Academy of Sciences Southern Scientific Centre
Institute of social-economic and humanities researches Russian Federation, Russian Federation
344000, Rostov-on-Don, Chekhova str., 41
PhD (History)

E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract

This article addresses the history of the formation and development of the administrative/territorial set-up of the North-Eastern Azov Sea littoral within the Russian state. The author identifies the major stages in the administrative reformation of the krai. The article examines the various projects on optimizing the governance of the region and their significance. The work is put together based on a broad array of published and archive sources.

Keywords: North-Eastern Azov Sea littoral; south of Russia; administrative/territorial division.

Введение

История территориального расширения Российского государства и последующей интеграции новоприобретенных земель в систему управления относится к «классическим» сюжетам отечественной историографии. В последнее время, ввиду хронической неразрешенности проблем формирования оптимальной модели административно-территориального деления и управления юга России, данная тематика приобрела и прикладное, практическое значение. Эти условия предопределяют необходимость широкого, контекстного анализа основ становления и факторов трансформации административной карты и управленческих практик различных российских территорий. Выбор Северо-Восточного Приазовья в качестве объекта исследования продиктован высокой

степенью интенсивности административных преобразований, которым перманентно подвергалась эта историческая область.

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ неопубликованных и опубликованных документов, среди которых материалы российских федеральных и региональных архивов. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение и результаты

С 1475 г. Северо-Восточное Приазовье принадлежало Османской империи, причем в конце 60-х годов XVI в. его территория, ранее относившаяся к Азакскому кадилыку Кафинского санджака, была выделена в самостоятельный Азакский санджак, ставший частью новообразованного Кафинского эйялета. Военно-административным центром Азакского кадилыка, а затем санджака, являлся город-крепость Азак (Азов) [1].

В отличие от других окраинных регионов, Северо-Восточное Приазовье входило в состав Российского государства трижды, причем каждый раз в ходе войны с Турцией: в 1696 г. (война 1686–1699 гг.), в 1736 г. (война 1735–1739 гг.) и в 1769 г. (война 1768–1774 гг.). В первом и третьем случаях территориальное приобретение было оформлено Константинопольским и Кючук-Кайнарджийским мирными договорами соответственно 1700 и 1774 гг. [2], второе присоединение края к России имело временный характер [3].

Овладев Азовом 19 июля 1696 г., Петр I ликвидировал Азакский санджак и взял под контроль все Северо-Восточное Приазовье. Царем сразу же было предусмотрено распространение российской колонизации за пределы обжитого турками района устьев Дона, а именно – на Миусский полуостров, где у мыса Таган (Таган-рога) он запланировал построить военно-морской порт и крепость [4]. Кульминацией начавшегося в 1697 г. освоения Миусского полуострова стала закладка в 1699 г. Таганрогской гавани и города-крепости Троицкого, более известного в литературе как Таганрог [5]. Приазовье в этот период рассматривалось российскими властями, прежде всего, как стратегический военно-морской плацдарм для предстоящей борьбы с Турцией за выход в Черное море.

В конце XVII в. в Северо-Восточном Приазовье сложилась традиционная для Московского государства система местного управления, не обладавшая той гибкостью и рациональностью, которые требовались для реализации намеченных Петром I грандиозных военных, хозяйственных и строительных программ. Местная власть в крае была представлена двумя независимыми друг от друга воеводами, резиденциями которых являлись Азов и Троицкий (до сентября 1699 г. – город-крепость Павловский на Петрушиной косе). Вскоре практика убедила правительство принять решение о сосредоточении всей административной власти в Приазовском крае в одних руках. Вначале вызвавший много нареканий троицкий воевода Е.И. Янов в июне 1700 г. был временно подчинен своему азовскому коллеге С.И. Салтыкову. Часть дел – прежде всего, надзор над строительством гавани, – была вообще изъята из компетенции Е.И. Янова и передана С.И. Салтыкову. Затем сменивший Е.И. Янова в декабре 1700 г. на посту троицкого воеводы Г.С. Титов был изначально официально подчинен новому азовскому воеводе С.Б. Ловчикову в качестве товарища (заместителя). Окончательным шагом на пути централизации местной власти в крае стало введение в Азове в 1703 г. должности губернатора и назначение на нее И.А. Толстого [6]. При этом Азов лишь формально являлся центром российского Приазовья, так как в 1704 г. в связи с растущим значением таганрогских строек губернатор «переехал на житье в Троицкой» [7]. Он лишь на время навещался оттуда в Азов, где остался его заместитель.

В ходе губернской реформы 1709–1711 гг. территория Приазовского края была включена в состав обширной Азовской губернии, занимавшей (полностью и частично) территорию 12 современных субъектов Российской Федерации и трех областей Украины. Характерно, что у губернии было два официальных административных центра – Азов и Воронеж. Азовским генерал-губернатором в феврале 1710 г. был назначен граф Ф.М. Апраксин, возглавлявший Приказ адмиралтейских дел, в ведение которого одновременно было передано Северо-Восточное Приазовье. В результате, местное и центральное руководство краем слились воедино, что способствовало большей координации

правительственных усилий. При этом непосредственное управление Приазовским краем по-прежнему осуществлял губернатор И.А. Толстой – второе лицо в губернской иерархии [8].

Дальнейшее административно-территориальное обустройство Приазовского края было прервано в 1711 г. неудачным для России исходом войны с Турцией. По условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г. Петру I пришлось вернуть Турции Азов со всем Северо-Восточным Приазовьем, а также разрушить Троицкий и другие сооруженные в крае укрепления [9]. Продолжавшаяся 15-летняя российская колонизация края завершилась реставрацией Азакского санджака в январе 1712 г.

Добиться реванша в геополитическом противостоянии с Турцией в Северо-Восточном Приазовье Россия смогла в царствование императрицы Анны Иоанновны, в результате взятия армией генерал-фельдмаршала П.П. Ласси Азова 20 июня 1736 г. Однако в условиях военного времени правительство не спешило оформлять административно-территориальный статус края. Управление повторно завоеванной территорией императрица возложила на генерал-аншефа В.Я. Левашова – «главного при Азове командира». Мемуарист Х.Г. Манштейн даже назвал его губернатором Азова [10]. Под контроль генерала фактически попала вся территория бывшего Азакского санджака в границах 1714 г.

Дальнейшую судьбу края решил Белградский мирный договор от 18 сентября 1739 г., в соответствии с которым Азов подлежал разрушению, а прилегающие к нему земли получили статус нейтральной и демилитаризованной зоны, служащей «барьером» между двумя империями. Часть северного побережья Азовского моря от дельты Дона до р. Миус осталась в составе России, но на этой территории запрещалось строить крепости и основывать стационарные поселения [11]. Эти условия были выполнены в октябре 1741 г., уже в правление императора-младенца Иоанна Антоновича [12].

Прошло еще 30 лет, прежде чем появилась возможность окончательного присоединения Северо-Восточного Приазовья к России. В марте-апреле 1769 г. отряды генерал-майора Ф. Вернеса и бригадира И.П. де Жедераса заняли развалины Азова и Троицкого, и приступили к восстановлению крепостей. Вскоре началась реконструкция Таганрогской гавани, ставшей базой Азовской флотилии вице-адмирала А.Н. Синявина [13].

Стабилизация ситуации в регионе после заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. повлекла за собой создание новой административно-территориальной единицы, в состав которой вошло и Северо-Восточное Приазовье. По указу Екатерины II от 14 февраля 1775 г. была образована Азовская губерния во главе с генерал-губернатором графом Г.А. Потемкиным. Однако он, как и глава первой Азовской губернии граф Ф.М. Апраксин, осуществлял самое общее руководство новой административно-территориальной единицей, находясь далеко за ее пределами. На месте губернией управлял назначенный императрицей губернатор В.А. Чертков, подчинявшийся генерал-губернатору. Следует отметить, что Азов на этот раз не стал административным центром Азовской губернии. Губернатор В.А. Чертков и губернская канцелярия изначально размещались в Белевской крепости на р. Берестовой (ныне – г. Красноград Харьковской области Украины), а в 1776 г. были переведены в Екатеринослав (первый) на р. Кильчень. Изначально губерния состояла из двух провинций – Азовской и Бахмутской, но вскоре Азовская провинция была упразднена, и Азов стал уездным городом [14].

В последней четверти XVIII в. колонизация Приазовского края развернулась с новой силой и в еще больших масштабах [15]. При этом правительство Екатерины II во многом опиралось на опыт, накопленный при Петре I и не забытый в царствование Анны Иоанновны.

Азовская и Новороссийская губернии занимали особое положение в административно-территориальной структуре империи – лишь указом Екатерины II от 30 марта 1783 г. на них были распространены «Учреждения для управления губерниями Всероссийской империи» 1775 г. Но поскольку ни одна, ни другая губерния не располагали положенным количеством населения и изначально фактически представляли собой единую область, императрица этим же указом объединила их в Екатеринославское наместничество. Подобно Петру I в 1710 г. Екатерина II взяла курс на централизацию и персонификацию управленческих полномочий в южном регионе. Екатеринославским генерал-губернатором был назначен светлейший князь Г.А. Потемкин, а губернатором, осуществлявшим текущее управление наместничеством, Т.И. Тутолмин, вскоре замененный И.М. Синельниковым. Князь

Г.А. Потемкин, с середины 70-х годов XVIII в. занимавший должность новороссийского, азовского и астраханского генерал-губернатора, получил практически полную свободу в определении центра и внутренних границ наместничества, что дало ему возможность радикально перекроить административные контуры двух упраздненных губерний [16]. Однако эти изменения не затронули Северо-Восточное Приазовье, ранее входившее в состав Таганрогского уезда Азовской губернии: в 1784 г. при окончательном определении территориальной структуры Екатеринославского наместничества, он был переименован в Мариупольский уезд, но границы его остались прежними [17].

После включения в 1783 г. Крымского ханства в состав Российской империи и проведения новой линии границы с Турцией по р. Кубани [18] Северо-Восточное Приазовье оказалось в глубоком тылу и потеряло свое военно-стратегическое значение. На последующих этапах развития административной политики в крае имперская власть исходила из необходимости эффективного регулирования торговли и торгового земледелия в регионе. В конце XVIII в. Таганрог стремительно эволюционировал: потеряв в 1783 г. статус базы российского военно-морского флота, город превратился в крупнейший внешнеторговый порт. Указом Екатерины II от 10 февраля 1784 г. предписывалось оказавшийся «внутри государства» Таганрог отныне крепостью «не почитать» [19].

31 декабря 1796 г. Павел I объединил Таврическую область, Екатеринославское и Вознесенское наместничества в обширную Новороссийскую губернию. 29 августа 1797 г. император утвердил разработанную Сенатом структуру губернии. Одним из ее 12 уездов был Ростовский, который включал в себя большую часть Северо-Восточного Приазовья [20].

Социально-экономическому развитию Приазовского края, как и всего юга России, должно было способствовать разукрупнение Новороссийской губернии и, соответственно, децентрализация управления регионом. Согласно указу императора Александра I от 8 февраля 1802 г., территория Новороссийской губернии «для удобнейшего течения дел» была разделена между тремя губерниями: Николаевской, Екатеринославской и Таврической. Земли Северо-Восточного Приазовья вошли в пределы Ростовского уезда Екатеринославской губернии Таганрогского градоначальства, которое до 1888 г. фактически оставалось полуавтономной административной единицей. Таганрогский градоначальник подчинялся непосредственно министру внутренних дел, министру коммерции и генерал-прокурору Сената [21]. Административное значение градоначальства было столь велико, что «присутственные места» (административные учреждения) и казначейство Ростовского уезда, с 1797 г. временно размещавшиеся в Таганроге, были перенесены в Ростов-на-Дону лишь в 1806 г. Но спустя 10 лет, в 1816 г. для удобства их вернули обратно [22].

Управленческая «экспансия» Таганрогского градоначальства в Приазовском крае получила новое развитие уже в следующем 1807 г. По представлению таганрогского градоначальника барона Б.Б. Кампенгаузена с целью содействия росту торговли и промышленности Приазовья, Александр I именным указом присоединил Ростов-на-Дону, Нахичевань и Мариуполь к Таганрогскому градоначальству «по части полиции, торговли и купеческой навигации». По прочим вопросам эти города оставались в подчинении губернской администрации [23]. Следующим шагом по пути концентрации административных полномочий в руках таганрогских градоначальников стала передача в их ведение таможенного контроля в пределах Азовского бассейна [24]. Примечательно, что оба эти именных указа были подписаны Александром I с разницей в один день – 31 октября и 1 ноября 1807 г.

Так же стремительно, как возрастала в последней четверти XVIII в. роль Таганрога в административной и экономической жизни Приазовья, падало значение Азова. В 1810 г. Азовская крепость была упразднена, а в 1823 г. захолустный город превратился в посад [25].

Ко времени создания второй Азовской губернии (1775) часть Северо-Восточного Приазовья фактически принадлежала Войску Донскому. Донские казаки начали промыслово-хозяйственное освоение этой территории после 1741 г., когда район дельты Дона входил в буферную «барьерную» зону и еще не являлись частью России. С 1775 г. войсковые земли в устьях Дона находились в ведении сысского начальника, имевшего резиденцию в Усть-Аксайском стане (с 1797 г. – ст. Аксайская). Казачьи владения в окрестностях Таганрога и р. Миус до 1802 г. вообще не имели никакого местного управления [26]. В 1797 и 1802 гг., при проведении в Войске Донском административной реформы, эти

два казачьих анклава на окраине Екатеринославской губернии вошли в состав Аксайского (Черкасского) сыскного начальства и образовали Миусское сыскное начальство. Примечательно, что сыскными начальствами назывались и территориальные округа, и управлявшие ими учреждения, являвшиеся донским вариантом нижних земских судов. Их возглавляли выборные судьи, подчинявшиеся Войсковой канцелярии Войска Донского [27].

Таким образом, в начале XIX в. на территории Северо-Восточном Приазовья сложилась своеобразная административная «чересполосица»: ее отдельные части, расположенные по соседству, относились к ведомству Екатеринославской губернии, Таганрогского градоначальства и Войска Донского. Это неблагоприятное с рациональной точки зрения обстоятельство, а также все возрастающее значение региона в сфере внешней торговли, товарного земледелия и промышленности вкупе со значительным ростом местного населения [28] вынуждали имперское правительство искать более эффективную конфигурацию административно-территориальной карты края. В годы правления императора Николая I (1825–1855) была констатирована порочность практики закрепления административных прерогатив за отдельными институтами исключительно «в видах развития торговли», то есть в отрыве от удобства административного управления [29].

Одним из вариантов административного обустройства всего Приазовья в XIX в. стал нереализованный проект создания Петровской, или Таганрогской губернии. Впервые этот проект был представлен Николаю I министром внутренних дел графом Д.Н. Блудовым в 1838 г. Петровскую губернию предполагалось образовать из восточной части Екатеринославской губернии, ногайских земель в районе Бердянска и Миусского сыскного начальства Земли Войска Донского. Несмотря на то, что на учреждение новой губернии последовало соизволение императора, новое административное образование на карте юга Российской империи так и не появилось. К идее создания Петровской губернии вновь обратился сенатор М.Н. Жемчужников, ревизовавший в 1844 г. Таганрогское градоначальство. Подчеркивая многочисленные выгоды от образования губернии в рапорте Николаю I «Об устройстве управления прибрежными городами Азовского моря» от 1844 г., сенатор писал: «Учреждение Петровской губернии было бы благотельно для всего приморья Азовского; оно ближе и удобнее связало бы Украину и внутренние губернии со странами прилежащими к сему морю, и облегчило бы исполнение благотельных постановлений дарованных земле Войска Донского». В дополнение к проекту Д.Н. Блудова, М.Н. Жемчужников предлагал включить в состав губернии города Ростов-на-Дону и Бердянск, а также, в целях пресечения торгового соперничества Керчи и Таганрога подчинить первую главе Петровской губернии [30]. Но и этот проект административной реорганизации, тоже утвержденный императором, остался на бумаге.

Последующие планы переустройства системы управления в Северо-Восточном Приазовье непременно содержали пункт, согласно которому Миусский округ Земли войска Донского (бывшее Миусское сыскное начальство) должен был безвозмездно отойти к новому административному образованию. Между тем, власти Войска Донского проявили в этом вопросе принципиальную неуступчивость, что привело в 1850–1860-х гг. к провалу двух попыток создания Таганрогской губернии [31].

К 1860-м годам расстановка сил между городскими центрами в Приазовье существенно меняется. Постепенно Таганрог уступил Ростову-на-Дону позицию торгово-промышленного центра региона. Не последнюю роль в этом сыграл генерал-губернатор Новороссии и наместник Бессарабии (с 1844 г. еще и наместник Кавказа) граф М.С. Воронцов. Основным торговым конкурентом Одессы (административного центра Новороссийского края) в первой половине XIX в. был Таганрог. Предшественники М.С. Воронцова на посту новороссийского генерал-губернатора (Э.О. де Ришелье, А.Ф. Ланжерон) не раз пытались ограничить таганрогскую торговлю внутренним рынком и тем самым снизить значение Таганрогского порта. Трудно сказать, преследовал ли М.С. Воронцов непосредственно эту цель, но именно реализация его инициатив 1835 г. по расчистке гирл Дона и учреждению таможенной заставы в Ростове-на-Дону привела к появлению необходимых условий «для свободного отпуска русских произведений прямо с тамошней пристани, не завозя их в Таганрог» [32]. Потеря Таганрогом былого значения вызвала обсуждение в российском правительстве возможности создания отдельного Ростовского округа, включающего Таганрогское

градоначальство, с центром в Ростове, который по «положению своему при устье судоходной реки на главном торговом пути этого края, представляет более задатков будущности, чем Таганрог» [33].

В условиях утраты Таганрогом прежней роли в социально-экономическом развитии региона самостоятельность Таганрогского градоначальства выглядела неоправданной. Одновременно выход на лидирующие позиции Ростова-на-Дону еще более усложнял управление им из далекого Екатеринослава (второго, ныне – г. Днепропетровск на Украине). Административно-территориальная чересполосица Северо-Восточного Приазовья становилась препятствием и при реализации масштабных управленческих решений. Так, при переселении казаков Азовского казачьего войска на Кавказскую линию в 1862–1863 гг., маршрут следования переселенцев, пролежавший через Ростов-на-Дону, необходимо было согласовывать между тремя сторонами: наказным атаманом Азовского казачьего войска, губернатором Екатеринославской губернии и Войсковым правлением войска Донского [34].

Ближайшей к Таганрогу и Ростову административной единицей, как в географическом, так и в административном отношении, была Область Войска Донского. Это обстоятельство, наряду с традиционными торговыми, промышленными и социальными связями местного населения, стали причинами включения Таганрогского градоначальства и Ростовского уезда Екатеринославской губернии в состав Области по указу Александра III от 19 мая 1887 г. в качестве Таганрогского и Ростовского округов соответственно. По ходатайству военного министра император отсрочил выполнение этого указа до 1888 г. Новые административные образования вобрали в себя территорию бывшего Миусского и частично Черкасского округов [35].

Выводы

Таким образом, в правление Петра I и Екатерины II Северо-Восточное Приазовье изначально представляло собой самодостаточный район российской колонизации (1696–1709 и 1769–1774), который со временем стал частью более крупных административно-территориальных образований – первой Азовской губернии (1710), второй Азовской губернии и Екатеринославского наместничества (1775 и 1783). При этом генерал-губернаторами этих областей монархи назначали деятелей, лично близких к ним и облаченных особым доверием: граф Ф.М. Апраксин приходился свояком Петру I, а князь Г.А. Потемкин на протяжении многих лет был фаворитом Екатерины II. Но если в 1696–1711 гг. Приазовский край являлся южным анклавом Великороссии, то после его 33-летнего существования в качестве соседствующих нейтральной и приграничной зон, ко времени окончательного присоединения к России в 1774 г., два обширных участка этой исторической области уже фактически принадлежали полуавтономному Войску Донскому, что позже было закреплено юридически. Возникшая таким образом административная «чересполосица» пока не имела принципиального значения, так как войсковые земли в регионе имели устойчивые экономические связи с его государственной частью, и не препятствовали ее эффективному администрированию (если не брать во внимание территориальные споры 1775–1796 гг.). С 1802 г. Северо-Восточное Приазовье юридически перестало быть единым административно-хозяйственным организмом – сиюминутные экономические и административные конъюнктуры кардинальным образом изменили его место в административной структуре Российской империи. Создание Таганрогского градоначальства разделило управленческие усилия правительства в крае, понизив тем самым их эффективность. Частичное подчинение таганрогскому градоначальнику находящихся за пределами градоначальства населенных пунктов можно расценивать как паллиативную меру. Несмотря на периодическое появление проектов централизации региона во второй четверти XIX в., он был объединен в единых административных границах лишь в 1888 г., но не в качестве самостоятельной губернии, а в составе Области Войска Донского.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

Примечания:

1. Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam: New edition. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 808; Öztürk Y. Osmanli Hakimiyetinde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000. S. 111–112, 155.
2. Письма и бумаги императора Петра Великого (далее – ПиБ). СПб., 1887. Т. I. № 318. С. 371–372.
3. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война с Турцией в 1736–1739 гг.: Первые три года войны. СПб., 1906. С. 212–226.
4. Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 21–22.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 303.
6. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 414 об., 484–484 об., 486–486 об., 642–654.
7. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 378.
8. ПиБ. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3032, 3033. С. 70–72; № 3132. С. 131.
9. ПиБ. М., 1962. Т. XI. Вып. 1. № 4576. С. 322–323; № 4581. С. 328–329.
10. Баиов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны... С. 225–226, 229.
11. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. X. № 7900. С. 900.
12. ПСЗ. Т. XI. № 8462. С. 526–527.
13. Журнал военных действий армией Ея Императорского величества 1769 года. СПб., [1770–1773]. С. [132, 133].
14. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XX. № 14252. С. 55–56.
15. Дружинина Н.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. С. 48–91.
16. ПСЗ. СПб., 1830. Т. XXI. № 15696. С. 889.
17. РГАДА. Ф. 192. Екатеринославская губерния. Оп. 1. Д. 1; ПСЗ. Т. XXII. № 15910. С. 11–12.
18. ПСЗ. Т. XXI. № 15708. С. 897–898; № 15901. С. 1083.
19. ПСЗ. Т. XXIV. № 17702. С. 242; № 18117. С. 706–707.
20. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 286. Л. 1, 2, 7.
21. ПСЗ. Т. XXIX. № 22671. С. 1318.
22. ПСЗ. Т. XXIX. № 22673. С. 1319.
23. ПСЗ. Т. XXXI. № 24173. С. 104–105.
24. Ригельман А.И. Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 1918. С. 17–19, 25.
25. Материалы к истории Дона // Памятная книжка Области войска Донского на 1900 год. Новочеркасск, 1900. Отд. IV. С. 10–11.
26. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XIX. М., 1998. С. 57.
27. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 579. Оп. 1. Д. 198. Л. 72.
28. Там же. Л. 74–76.
29. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 1–15.
30. Из истории // Кавказ. 1850. № 32. (22 апреля). С. 128.
31. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 205. Л. 14 об–15.
32. ГАРО. Ф. 301. Оп. 13. Д. 161. Л. 1–2.
33. Самарина Н.В. Присоединение городов Нижнего Дона к Области войска Донского // Исторические этюды. Вып. 4. Ростов н/Д., 2000. С. 102–111.

References:

1. Inalcik H. Azak // The Encyclopedia of Islam: New edition. Leiden, 1986. Vol. 1. P. 808; Öztürk Y. Osmanli Hakimiyetinde Kefe: (1475–1600). Ankara, 2000. S. 111–112, 155.
2. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo (dalee – PiB). SPb., 1887. T. I. № 318. S. 371–372.
3. Baiov A.K. Russkaja armija v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny: Vojna s Turciej v 1736 – 1739 gg.: Pervye tri goda vojny. SPb., 1906. S. 212–226.
4. Pohodnyj zhurnal 1696 goda. SPb., 1853. S. 21–22.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 396. Op. 3. D. 24. L. 303.
6. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-morskogo fota (dalee – RGAVMF). F. 177. Op. 1. D. 14. L. 414 ob., 484–484 ob., 486–486 ob., 642–654.
7. RGAVMF. F. 177. Op. 1. D. 36. Ch. 1. L. 378.
8. PiB. M.; L., 1950. T. IX. Vyp. 1. №№ 3032, 3033. S. 70–72; № 3132. S. 131.
9. PiB. M., 1962. T. XI. Vyp. 1. № 4576. S. 322–323; № 4581. S. 328–329.

10. Baiov A.K. Russkaja armija v carstvovanie imperatricy Anny Ioannovny... S. 225-226, 229.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, s 1649 goda (dalee – PSZ). SPb., 1830. T. H. № 7900. S. 900.
12. PSZ. T. XI. № 8462. S. 526-527.
13. Zhurnal voennyh dejstvij armej Eja Imperatorskago veličestva 1769 goda. SPb., [1770–1773]. S. [132, 133].
14. PSZ. SPb., 1830. T. HH. № 14252. S. 55-56.
15. Družhinina N.I. Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg. S. 48-91.
16. PSZ. SPb., 1830. T. XXI. № 15696. S. 889; tam zhe. T. HHII. № 15910. S. 11-12.
17. RGADA. F. 192. Ekaterinoslavskaja gubernija. Op. 1. D. 1; PSZ. T. HHII. № 15910. S. 11-12.
18. PSZ. T. XXI. № 15708. S. 897-898; № 15901. S. 1083.
19. PSZ. T. XXII. № 15929. S. 22.
20. PSZ. T. XXIV. № 17702. S. 242; № 18117. S. 706-707.
21. PSZ. SPb., 1830. T. XXVII. № 20 449. S. 288-291.
22. RGIA. F. 1286. Op. 1. D. 286. L. 1, 2, 7.
23. PSZ. T. XXIX. № 22671. S. 1318.
24. PSZ. T. XXIX. № 22673. S. 1319.
25. PSZ. T. XXXI. № 24173. S. 104-105.
26. Rigel'man A.I. Rostov na Donu 150 let nazad. Rostov n/D., 1918. S. 17-19, 25.
27. Materialy k istorii Dona // Pamjatnaja knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1900 god. Novočerkassk, 1900. Otd. IV. S. 10-11.
28. Kabuzan V.M. Jemigracija i rejemigracija v Rossii v XVIII–nachale XIX. M., 1998. S. 57.
29. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO). F. 579. Op. 1. D. 198. L. 72.
30. Tam zhe. L. 74–76.
31. GARO. F. 579. Op. 1. D. 205. L. 1-15.
32. Iz istorii // Kavkaz. 1850. № 32. (22 aprelja). S. 128.
33. GARO. F. 579. Op. 1. D. 205. L. 14 ob-15.
34. GARO. F. 301. Op. 13. D. 161. L. 1-2.
35. Samarina N.V. Prisoedinenie gorodov Nizhnego Dona k Oblasti vojska Donskogo // Istoricheskie jetjudy. Vyp. 4. Rostov n/D., 2000. S. 102–111.

УДК 93/94

Северо-Восточное Приазовье в административно-территориальной структуре российского государства (конец XVII–XIX вв.)

¹ Петр Ашотович Аваков

² Амиран Тариелович Урушадзе

¹⁻² Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

¹ Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: pavakov@mail.ru

² Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории формирования и развития административно-территориального устройства Северо-Восточного Приазовья в составе Российского государства. Выделены основные этапы административного реформирования края. Рассмотрены различные проекты оптимизации управления регионом и их значение. Работа выполнена на основе широкого комплекса опубликованных и архивных источников.

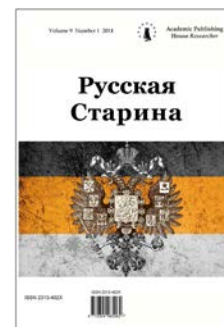
Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье; юг России; административно-территориальное деление.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 182-187, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94 (47)

The Participation of the Red Workers' and Peasants' Army in the Annexation of Western Ukraine in September, 1939

Vladimir I. Aphanasenko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of RAS,
Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, pr. Chekhov, 41

Abstract

In September, 1939, there took place the division of Poland between Germany and the USSR, which had been preceded by a set of measures of a diplomatic and military nature. The outcome of these activities was the signing of a non-aggression pact on August 23, 1939, known as the Molotov-Ribbentrop Pact. On September 1, 1939, German and Slovak troops invaded Poland. On September 16, the Polish government fled the country. The USSR took military measures to protect Ukrainians and Belarusians living in Poland's eastern voivodeships. This article explores the actions of the Red Workers' and Peasants' Army in the annexation of Western Ukraine in September, 1939.

Keywords: Soviet-Polish relations; Ukrainian front of the Red Workers' and Peasants' Army; Western Ukraine.

Введение

Присоединению Западной Украины к СССР в сентябре 1939 г. предшествовали важные изменения в международной обстановке в Европе. 6 марта 1938 г. Германия, используя политику «невмешательства», проводимую правящими кругами Англии и Франции, захватила Австрию, а в мае – сосредоточила свои войска на чехословацкой границе. В критический для чехословаков момент Советский Союз заявил о готовности выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому пакту о взаимопомощи от 1935 г. и принял ряд мер военного характера, как для обеспечения своей безопасности, так и для того, чтобы выступить на помощь Чехословакии.

Материалы

Статья основывается на использовании архивных документов, опубликованных законодательных актах и широкого круга историографических источников.

Обсуждение и результаты

26 июля 1938 г. Главный Военный Совет РККА издал постановление о преобразовании Киевского военного округа в Киевский Особый военный округ (КОВО). По приказу наркома обороны К.Е. Ворошилова в округе были сформированы четыре армейские группы, в начале сентября войска этих групп были выведены к государственной границе для оказания

военной помощи Чехословакии. Однако правительство Бенеша не приняло помощи СССР. Мюнхенское соглашение между Англией, Францией и Германией санкционировало передачу Судетской области в состав Германии. В октябре 1938 г. вермахт без сопротивления занял Судетскую область, а 15 марта 1939 г. немецкие войска оккупировали всю Чехословакию. В конце этого года правительство Германии потребовало от польского правительства прекращения действия статуса вольного города Данцига, готовя почву для вторжения и захвата Данцигского коридора. В обстановке агрессивных устремлений Гитлера правительства Англии и Франции летом 1939 г. направили делегации для переговоров в Москву. После того, как были исчерпаны все возможности заключить равноправный договор о взаимопомощи с Англией, Францией и Польшей, советское правительство приняло решение подписать предложенный Германией договор о ненападении.

23 августа в Москве был подписан пакт Молотова – Риббентропа. К договору прилагался секретный дополнительный протокол о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе на случай «территориально-политического переустройства». Протокол предусматривал «в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана» [1]. 1 сентября 1939 г. в 4.15 немецкая авиация нанесла бомбо-штурмовые удары по стратегически важным целям Польши. Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польской военно-морской базе на полуострове Вестерпляте. Сухопутные войска вторглись на территорию Польши с севера, запада и юга. Совместно с вермахтом против польской армии «Карпаты» действовали две словацких дивизии. Быстрый прорыв немецких танковых и моторизованных соединений привел к дезорганизации обороны польских войска. Польское правительство обратилось к своим союзникам за военной помощью.

3 сентября правительства Англии и Франции объявили войну Германии. Тем временем немецкие войска, продолжая наступление, к середине сентября окружили Варшаву и вышли к границам Западной Белоруссии и Западной Украины на рубеж рек Западный Буг и Сан. Польское правительство, потеряв возможность влиять на ход боевых действий, 16 сентября бежало в Румынию, бросив армию и народ на произвол судьбы. Советское правительство было вынуждено принять меры военного характера для укрепления своих западных границ и для защиты населения восточных воеводств Польши, состоящего, в основном, из белорусов и украинцев. Из войска Киевского Особого военного округа был создан Украинский фронт. Его командующим был назначен командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко, членом Военного совета – корпусной комиссар В.Н. Борисов, начальником штаба – комбриг Н.Ф. Ватутин.

В состав фронта вошли Житомирская, Винницкая и Кавалерийская армейские группы, крупные силы авиации, танковых войска и артиллерии – 8-й, 13-й, 15-й, 17-й стрелковые, 2-й, 4-й, 5-й кавалерийские, 25-й танковый корпус, всего девять стрелковых, семь кавалерийских дивизий, восемь танковых и одна механизированная бригада. Так, Винницкая армейская группа, нацеленная на Львов, состояла из 2-го кавалерийского (3-я, 5-я, 14-я кавалерийские дивизии) и 17-го стрелкового (96-я, 97-я, 99-я стрелковые дивизии) корпусов, 10-й, 24-й и 38-й танковых бригад, 269-го и 274-го корпусных артиллерийских полков [2]. Численность советских войска Украинского фронта на 17 сентября составляла 238 978 чел., 4959 орудий и минометов, 2 297 танков [3]. Еще четыре стрелковых корпуса были во втором эшелоне. По директиве КОВО № А 0083 от 16 сентября войска заняли исходные позиции вдоль советско-польской границы, а названия армейских групп были изменены: Житомирская (командующий – комдив И.Г. Советников) стала именоваться Шепетовской, Винницкая (комкор Ф.И. Голиков) – Волочисской, а Кавалерийская (командарм 2-го ранга И.В. Тюленев) – Каменец-Подольской. Войска Шепетовской армейской группы получили задачу наступать в направлении Ровно, Дубно, Луцк, Владимир-Волыньск. Волочисская группа получила задачу ударом на Тернополь нанести поражение группировке противника, в дальнейшем овладеть районом г. Львов и выйти на рубеж р. Сан и демаркационной линии к 28 сентября.

14 сентября в газете «Правда» была напечатана статья А.А. Жданова, в которой главной причиной поражения Польши называлось угнетение украинского и белорусского национальных меньшинств. Эта статья стала программным документом по обоснованию

действий СССР в отношении Польши и основой политработы с личным составом РККА. В директиве Военного совета и Политуправления Каменец-Подольской армейской группы подчеркивалось: «Наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы вступаем на свою землю, идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма» [4]. Помимо политической пропаганды, личному составу Украинского фронта давались и конкретные инструкции: войскам запрещалось обстреливать и подвергать бомбардировке населенные пункты, а также вести боевые действия против польских войск, если они не оказывают сопротивления. Красноармейцам разъяснялось, что они идут на Западную Украину не как завоеватели, а как освободители украинских братьев от гнета, эксплуатации и власти помещиков и капиталистов. Войскам предписывалось при встрече с немецкими войсками не давать повода для провокаций, но при этом не допускать захвата немецкими войсками территорий, населенных украинцами. При попытках такого захвата немцами, несмотря ни на что, вступать с ними в бой и давать решительный отпор [5]. В 3.00 17 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин зачитал польскому послу В. Гжибовскому ноту, в которой, в частности, говорилось: «Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии» [6].

На рассвете 17 сентября войска Украинского фронта в тесном взаимодействии с пограничниками быстро сломали сопротивление польской пограничной стражи и устремились вглубь польской территории. В полосе наступления Шепетовской армейской группы действующая в авангарде 36-я танковая бригада 18 сентября заняла Луцк, а 44-я, 45-я, 60-я, 81-я и 87-я стрелковые дивизии к исходу второго дня наступления вышли на рубеж Рокитное, Костополь, Ровно, Дубно. 21 сентября 60-я стрелковая дивизия после упорного боя прорвала Сарненский укрепрайон и овладела городом Сарны. К исходу 22 сентября соединения Шепетовской армейской группы достигли рубежа Ковель, Рожище, Владимир-Волынский, Иваничи. На главном, Львовском направлении, действовали войска Волочисской армейской группы. Рассмотрим их действия чуть подробнее.

В 4.00 штурмовая группа пограничников и разведчиков 97-й стрелковой дивизии стремительной атакой захватила Волочисский мост через р. Збруч. К 6.00 бойцы 32-го саперного батальона капитана Б.И. Микадзе обеспечили переправу через реку 10-й танковой бригады, усиленной батальоном 136-го стрелкового полка 97-й стрелковой дивизии. Действуя как передовой отряд, танкисты и пехотинцы уже к 18.00 достигли г. Тернополь. К 22.00, совершив марш в 55 км., сюда подошли главные силы 96-й и 97-й стрелковых дивизий. В Тернополе были разоружены два пехотных и один артиллерийский полки польской армии и большое количество летного состава местной авиабазы. 2-й кавалерийский корпус под командованием комбрига Ф.Я. Костенко, усиленный 24-й танковой бригадой, в первый день продвинулся на 75 км, а к исходу 18 сентября – еще на 60 км. Замедление было вызвано поломками бронетехники танковой бригады и неповоротливыми обозами кавалерийских дивизий, замедлявшими продвижение войск по шоссе и проселочным дорогам. Львовский гарнизон польских войск уже с 12 сентября был охвачен немецкими войсками с севера, запада и юга. В 1 час. 35 мин. 19 сентября рота 24-й танковой бригады на восточной окраине Львова вступила в перестрелку с поляками. Совершая маневр, колонна 24-й бригады в 8.00 столкнулась с колонной немецких войск. Обе стороны приняли друг друга за поляков и открыли огонь. В ходе перестрелки немцы потеряли 3 чел. убитыми и 9 ранеными. Советские войска потеряли 1 танк, 2 бронемашин, 4 красноармейцев погибшими и 3 – ранеными [7]. В ходе переговоров конфликт был исчерпан.

Вечером 20 сентября немецкие войска получили приказ отойти от Львова. В этот же день Волочисская армейская группа была переименована в Восточную. В ночь на 21 сентября советские войска заняли исходное положение для штурма города. Атака была назначена на 14.00. Командующий польским гарнизоном генерал Владислав Лангер вступил в переговоры и в 8.00 22 сентября подписал акт о сдаче Львова. К 14.00 части Красной армии заняли город. К этому времени танковые и кавалерийские соединения Каменец-

Подольской армейской группы заняли города Коломыя, Станислав, Стрый. С 23 сентября войска 13-го стрелкового корпуса (72-я и 99-я стрелковые дивизии) вышли на линию границы с Румынией и Венгрией в полосе от Коломыи до Бескид [8]. 22 сентября было достигнуто соглашение о демаркационной линии между германской и советской армиями. 23 сентября оно было опубликовано во всех центральных газетах Советского Союза с приложением схемы. Войска Шепетовской армейской группы, возобновив наступление 23 сентября, к 30 сентября были остановлены приказом фронта на линии Пугачув, Пяски, Пиотркув, Кржемень, Билгорай. 24 сентября в части и соединения Восточной группы поступил боевой приказ, в котором говорилось: «Войска Восточной группы выдвигаются на рубеж: Угнув, Рава-Русска, Курники, Волчуха, Похорце и одновременно очищают территорию от польских банд... 97-й стрелковой дивизии выйти в район Янув, Добростан, Мшана» [9]. Территория западнее Львова еще до прихода частей РККА была занята немецкими войсками. По договору эта местность до линии демаркации должна быть освобождена немецкими частями, для чего был разработан четкий график отвода войск вермахта и продвижения частей РККА на расстоянии суточного перехода (25 км.) между войсками. Однако немецкие части под разными предлогами нарушали график отхода, занимаясь мародерством и периодически, «по ошибке» обстреливая советские войска.

Войска Восточной группы, разоружая части польских войск, медленно продвигались к демаркационной линии. 26 сентября 1939 г. в двадцатипятикилометровый коридор между немецкими и советскими войсками ворвалась польская конница и напала на задержавшихся немецких мародеров в с. Наконечное, что в 5 км. западнее г. Яворов. В течение 20–30 мин. колонна гитлеровцев была уничтожена. Воспользовавшись лесисто-болотистой местностью в этом районе, польские кавалеристы ускакали на юг, но через два часа были перехвачены воинами 233-го стрелкового полка 97-й стрелковой дивизии и были вынуждены сложить оружие [10]. 27 сентября 14-я кавалерийская дивизия им. Пархоменко под командованием комбрига В.Д. Крюченкина в районе Замостье, Красностав разоружила крупную группировку польских войск под командованием полковника Зеленецкого. А вечером того же дня уничтожила 25-й польский уланский полк. 5-я Ставропольская кавалерийская дивизия им. М.Ф. Блинова под командованием комбрига Я.С. Шарабурко 27 сентября нанесла поражение главным силам группы генерала Андерса и 28 сентября заняла город и крепость Перемышль [11]. Основная часть города на восточном берегу р. Сан контролировалась советскими войсками, а левобережный район, Засанье, остался у немецких войск. Разведка 34-й кавалерийской дивизии установила расположение и состав группы Андерса. В группу генерала Андерса входила Новогрудская конная группа (25-й, 26-й, 27-й уланские полки общей численностью до 1700 сабель), 4-й уланский полк Виленской отдельной кавбригады – свыше 300 сабель, полки Вольнской кавбригады (12-й, 19-й, 21-й уланские полки). Всего конная группа генерала Андерса насчитывала до 3000 сабель. Для уничтожения его группы командир корпуса комбриг Д.И. Рябышев выделил 34-ю кавалерийскую дивизию полковника В.Л. Цейтлина, отдельный танковый полк 32-й кавалерийской дивизии, танковый батальон 26-й танковой бригады.

В результате слаженных действий 47-го и 162-го кавалерийских полков с востока, танкистов 26-й танковой бригады и 18-го танкового полка 32-й кавалерийской дивизии с юга, а 148-го и 79-го кавполков с фронта, в направлении Круженице, большинство солдат группы Андерса было пленено. 32-я кавалерийская дивизия комбрига И.И. Щербакова в этом бою прикрывала части 34-й кавалерийской дивизии с запада на рубеже: Конюв – Тырув–Стажава. При разгроме конной группы генерала Андерса, непосредственно в боевых порядках 34-й кавалерийской дивизии находились командир Каменец-Подольской армейской конно-механизированной группы (КМГ) комдив Л.В. Бобкин и командир 4-го кавалерийского корпуса комбриг Д.И. Рябышев. В результате умелых и решительных действий танкистов и кавалеристов 4-го кавалерийского корпуса, были разгромлены все части конной группы противника. Корпус Рябышева в ходе маршей и боевых столкновений за 17–28 сентября потерял 42 убитых и 121 раненых бойцов и командиров. Частями корпуса было захвачено свыше 27 000 польских солдат и офицеров, 20 000 винтовок, 24 самолета, около 1 000 автомобилей, свыше 2 000 лошадей. 30 сентября, утром, при помощи местного населения сел Ясенка и Мазева, был захвачен штаб и командир конной группы генерал Владислав Андерс.

К 28 сентября войска Восточной армейской группы вышли к восточному берегу р. Сан от Билгорая до Перемышля. В этот день в Москве был подписан советско-германский договор о дружбе и границах. К исходу 29 сентября 1939 г. части и соединения Украинского

фронта вышли на рубеж, установленный как новая граница между Германией и СССР на территории бывшего польского государства. В течение еще трех дней продолжалась зачистка территории от остатков польских войск. Всего Украинским фронтом с 17 сентября по 2 октября 1939 г. было разоружено 392 334 польских военнослужащих, в том числе 16 723 офицера. В Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия по вопросу о польских военнопленных во главе с А.А. Ждановым. 2 октября комиссия одобрила проект постановления Политбюро, которое приняло за основу предложения Л.П. Берии и Л.З. Мехлиса: распустить по домам солдат – уроженцев Западной Белоруссии и Западной Украины, кроме строительной колонны (25000 чел.) для прокладки дороги Новоград-Волынский – Львов. Польские солдаты, уроженцы «немецкой половины» Польши, после согласования с Германией, отправлялись в «генерал-губернаторство». Полицейские (до 5 000 чел.), офицеры спецслужб, армейские офицеры и генералы (до 10 000 чел.) должны были содержаться в специальных лагерях в Старобельске, Козельске, Осташкове. Приказ о роспуске военнопленных поступил в войска 4 октября 1939 г. за подписями маршалов К.Е. Ворошилова и Б.М. Шапошникова. Уже к 18 октября были распущены по домам 42 500 чел., еще 43 000 чел., проживавших в немецкой зоне оккупации, были переданы германской стороне. К 19 ноября в лагерях НКВД оставалось 39 600 польских военнопленных [12].

В Западной Украине проживало 4,3 млн. украинцев, 3,3 млн. поляков и 628 тыс. евреев. В западноукраинских землях поляки преобладали в Львовском (58 %) и Тернопольском (50 %) воеводствах, а украинцы – в Волынском (68 %) и Станиславском (69 %) воеводствах. 22 октября 1939 г. на территории Западной Украины были проведены выборы в Народное собрание. 29 октября депутаты Народного собрания в г. Львов приняли «Декларацию о вхождении Западной Украины в состав СССР и воссоединении ее с Украинской Советской Социалистической Республикой (УССР)». 1 ноября 1939 г. сессия Верховного Совета СССР утвердила закон «О включении Западной Украины в состав Союза Советских Социалистических Республик с воссоединением ее с Украинской Советской Социалистической Республикой» [13]. На территории Западной Украины, включенной в состав УССР, 4 декабря 1939 г. были созданы шесть областей: Волынская (г. Луцк и 28 сельских районов), Дрогобычская (г. Дрогобыч и 30 сельских районов), Львовская (г. Львов и 37 сельских районов), Ровенская (г. Ровно и 29 сельских районов), Станиславская (г. Станислав и 34 сельских района), Тернопольская (г. Тернополь и 38 сельских районов).

Выводы

Присоединение к УССР земель Западной Украины осенью 1939 г. было непосредственным следствием пакта Молотов–Риббентропа. Для украинского народа очень большое значение имело то, что почти все земли Украины объединились в пределах одного государства. Западные украинцы издавна стремились к соединению со своими восточноукраинскими братьями, а ненависть к польскому оккупационному режиму охватывала большинство западноукраинского населения. Для РККА поход на Западную Украину имел положительное значение. Действия войск Украинского фронта позволили вскрыть недостатки в организационной структуре объединений, соединений и частей, во взаимодействии родов войск в боевых условиях. Меры по преодолению вскрытых недостатков позволили повысить боеготовность РККА в преддверии Великой Отечественной войны.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 14-18-011442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Примечания:

1. Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп.1. П. 8. Д. 77. Л. 1, 2.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 334. Оп. 196565 с. Д. 1. Лл.1–16.
3. Мельтюхов М.И. «Упущенный шанс Сталина». Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М., 2000. С. 118.

4. Небезин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 г.г. М., 1997. С. 80.
5. Бибик Л., Третьяк С. Воссоединение Белоруссии. Минск, 1999. № 5. С. 25.
6. Фельштинский Ю.Г. Оглашению подлежит: СССР–Германия. 1939–1941: документы и материалы. М., 1991. С. 106.
7. Мельтюхов М.И. Указ. соч. С.120.
8. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 529. Л. 22.
9. ЦАМО. Ф. 3507. Оп. 1-32. Д. 181. Л.2.
10. Афанасенко В.И., Евсеенко А.Г., Павлов Ф.М. На рубежах бессмертия. Ростов н/Д, 1991. С. 15.
11. ЦАМО РФ. Ф. 334. Оп. 196565. Д. 1. Лл. 15–16.
12. Катынь. Пленники необъявленной войны. М.,1997. С. 435–439.
13. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М., 1956. С. 21.

References:

1. Arkhiv vneshnej politiki SSSR. F. 06. Op.1. P. 8. D. 77. L. 1, 2.
2. Tsentral'nyj arkhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federatsii (dalee – TSAMO RF). F. 334. Op. 196565 s. D. 1. L.1–16.
3. Mel'tyukhov M.I. «Upushhennyj shans Stalina». Sovetskij Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). M., 2000. S. 118.
4. Nevezhin V.A. Sindrom nastupatel'noj vojny. Sovetskaya propaganda v preddverii «svyashhennykh boev», 1939–1941 g.g. M., 1997. S. 80.
5. Bibik L., Tret'yak S. Vossoedinenie Belorussii. Mins, 1999. № 5. S. 25.
6. Fel'shtinskij YU.G. Oglasheniyu podlezhit: SSSR–Germaniya. 1939–1941: dokumenty i materialy. M., 1991. S. 106.
7. Mel'tyukhov M.I. Ukaz. soch. S.120.
8. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arkhiv. F. 35086. Op. 1. D. 529. L. 22.
9. TSAMO. F. 3507. Op. 1-32. D. 181. L.2.
10. Afanasenko V.I., Evseenko A.G., Pavlov F.M. Na rubezhakh bessmertiya. Rostov n/D, 1991. S. 15.
11. TSAMO RF. F. 334. Op. 196565. D. 1. Ll. 15–16.
12. Katyn'. Plenniki neob'yavlennoj vojny. M.,1997. S. 435–439.
13. Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iyul' 1956 g. M., 1956. S. 21.

УДК 94 (47)

Участие РККА в присоединении Западной Украины в сентябре 1939 г.

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов на Дону, пр. Чехова, 41

Аннотация. В сентябре 1939 г. произошел раздел Польши между Германией и СССР, которому предшествовал ряд мер дипломатического и военного характера. Итогом этих мероприятий стало подписание советско-германского соглашения о ненападении 23 августа 1939 г., известного как «пакт Молотова – Риббентропа». 1 сентября 1939 г. немецкие и словацкие войска вторглись в Польшу. 16 сентября польское правительство бежало из страны. СССР принял военные меры для защиты украинцев и белорусов, проживающих в восточных воеводствах Польши. Действия РККА в присоединении Западной Украины в сентябре 1939 г. исследуются в данной статье.

Ключевые слова: советско-польские отношения; Украинский фронт РККА; Западная Украина.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 188-192, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94 (47)

The Azov Sea Littoral during the Administrative/ Territorial Transformations in the 20th Century

Evgeny F. Krinko

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Doctor of History
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract

This article addresses the administrative/territorial transformations in the Azov Sea littoral in the 20th century. The author points up their dependence on the resolution of specific objectives faced by state authorities. The article traces the region's geographical evolution. The author points out that the Azov Sea littoral had long been a part of a single state – first the Russian Empire and then the USSR. Currently, the region is divided between Russia and Ukraine.

Keywords: Azov Sea littoral; administrative/territorial transformations; Russian-Ukrainian border.

Введение

Трагические события уходящего года привлекли внимание к Приазовью, территория которого разделена между двумя государствами – Россией и Украиной. Очевидно, что, по крайней мере, в ближайшем будущем отношения между двумя странами будут складываться крайне непросто, что усиливает многочисленные трудности для населения по обе стороны государственной границы. Между тем, несмотря на сегодняшние противоречия, в течение длительного времени в развитии региона проявлялись общие политические, экономические и социокультурные тенденции, во многом обусловленные тем, что Приазовье входило в состав единого государства – сначала Российской империи, а затем СССР.

Материалы и методы

Административно-территориальные преобразования в Приазовье не раз являлись предметом изучения в обобщающих и специальных работах советских и постсоветских российских и украинских исследователей [1–7]. В то же время на взгляды авторов не раз влияла конъюнктура. В частности, она выражалась в стремлении экстраполировать существовавшие и существующие границы на иные исторические эпохи, использовать опыт прошлого для решения современных авторам политических целей и задач, а то и обоснования предназначения тех или иных государственных образований.

Обсуждение и результаты

Присоединение Приазовья в конце XVIII в. сопровождалось интенсивными административно-территориальными преобразованиями в данном регионе, призванными

способствовать его скорейшему инкорпорированию в состав Российской империи. На значительной части новых земель была введена общероссийская система управления. К началу XX в. западная часть северного Приазовья входила в состав двух губерний – Екатеринославской и Таврической. Екатеринославская губерния (центр – Екатеринослав, в настоящее время – Днепропетровск) состояла к этому времени из восьми уездов, но выход к Азовскому морю имел только Мариупольский уезд. Значительно уступавшая ей по площади и численности населения Таврическая губерния состояла из восьми уездов и двух градоначальств. Азовское море омывало берега сразу пяти уездов – Бердянского, Мелитопольского, Днепровского, Перекопского, Феодосийского уездов, а также Керчь-Еникалийского градоначальства.

Восточное Приазовье входило в состав двух казачьих областей. В 1792 г. Черноморское казачье войско, сформированное из бывших запорожцев, было переселено на Кубань. В 1860 г. в результате его слияния с частью Кавказского линейного войска образовалось Кубанское казачье войско (центр – Екатеринодар, в настоящее время – Краснодар). Кубанская область была разделена на семь отделов, из которых приазовскими являлись Темрюкский и Ейский отделы. Область Войска Донского (центр – Новочеркасск) к началу XX в. делилась на 9 округов, включая переданные из Екатеринославской губернии в 1887 г. Таганрогское градоначальство и Ростовский-на-Дону уезд, преобразованные, соответственно, в Таганрогский и Ростовский округа.

Сложившаяся административно-территориальная система и состав населения сохранялись в Приазовье без особых изменений вплоть до революции 1917 г. Свержение самодержавия привело к поиску новых политических форм, тесно связанному с подъемом социальных и национальных движений, сопровождавшимся дальнейшим распадом государства и усиливавшимся размежеванием в обществе. Так, в июне 1917 г. в Киеве была провозглашена Украинская Народная Республика (далее – УНР), объявившая себя сначала автономией в составе Российского государства, а с января 1918 г. – независимым государством. Она стремилась объединить под своей властью все губернии с преобладавшим украинским населением: Киевскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую (без Крыма).

Однако в декабре 1917 г. в Харькове была провозглашена Украинская Народная Республика Советов. В феврале 1918 г. была создана Донецко-Криворожская Советская Республика (центр – Харьков, затем – Луганск), включавшая территории Харьковской, Екатеринославской, части Херсонской и Таврической (без Крыма) губерний, а также прилегавшие угольные районы Области Войска Донского по линии железной дороги Ростов – Лихая. В марте 1918 г. в Крыму возникла Советская Социалистическая Республика Тавриды в составе РСФСР. Все советские республики противостояли УНР и отвергали национальный принцип, а позже объединились в Украинскую Советскую Республику (столица – Харьков) в составе РСФСР. Но по просьбе правительства УНР на Украину вступили немецкие войска. К апрелю 1918 г. они оккупировали большую часть территорию Украины, Крым и западные районы Области Войска Донского. Украинская Советская Республика и Донецко-Криворожская Советская Республика фактически были ликвидированы. В Крыму было провозглашено прогерманское краевое правительство. Однако и УНР прекратила свое существование, вместо нее под протекторатом Германии была создана Украинская держава гетмана П.П. Скоропадского. Поскольку Крым оставался неподконтролен гетману, он определил центром Таврической губернии Бердянск (с апреля по декабрь 1918 г.). Руководство Украинской державы претендовало на Таганрогский и Ростовский уезды, а сменившая его Директория также на Крым и Кубань как территории с преимущественно малороссийским составом населения, стремясь объединить под своей властью все Приазовье.

На Дону в 1917 г. была восстановлена власть Казачьего круга и Войскового атамана. В январе 1918 г. в Екатеринодаре была провозглашена независимая Кубанская народная республика. В ходе последующих событий власть в Приазовье не раз менялась. В феврале 1918 г. образовалась Донская, а в апреле – Кубанская советские республики. Но в мае 1918 г. на Дону победило антибольшевистское восстание, было создано Всевеликое Войско Донское, считавшееся временно (до восстановления легитимной российской власти) независимым государственным образованием. Победа Добровольческой армии привела к установлению

над регионом контроля Вооруженных сил Юга России и восстановлению прежнего деления на губернии, уезды, волости.

Весной 1919 г. большевики объявили о восстановлении Украинской Социалистической Советской Республики (далее – УССР, столица – Харьков), провозгласив ее независимым государством. К концу 1920 г. во всех районах Приазовья установилась советская власть. После победы большевиков в 1920 г. казачьи области, считавшиеся оплотом антибольшевистского сопротивления, были упразднены, а их территории разделены. Созданной в 1919 г. Донецкой губернии (центр – Луганск, затем – Бахмут) УССР в 1920 г. были переданы в составе прочих территорий и Мариупольский уезд Екатеринославской губернии, а наряду с ним часть территории бывшей Области Войска Донского, включая Таганрогский округ [8].

Интенсивный поиск эффективной системы управления вызвал серию административно-территориальных реформ и неоднократную перекройку границ [9]. Так, в январе 1920 г. Бердянский уезд из Таврической губернии передали в состав Екатеринославской, а в июне из Александровского, Мелитопольского и Бердянского уездов была образована новая Александровская губерния, в 1921 г. переименованная в Запорожскую (центр – Александровск, в настоящее время – Запорожье). Но уже в 1922 г. она была ликвидирована и включена в состав Екатеринославской губернии.

В декабре 1920 г. вместо районов были образованы уезды, весной 1923 г. их заменили округа, а волости – районы. После ликвидации в 1924–1925 гг. губерний сложилась трехступенчатая система управления: округ – район – сельсовет. Но принципу экономической целесообразности в большей степени соответствовало создание крупных административных образований. В 1924 г. в составе РСФСР была создана Юго-Восточная область, переименованная в 1925 г. в Северо-Кавказский край (центр – Ростов-на-Дону). Юго-Востоку были переданы обратно части Шахтинского и Таганрогского округов Донецкой губернии. В Донецкой губернии остались часть районов Шахтинского округа; Дмитриевский, Красноручский и Амвросиевский (кроме Мариенгеймского сельсовета) районы, часть Голодаевского и Екатерининского районов Таганрогского округа [10].

Важнейшей составляющей советской национальной политики в 1920-е гг. являлось национально-государственное строительство. В 1921 г. на территории бывшей Таврической губернии в Крыму была создана Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика. Для компактно проживавших представителей национальных меньшинств в 1920–1930-е гг. были созданы национальные районы. Так, Люксембургский район Мариупольского округа получил статус немецкого национального района (1925–1932), а Больше-Янисольский район Сталинского округа – национального греческого (1929–1939). В Северо-Кавказском крае возникли Мясниковский (армянский) (1926) и Греческий (1930) районы. В 1920-е гг. активно разрабатывались проекты по переселению евреев в Крым и созданию там еврейской автономии. В Крымской АССР были созданы еврейские национальные районы и сельсоветы. Но количество еврейских переселенцев в них оказалось невелико, и в 1937 г. районы перестали быть национальными. В 1938 г. Греческий район был переименован в Крымский район Краснодарского края [11].

Еще до этого, в сентябре 1930 г. было принято решение о ликвидации округов и переходе на двухступенную систему управления. Однако эта система просуществовала недолго, и уже в 1932 г. были созданы области. В Донецкую область (центр – Артёмовск, затем – Сталино (в настоящее время – Донецк)) вошли 17 промышленных и 18 сельских районов: 17 районов прежнего Донбасса, 13 – было передано из Харьковской области, 5 – из Днепропетровской [12]. В 1934 г. из Северо-Кавказского края выделился Азово-Черноморский край (центр – Ростов-на-Дону), разделенный в 1937 г. на Краснодарский край и Ростовскую область. В июне 1938 г. Донецкую область разделили на Сталинскую (с 1961 г. – Донецкая) и Ворошиловградскую (в настоящее время – Луганская). В 1939 г. из юго-восточной части Днепропетровской области образовалась Запорожская область. В 1944 г. из восточных районов Николаевской области и западных районов Запорожской области выделилась Херсонская область.

В связи с депортацией крымских татар Крымская АССР была упразднена в 1945 г., вместо нее образовалась Крымская область. А в 1954 г. Крымскую область передали УССР специальным указом Верховного Совета СССР в нарушение действовавшей Конституции

СССР. Дальнейшие преобразования выражались в ликвидации и воссоздании муниципальных образований, укрупнении или уменьшении из территорий, не менявших общую конфигурацию сложившейся административно-территориальной системы в Приазовье. К концу 1980-х гг. оно входило в состав Донецкой, Запорожской, Херсонской, Крымской областей УССР, Краснодарского края и Ростовской областей РСФСР.

Новый импульс административно-территориальным преобразованиям в Приазовье придали распад СССР и приобретение самостоятельности Украиной и Российской Федерацией как независимыми государствами. При этом вопросы административно-территориальных преобразований неизменно приобретали политизированный характер. Наиболее острые дискуссии вызывал административно-правовой статус Крыма. В феврале 1991 г. была восстановлена Крымская АССР, а в сентябре в связи с провозглашением независимости Украины Республика Крым заявила о своем государственном суверенитете. Однако украинское руководство в тот момент пресекло все попытки отделения Крыма. В сентябре 1994 г. была создана Автономная Республика Крым в составе Украины. Существенно изменил ситуацию украинский политический кризис 2013–2014 гг. и переход Крыма к России.

В настоящее время украинская часть Приазовья входит в состав Донецкой (Новоазовский, Тельмановский, Володарский, Першотравневый районы), Запорожской (Бердянский, Приморский, Приазовский районы) и Херсонской (Генический район) областей. Здесь также располагаются города областного подчинения Мариуполь, Бердянск и Мелитополь. Российская часть Приазовья входит в состав Ростовской области (Азовский, Аксайский, Неклиновский, Матвеево-Курганский районы), Краснодарского края (Ейский, Приморско-Ахтарский, Щербиновский, Темрюкский, Каневской, Славянский районы), а также Республики Крым (Джанкойский, Нижнегорский, Советский, Кировский и Ленинский районы и городской округ Керчь).

Выводы

На протяжении XX в. Приазовье не раз подвергалось административно-территориальным преобразованиям. Несмотря на создание и упразднение различных административно-территориальных и национально-государственных образований, в его развитии сохранялись общие тенденции, обусловленные не только экономическими и социокультурными процессами, но и существованием региона в рамках единого государства – сначала Российской империи, а затем СССР.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках исследовательского проекта № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Примечания:

1. Чеботарев Б.В. Приазовье во второй половине XVIII – начале XIX в. и его хозяйственное освоение. Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965.
2. Пушкаренко А.А. Приазовский край в конце XVII–начале XVIII в. (Очерки заселения и хозяйственного освоения). Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966.
3. Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII–первой половине XIX в. (1719–1858 гг.). М., 1976.
4. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.
5. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009.
6. Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII – начале XVIII в.: завоевание, колонизация, управление. Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 2011.
7. Азовське намісництво: нереалізований проєкт. Запоріжжя, 2011.
8. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 86.
9. См. подробнее: Хлынина Т.П. Между двумя Югами: северо-восточное Приазовье в 1920-е–1930-е гг. // Південь України у вітчизняній та європейській історії: Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції (Одеса, 25–26 вересня 2014 року). Одеса, 2014. С. 176–181.

10. См. подробнее: Кринко Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 44–48.

11. Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С.194–203.

12. Справочник по административно-территориальному делению Донецкой области 1919–2000 гг. Донецк, 2001.

References:

1. Chebotarev B.V. Priazov'e vo vtoroj polovine XVIII –nachale XIX v. i ego hozjajstvennoe osvoenie. Diss... kand. ist. nauk. Rostov n/D, 1965.

2. Pushkarenko A.A. Priazovskij kraj v konce XVII–nachale XVIII v. (Oчерки zaselenija i hozjajstvennogo osvoenija). Diss... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 1966.

3. Kabuzan V.M. Zасelenie Novorossii (Ekaterinoslavskoj i Hersonskoj guber-nij) v XVIII–pervoj polovine XIX v. (1719–1858 gg.). M., 1976.

4. Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovanija na Kubani (1793–1985 gg.). Krasnodar, 1986.

5. Komolov N.A. Azovskaja gubernija (1709–1725 gg.): territorija i vysshie administratory. Rostov n/D., 2009.

6. Avakov P.A. Severo-Vostochnoe Priazov'e v sostave Rossijskogo gosudarstva v konce XVII –nachale XVIII v.: zavoevanie, kolonizacija, upravlenie. Diss... kand. ist. nauk. Rostov n/D., 2011.

7. Azovs'ke namisnictvo: nerealizovaniy proekt. Zaporizhzhja, 2011.

8. Taganrofskij filial Gosudarstvennogo arhiva Rostovskoj oblasti. F. R-1. Op. 1. D. 3. L. 86.

9. См. подробнее: Хлынина Т.П. Mezhdvumya Yugami: severo-vostochnoe Priazov'e v 1920-e–1930-e gg. // Pivden' Ukraini u vitchiznyaniy ta evropejs'kij istorii: Materiali II Mizhnorodnoi naukovopraktichnoi konferentsii (Odesa, 25–26 veresnya 2014 roku). Odesa, 2014. S. 176–181.

10. См. подробнее: Кринко Е.Ф. Формирование российско-украинской границы в Приазовье и Донбассе в 1920–1924 гг. // Стратегическое планирование в полиэтничном макрорегионе в условиях неравномерного развития и роста напряженности. Материалы Международ. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 3–4 октября 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 44–48.

11. Хлынина Т.П. «Синдром осажденной крепости», или как на Кубани появились национальные районы // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Т. III (24). Краснодар, 2008. С.194–203.

12. Справочник по административно-территориальному делению Донецкой области 1919–2000 гг. Донецк, 2001.

УДК 94(47)

Приазовье в административно-территориальных преобразованиях XX в.

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация

Доктор исторических наук

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Статья посвящена административно-территориальным преобразованиям в Приазовье в XX в. Отмечается их зависимость от решения конкретных задач, стоящих перед государственной властью. Прослеживается географическая эволюция региона. Отмечается, что в течение длительного времени Приазовье входило в состав единого государства – сначала Российской империи, а затем СССР. В настоящее время территория региона разделена между Россией и Украиной.

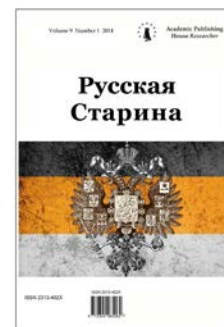
Ключевые слова: Приазовье; административно-территориальные преобразования; российско-украинская граница.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 193-199, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(47)“1914–1918”

Industry in the South of Russia during World War I: The Slipping Away of Capital's Victory

Olga M. Morozova

Don State Technical University, Russian Federation
344000 Rostov-on-Don, Gagarin square, 1
Doctor of History, Professor
E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract

This article addresses the situation with industrial enterprises in the south of Russia during World War I and the effects of conflicts that took place in that area. Sources used by the author include memorandum reports directed to the authorities, as well as post-revolutionary reminiscences of participation in the workers' movement, which the author employs to bring to light the sentiments of workers.

Keywords: southern Russian industrial region; World War I; worker's movement; mobilization into the army; Don Cossacks.

Введение

В 1950–1980-е гг. история рабочего движения самого молодого из российских промышленных регионов была в фокусе исследовательских интересов советской науки [1]. Казалось бы, научная проблема близка к решению, но эпоха парадигмальных сдвигов дала ей второе дыхание. Хорошо известные документы могут дать возможность увидеть события под другим углом зрения, поставить и решить по-новому вопросы: о линии раскола и о причинах заводских конфликтов, о положении рабочих, о путях и поводах радикализации настроений в рабочей среде.

Материалы и методы

Использованы документы горной инспекции, полицейского управления, из коллекций мемуаров, хранящихся в архивах Ростова-на-Дону, Днепропетровска, Баку, а также результаты исследований архангельского историка Т.И. Трошиной.

Обсуждение и результаты

Тезис о принесшей народу бедствия войне уже не кажется универсальным при описании положения рабочих слоев. Для некоторых годы Первой мировой войны стали временем процветания. И это не только финансовые тузы, хозяева работавших на войну предприятий, но и их рабочие и служащие. Этот оазис зиждился на казенных заказах и льготах, которые предоставлялись всем занятым на значимых для обороны производствах. Конечно, жалование шахтера-откатчика [2] не шло в сравнение с доходом артельщика или

содержанием инженера-маркшейдера, а тем более с барышами, например, директора-распорядителя горнопромышленного общества, но настроение поучаствовать в разделе казенных денег замечено у всех без исключения.

Тут нужно вспомнить, что развитие южнороссийского промышленного района происходило с участием капиталов англо-франко-бельгийских акционерных обществ. Поэтому большинство иностранцев – владельцев предприятий были гражданами стран Антанты. И после начала войны они сохранили свои позиции на предприятиях в полном объеме. Роль же германско-австрийских денег была незначительной, поэтому доля предприятий, секвестрированных после начала войны с державами Тройственного союза, была невелика. Одним из них было «Акционерное (анонимное) общество Русской горнозаводской промышленности», основанное группой коммерсантов – подданных Германии в 1898 г. Осенью 1914 г. оно, как и другие подобные, было секвестрировано. Интересно, что установление государственного управления связывалось с затруднением прохождения денежных средств со счета, находившегося в германском банке, что грозило остановкой работ на основной шахте общества. Там шла широкомасштабная реконструкция. Ходатайствуя о секвестре, окружной инженер Таганрогско-Хрустальского горного округа полагал тем самым сохранить технический персонал, знакомый с особенностями угольных пластов, предотвратить затопление рудников подземными водами и заполнение штолен гремучим газом [3].

После объявления войны владельцы предприятий предпочли покинуть Россию и вернуться на родину, оставив вместо себя управляющих с полномочиями по текущему управлению, но без права решать вопросы финансового характера. Расстояние мешало оперативному решению возникавших вопросов и, прежде всего, в отношениях с рабочими.

Рабочие юга России к тому времени накопили немалый опыт в горячих классовых боях стачки 1903 г. и Темерницком восстании 1905 г., а в предвоенное время получили навык консолидации в связи с апробацией новых для них форм легальной активности – участия в больничных кассах, в потребительской кооперации, в строительстве народных домов и организации их работы. Поэтому ощущение своей силы у них было развитым и многоплановым.

Краткий период всеобщего патриотического единения сменился возобновлением экономических конфликтов. Перелом настроений обозначился к весне 1915 г. Из газет рабочие узнавали известия, которые побуждали их к выставлению требований о повышении зарплаты. Это были сведения о новых оборонных контрактах, о росте цены закупки пуда производимых предметов, о повышении расценок на столичных предприятиях. Не только хозяева-иностранцы рассматривали войну как время широких возможностей для бизнеса, но и владевшие важными для обороны производствами подданные русского царя стремились отщипнуть свою крошку от казенных денег.

Расстояние как объективная преграда (правления зачастую находились в столице, а хозяева – за границей) использовалось дирекцией в полной мере. Волокита и ссылки на отсутствие принимающих решение лиц помогали управляющим сводить вопрос о повышении жалования к вопросу о единовременных премиях. Примечательно, что государственные чиновники, наблюдающие за положением дел на заводах, нередко бывали на стороне рабочих, а не администрации. Жандармский пристав на предприятиях Русско-бельгийского металлургического общества, владевшего Петровскими заводами в Енакиево, считал необходимыми уступки в отношении увеличения расценок, которые сняли бы угрозу стачки и, следовательно, срыва выполнения казенного заказа. Бельгийская администрация не соглашалась на увеличение платы, считая, что повышение даже на 20 % (а рабочие требовали 50 %, т.к. доменным и мартеновским рабочим была известна повысившаяся стоимость пуда выпускаемой продукции) принесет снижение прибыли на 2 млн руб. в год, на что она не могла пойти якобы без одобрения акционерами, находящимися в Европе. Чиновник же отмечал, что уступки рабочим не сделают предприятие убыточным, потому что прошлый 1915 г. общество закончило с чистой прибылью в 5,5 млн руб., а текущий 1916 г. обещал быть не менее успешным в связи с высокой обеспеченностью Петровских заводов казенными заказами [4].

Находившийся на заводах представитель правления и управляющий заводами бельгиец Потье объявил рабочим, что, не имея полномочий, он может пойти лишь на

выдачу премиальных. Это не удовлетворило металлургов, и забастовка состоялась. 16 апреля 1916 г. была выключена подача горячего воздуха к домнам. Все шесть печей оказались выведенными из строя. С помощью штрейкбрехеров забастовка была сломлена. Благодаря усилиям талантливого доменщика М.К. Курако закозленные домны были расплавлены за 20 дней. Но предприятие так и не стало работать в прежнем режиме, т.к. увольнения зачинщиков вызвали новые забастовки, и так по кругу. Основные цеха частично действовали до осени 1917 г., но полностью предприятие так и не заработало [5]. Таким образом, пристав Петровских заводов – умный человек и патриот, чью фамилию установить так и не удалось, не ошибся в своих самых пессимистических ожиданиях.

Поведение рабочих – подданных русского царя – также было далеко не безукоризненным. Работающим на предприятиях, обеспечивающих фронт, давалась отсрочка от призыва в действующую армию на несколько месяцев. Она предоставлялась по ходатайству администрации завода, шахты, железной дороги и т.п. Во время действия этой льготы рабочий мог только однажды сменить место работы, причем новый хозяин должен был заново испрашивать в военной комиссии для него отсрочку [6]. Но на деле на предприятиях царствовала страшная текучка. Среди рабочих стало замечаться стремление к переходам из цеха в цех или даже на другой завод в поисках лучшей зарплаты при меньшей затрате физических сил. Даже затопленные шахты и закозленные в ходе стачек доменные печи становились источником дополнительного заработка. Опытный рабочий, ломая оборудование и отпуская «грубые и нелегальные слова» в адрес хозяев, учил молодых: «За наши труды капиталисты нам – рабочим не платят, после забастовки они будут просить нас сделать, тогда с хорошей платой сделаем» [7].

Окружной инженер Мариупольского горного округа в своей записке губернатору Екатеринославской губернии о забастовке рабочих на рудниках Рутченково-Чулковских копей, Брянского и Вознесенского заводов наследниц П.А. Карпова отмечал, что ряд выдвинутых требований противоречит самой логике рудничного производства. Так, рабочие потребовали, чтобы им разрешили выходить на работу только 15 раз в месяц и соответственно отменили штрафы за невыход на работу. Автор доклада заметил по этому поводу: «Это требование рабочих является ярким доказательством [того], что рабочие зарабатывали не так уж мало, как это обыкновенно думают, если они готовы довольствоваться половиной доступного им заработка» [8]. А между тем на шахтах нет резерва рабочей силы. Особенно летом часты невыходы на работу плитовых и коногонов [9]. Из-за их невыхода работа не может начаться. Забойщики с трудом соглашались на эту работу, т. к. плитовые и коногоны получают почти в два раза меньше.

В 1916 г. был отмечен уход горных рабочих из Донской области на другие работы. Представители Таганрогского отделения Петроградского земельно-строительного акционерного общества «Е. Гонцкевич и К^о» в соответствии с телеграммой от 21 мая 1916 г. от заведующего постройкой крепости Петра Великого в Ревеле инженера С.Ю. Красковского приступили к вербовке рабочих – квалифицированных и неквалифицированных – для работы при постройке этой фортеции. Поскольку нужны были бурильщики, вербовщики обратили внимание на рудничных рабочих. Наймом рабочих занимался и Земгор, его комитет инженерно-строительных дружин. В сентябре 1916 г. к наказному атаману обратился казначей 8-го наемочного отряда с просьбой выдать удостоверение на право вербовки рабочих для строительства в Минской губернии прифронтовых дорог и мостов на основании приказа генерала от инфантерии Данилова. Рабочие уходили без паспортов, не сообщив администрации, не получив расчетов. Причинами их ухода были лучшие условия, предложенные вербовочной конторой: дневная оплата – 3–4 руб.; за 3 месяца работы премиальные в размере месячного оклада; проживание и питание за счет интендантства; проезд туда и обратно бесплатный; в дороге кормовых по 50 коп. Эту деятельность опротестовывали Министерство торговли и промышленности, управляющие рудниками, совет съезда горнопромышленников, Юго-Восточное горное управление [10].

Уяснив свою важность для государства, рабочие промышленных предприятий бастовали, стремились монополизировать свое право на рабочие места и соответственно на отсрочку от призыва. Известны забастовки против привлечения военнопленных, мотивировавшиеся тем, что такие работники дорого обходятся казне (содержание, охрана и оплата), но трудятся хуже. Это была форма нейтрализации потенциальных штрейкбрехеров.

В связи с трудом военнопленных вспоминается другая показательная деталь, свидетельствующая о безмерности иждивенческих настроений уже промышленников. На основе правил, утвержденных Советом министров от 17 марта 1915 г., рудники и заводы имели право пользоваться трудом военнопленных на работах в интересах обороны. И администрации этих предприятий уверенно полагали, что счета на их перевозку к месту работы будут оплачены военным ведомством, которому и пересылали счета пароходных компаний в отдел военных сообщений Главного управления Генерального штаба. Штаб же отказывался платить, исключая эти суммы из представляемых счетов, полагая, что за это должны платить сами владельцы предприятий [11].

Государство пыталось обуздать эгоизм и энергичных капиталистических акул, и наивных заводских и рудничных мужичков, чьи аппетиты не шли ни в какое сравнение с первыми, но за счет массовости приносили не меньший вред.

Череды стачек 1915 г. и текучесть кадров привели к изменению схемы предоставления отсрочек от призыва. Все неявившиеся в установленный срок к месту работы (такowymi считались и примкнувшие к забастовкам) увольнялись и подлежали мобилизации. Невоеннообязанные могли быть приняты на работу по усмотрению администрации.

Полицейские протоколы, составленные в ходе расследования забастовки рабочих механического завода ТД «Бенкендорф и К^о» в Баку (август 1916 г.), показывают, что администрация намеренно пошла на обострение отношений, чтобы иметь законное право на увольнение нескольких рабочих и, тем самым, припугнуть остальных. Завод работал на оборону и изготовлял бомбометные стаканы. Несколько предшествующих конфликту недель настроение рабочих становилось напряженным, они отказывались от сверхурочных работ. Затем на требование выборных представителей выдать им рукавицы управляющий заявил: «После войны получите рукавицы», что и привело к остановке работ [12]. Следствие пришло к выводу о небезгрешности администрации, но увольнение рабочих состоялось. Из них 43 чел. оказались военнообязанными – ратниками 1-го и 2-го разряда. Такие оказывались, как правило, в запасных полках. Но другие, более молодые, по возрасту новобранцы или запасные, попадали на фронт. Мобилизованные квалифицированные рабочие нередко направлялись в технические школы и на курсы, а не в действующую армию. Там они получали унтер-офицерское звание, дававшее авторитет, который оказался особенно востребованным после Февральской революции.

Именно с их появлением в армии можно связать начавшееся разрушение отношений между офицерами и рядовыми. Офицерская переписка 1914–1916 гг. не показывает, чтобы в армии до момента Февральской революции в массовом порядке существовали проблемы в отношениях между офицерами и нижними чинами. Наоборот, встречаются написанные выбывшими из частей солдатами трогательные письма к отцам-командирам, датированные 1916 г. И тут в одночасье все рухнуло. Крах традиционной властной вертикали спровоцировал разрушение всех прежних правил и авторитетов. Возглавили солдатскую массу те, кто уже имел опыт протестной деятельности, в том числе и участники забастовочного движения 1915–1916 гг. Они наполнили собой солдатские советы и комитеты, поскольку это была знакомая для них форма деятельности.

Кроме того, производственные конфликты на оборонных предприятиях южнороссийского промышленного района спровоцировали ряд процессов, оказавших существенное влияние на будущее страны. Например, усиление трений между казачьим и иногородним населением Дона. В XIX в. казак для иногороднего был эталоном социального успеха. Положение стало изменяться к началу XX в. Падение престижа казачества связано в первую очередь с ухудшением экономического положения войска в целом и каждой казачьей семьи в отдельности. В 1906 г. была ликвидирована войсковая казна, выполнявшая в том числе и роль фонда социальной поддержки. Требования к «арматуру» (коню, амуниции, холодному оружию), который должен был перед отправкой в полк собрать за свой счет казак, все ужесточались. Все чаще донцы называли свое положение невыгодным.

Масса упреков и обвинений, обрушивавшихся на казачество после 1905 г., обычно связывается с участием казачьих частей в подавлении рабочих волнений. Но другим значимым событием стала и русско-японская война, в ходе которой казакам пеняли, что они не оправдали надежд на поле боя. А во время Мукденских сражений казаки 24-го полка сдерживали панику солдат, приобретя репутацию карательной части. Итог событий так был

сформулирован одним из казаков в 1905 г.: «Антипатия, установившаяся в последнее время между казаками и “русаками”, дает последним право, хотя и не заслуженное, обвинять их в чем угодно» [13].

После 1907 г. донская интеллигенция стремилась к реабилитации казачества в глазах широкой общественности. Один из корреспондентов «Неофициальной части Донских ведомостей», скрывшийся под псевдонимом И.А.Д., в присланном в редакцию тексте утверждал, что причиной предубеждения против казаков является то, что они использовали как «оружие репрессивных действий нагайку». Но автор подчеркивал, что нагайка обычно воспринимается как мера, роняющая человеческое достоинство, но в то же время она более мягкое средство дисциплинирующего воздействия: «...Если казаки и действовали так, то только потому, что ими руководило чувство гуманности, во избежание напрасного кровопролития, тем более что в силу обычая он вооружен еще и этим средневековым орудием пытки» [14]. Пусть это утверждение звучит неожиданно, но обратим внимание: вызванные к Зимнему регулярные войска 9 января расстреляли манифестацию, а казаки толпу разгоняли плетками и оттесняли конями, шашки же в городах не применяли.

Насколько успешной была такая деятельность, неизвестно, но ввод казачьих отрядов на территорию бастующих предприятий привел к обострению отчужденности и недоверия между иногородними и казаками, что не позволило найти общий язык на казачье-крестьянских съездах в 1917 г. и превратило в 1918 г. Дон в оплот Белого движения.

Если вернуться к характеристике ситуации в южнороссийском промышленном районе, то обоснованным представляется вывод о том, что принципы рыночной экономики сохраняли там свою силу в достаточной степени.

В связи с этим интересно мнение ряда английских исследователей (M. Miller, O. Crisp, G. Garvi, S. White), что государственно-экономическая машина Российской империи с самого начала создавалась как гибрид частнособственнического и государственного сектора. Этот опыт был представлен одним из авторов как специфический и характерный в довоенное время лишь для России. И соответственно, как он полагал, в 1914–1915 гг. Германия переняла российский опыт, сочтя его эффективным в условиях максимального напряжения сил страны при ведении войны на два фронта. За нею последовали правительства воюющих Великобритании и Франции, не менее жадно поглощавших частный сектор [15]. Стоит вспомнить, что основанная на ленинских статьях отечественная традиция видела советскую политику военного коммунизма основанной на германском опыте управления экономикой военного времени.

Т.И. Трошиной в отношении севера Европейской части России было выдвинуто предположение, что государственное регулирование экономики носило черты, характерные для политики военного коммунизма [16]. Но она вела речь не о структурных основаниях Российской империи, а об аврально сложившейся оперативной системе мер, вызванной чрезвычайными обстоятельствами и задачами, а именно строительством Мурманской железной дороги и модернизацией архангельского порта, через которые ввозились стратегические товары для русской армии.

Важность южнороссийского промышленного района для нужд обороны также не подлежит сомнению. Возможно, что на ход событий оказывал влияние фактор, отсутствовавший на севере. Вероятное объяснение может состоять в особенностях союзнического присутствия во внутрироссийских делах. Жажда прибыли граждан и компаний стран Антанты на юге парализовала деятельность местных чиновников, пытавшихся поставить интересы обороны на первое место по сравнению с интересами коммерции. На севере отмечено совпадение интересов России и военных ведомств союзников в деле организации бесперебойных поставок для действующей армии.

Выводы

Апробированный на этом историческом материале подход, состоящий в выявлении исторических взаимосвязей, показал, в каких случаях работает эффект бабочки – в ситуациях, требующих предельно просчитанных действий. Военное время как никакое иное подходит под это требование. Напряженность на оборонных предприятиях южнороссийского промышленного района привела к активизации ряда процессов.

Усилился межсословный раскол между иногородними и казачеством, спровоцированный его привлечением к подавлению рабочих стачек. Приток в действующую армию неблагонадежных элементов стал дополнительным фактором, разрушавшим ее основы. Существенно выросло количество рабочих-активистов, затем проявивших себя в 1917 г. в деятельности ФЗК, советов и т.д. Актуализировались негативные чувства к иностранцам, выразившиеся в обвинениях в несоюзническом поведении граждан государств Антанты, владевших промышленными предприятиями. Всё это подтверждает тезис, что война не способствует укреплению отношений даже между союзниками. Чувство недооцененности жертв и усилий разъединяет даже больше, чем прямое вооруженное противостояние, поэтому нередко по окончании войн блоки раскалывались и создавались новые – из недавних противников.

Примечания:

1. Демешина Е.И. Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов н/Д, 1973.
2. Откатчик – рабочий в шахте, доставлявший вагонетку с углем из забоя к подъемнику.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 455. Оп. 1. Д. 413. Л. 24, 60.
4. Государственный архив Днепропетровской области (далее – ГАДО). Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 62–63.
5. См.: Дореволюционная история ЕМЗ (история Р.Б.М.О.). URL: http://enakievets.info/publ/istorija/dorevoljucionnaja_istorija_emz_istorija_rbmo/2-1-0-50 (дата обращения: 24.02.2013).
6. Государственный исторический архив Азербайджана (далее – ГИАА). Ф. 495. Оп. 1. Д. 61. Л. 161.
7. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской Республики. Ф. 276. Оп. 2. Д. 45. Л. 24.
8. ГАДО. Ф. П-24. Оп. 1. Д. 372. Л. 60.
9. Плитовой – рабочий на поворотной плите в шахте, вручную разворачивавший вагонетки перед подъемником. Часто эту работу выполняли женщины. Коногон – рабочий, управлявший лошадьми в шахте.
10. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3995. Л. 1–24, 34–40.
11. Там же. Д. 3996. Л. 1–3, 24.
12. ГИАА. Ф. 487. Оп. 1. Д. 4. Л. 18, 20, 25.
13. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 615. Л. 117.
14. Там же. Д. 588. Л. 3, 4.
15. Цит. по: Джонсон П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2 т. Т. 1. М., 1995. С. 23–25.
16. Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 10, 18–19, 54–55.

References:

1. Demeshina E.I. Rabochee dvizhenie na Donu v period imperializma. Rostov n/D, 1973.
2. Otkatchik – rabochii v shakhte, dostavlyavshii vagonetku s uglem iz zaboya k pod'emniku.
3. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee – GARO). F. 455. Op. 1. D. 413. L. 24, 60.
4. Gosudarstvennyi arkhiv Dnepropetrovskoi oblasti (dalee – GADO). F. P-24. Op. 1. D. 372. L. 62–63.
5. Sm.: Dorevoljutsionnaya istoriya EMZ (istoriya R.B.M.O.). URL: http://enakievets.info/publ/istorija/dorevoljucionnaja_istorija_emz_istorija_rbmo/2-1-0-50 (Data obrashcheniya: 24.02.2013).
6. Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Azerbaidzhana (dalee – GIAA). F. 495. Op. 1. D. 61. L. 161.
7. Arkhiv politicheskikh dokumentov Upravleniya delami Prezidenta Azerbaidzhanskoi Respubliki. F. 276. Op. 2. D. 45. L. 24.
8. GADO. F. P-24. Op. 1. D. 372. L. 60.

9. Plitovoi – rabochii na povorotnoi plite v shakhte, vruchnuyu razvorachivavshii vagonetki pered pod'emnikom. Chasto etu rabotu vypolnyali zhenshchiny. Konogon – rabochii, upravlyavshii loshad'mi v shakhte.

10. GARO. F. 46. Op. 1. D. 3995. L. 1–24, 34–40.

11. Tam zhe. D. 3996. L. 1–3, 24.

12. GIAA. F. 487. Op. 1. D. 4. L. 18, 20, 25.

13. GARO. F. 55. Op. 1. D. 615. L. 117.

14. Tam zhe. D. 588. L. 3, 4.

15. Tsit. po: Dzhonson P. Sovremennost'. Mir s dvadtsatykh po devyanostye gody : v 2 t. T. 1. M., 1995. S. 23–25.

16. Troshina T.I. Velikaya voina... Zabytaya voina... Arkhangel'sk v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1918 gg.). Arkhangel'sk, 2008. S. 10, 18–19, 54–55.

УДК 94(47)“1914–1918”

Промышленность юга России в годы Первой мировой войны: ускользающая победа капитала

Ольга Михайловна Морозова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация
344012, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: olgafrost@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена ситуации на промышленных предприятиях юга России в годы Первой мировой войны и тем последствиям, которые имели возникавшие там конфликты. Источниками информации стали докладные записки чиновников, поданные «по начальству», а послереволюционные воспоминания об участии в рабочем движении, использованные в качестве раскрывающих настроения рабочих.

Ключевые слова: южнороссийский промышленный район; Первая мировая война; рабочее движение; мобилизация в армию; донское казачество.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 200-207, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 338.43.02 (477)“199/201”

Development Paths for the Cultural/Artistic Life of Ukraine’s Ethnic Minorities through Regional Social National/Cultural Societies: The Trends of the 1990–2000s

Vladimir M. Pekarchuk

Luhansk State University of Internal Affairs named after E.O. Didorenka, Ukraine
91493, Luhansk Oblast, Luhansk, General Didorenka Str., 4
PhD (History), Assistant Professor
E-mail: vladimirprkrk@rambler.ru

Abstract

This article, based on archive and statistical materials and the results of analytical work carried out by predecessors, examines the place and role of professional social organizations in the development of the cultural/artistic life of ethnic minorities. Considerable attention is devoted to examining the regional aspect of social structuring and inquiring into the ethnic mobilization of Ukraine’s ethnoses. On the whole, the author draws a conclusion about the effectiveness of work done by national/cultural centers, societies, and unions in the area of the development of the ethno-cultural space of ethnic minorities. The article brings to light the forms of impact of national/cultural organizations on social institutes.

Keywords: ethnic minorities; national/cultural societies; culture; association; union; language; traditions; conferences.

Введение

Украинское общество и его репрезентативные инстанции понимали, что национально-культурные общества – это реальная общественная сила, являющаяся мощным фактором культурной активности граждан. Местные национально-культурные общества выступали первичным компонентом в структуре организма этноса, а потому и их участие в этнополитических отношениях было минимальным. Более полно интересы меньшинств представляли объединения с республиканским статусом. На протяжении исследуемых лет национально-культурные общества постепенно укреплялись организационно, приобретали общественное влияние. Их структура оставалась в большинстве моноэтнической – такой, которая направлена на отстаивание интересов определенного этноса. Национально-культурные общества этнических меньшинств выступали проводниками возрождения и развития обычаев, традиций, культурно-художественных достижений этнических меньшинств.

Материалы и методы

Статья выполнена на материале опубликованных историографических источников. Опирается на разработанные украинскими учеными концептуальные подходы к анализу

этнокультуры как саморегулирующейся системы, сферы реализации человеческих ценностей, теории этноса.

Обсуждение и результаты

Национально-культурные общества не только успешно функционировали, стимулируя продуцирование художественных ценностей, но и распространяли достижения искусства как на Украине, так и за ее пределами. Они стали залогом культурного разнообразия Украины как носителя европейской цивилизационной модели, сочетая в себе равные возможности развития различных субъектов культуры, а в итоге – закладывали основы государственно-общественной системы культурно-общественной жизни.

На первом этапе национально-культурные общества как в центре, так и в регионах включались в процесс восстановления культурно-языковой мозаики многонациональной Украины. Работали над решением задач сохранения этнической самобытности, созданием радио- и телепрограмм, посвященных жизни этнических общин, их национальным традициям, над проведением различного рода культурных мероприятий – фестивалей, национальных праздников. В результате такой деятельности, сотрудничества с органами государственной власти, местного самоуправления было создано 227 театров и театральных групп, 338 танцевальных коллективов, 343 хоровых коллектива, 258 музыкальных ансамблей [1]. В течение исследуемых лет расширялись формы влияния национально-культурных организаций на общественные институты. Исходным их положением становилось формирование общественного мнения, в том числе и путем популяризации собственной культуры.

Культурно-художественные организации этноменьшинств в большинстве развивались в сложных хозяйственных условиях. Многие национально-культурные общества испытывали материальные трудности, страдали от отсутствия помещений. Характерной чертой становилось отсутствие фиксированного членства в этих обществах. Согласно уставным документам национально-культурных обществ, источниками поступления средств были членские взносы, пожертвования юридических или физических лиц, т.е. они существовали не за счет бюджетных средств, как это и предусмотрено действующим законодательством. К тому же большинство крупных национально-культурных организаций получали финансовую помощь от «этнической» родины, международных фондов и меценатов. В течение 1990–2000-х гг. национально-культурные общества приобретали разные формы – от преимущественно этнографических, культурных обществ в начале своего становления до многофункциональных объединений общественно-политического направления. Горизонтальное разнообразие и увеличение количества организаций привело к вертикальной структуризации [2]. В начале 1990-х гг. культурные общества этноменьшинств финансировались, главным образом, из государственного бюджета. В дальнейшем ситуация менялась, росла доля в поступлениях от частных лиц, донорских общественных организаций.

На протяжении исследуемых лет сформировались основные задачи и цель деятельности национально-культурных обществ, накоплен положительный опыт в возрождении этнической самобытности. Возросли внутренняя солидарность, сплоченность представителей национально-культурных обществ, усовершенствовалось сотрудничество этих объединений с органами исполнительной власти различных уровней. В среде таких этнических сообществ, как болгары, греки, евреи, молдаване, немцы, поляки, россияне, румыны, словаки, венгры, практически завершился период интенсивного образования национально-культурных обществ. Процессы их этнокультурного возрождения происходили более быстрыми темпами, чем у других этносов, что позволяло им сохранять и развивать свою этническую самобытность и усиливать свое влияние на принятие управленческих решений. Эти организации репродуцировали свою этническую самобытность, т.е. обладали внутренними резервами для формирования достаточно устойчивого этнического самосознания и сохранения этнокультурных ценностей. Национально-культурное возрождение национальных меньшинств, развитие их культуры, удовлетворение информационных потребностей происходило в органическом единстве с возрождением национально-культурной жизни украинского народа. Духовные достижения каждого

этнического меньшинства одновременно обогащали культуру Украины, закладывали действенную основу для межнационального единства и сотрудничества.

Процессы демократизации общественно-политического развития создавали благоприятные условия для широкого привлечения меньшинств в общественную и культурную жизнь страны. С одной стороны, происходило национально-культурное возрождение меньшинств, активизировалась деятельность их общинных организаций, с другой – осуществлялась их интеграция в украинское общество. Намечались положительные тенденции в росте общественной активности представителей меньшинств, примером которой были процессы самоорганизации, т. е. образование национальных общественных организаций. Вместе с тем общественные организации меньшинств не всегда действовали слаженно. Наличие нескольких организаций в одной местности временами осложняло работу. В Житомире в результате несогласованности действий польских национально-культурных организаций не удалось организовать курсы польского языка, использовать с целью показа культурного наследия Польский дом, построенный на средства Польши. Наличие нескольких российских организаций свидетельствовало о недостаточности усилий каждой из них для развития российской культуры [3].

Подвижническая общественная деятельность руководителей национально-культурных обществ оценивалась высокими государственными наградами, отмечалась почетными грамотами Госкомнацмигранции. В частности, председатель Еврейского совета Украины, председатель Совета национальных обществ Украины награждены орденом «За заслуги» III степени, руководителям всеукраинских национально-культурных обществ, в частности болгарского (А. Киссе), греческого (А. Проценко-Пичаджи), чешского (Л. Мухина), корейского (С. Ли), татарского (К. Хуснутдинова), ромского (Ю. Иваненко), присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Украины». Руководитель Всеукраинского национального культурно-просветительского общества «Русское собрание» А. Потапова награждена орденом Княгини Ольги III степени и орденом Дружбы Российской Федерации за возрождение духовности, развитие российской культуры и языка во всеукраинском контексте. В 2003–2004 гг. почетными грамотами и знаком Госкомнацмигранции награждено около 200 представителей национально-культурных обществ из разных регионов Украины [4].

При поддержке государства общественными организациями проводились различные культурно-просветительские мероприятия, которые приобретали широкий резонанс как на Украине, так и за ее пределами. Это всеукраинские фестивали «Все мы дети твои, Украина!» («Всі ми діти твої, Україно!»), «Мы – украинские» («Ми – українські») (г. Запорожье), еврейского искусства «Шалом, Украина!» («Шалом, Україно!») (г. Киев); межнациональные фестивали национальных культур (в городах Николаев и Каменец-Подольский), «Мелодии соленых озер» («Мелодії солоних озер») (Закарпатье), фестиваль культур национальных меньшинств Киевщины «Фольклорама»; традиционные праздники чешской культуры «Плес», корейских национальных традиций «Кореяда»; международный цыганский фестиваль «Амала» (Киев), музыкальные и художественные ромские фестивали (г. Ужгород), Дни румынской культуры (г. Черновцы), Дни молдавской культуры (г. Одесса), Дни польской культуры (г. Львов, Житомир).

В обеспечении культурных прав этнических меньшинств важную роль играл уполномоченный Верховной рады Украины по правам человека. Одной из форм сотрудничества уполномоченного с национально-культурными обществами было его участие в работе представительных органов, которые имели всеукраинский статус. На таких встречах рассматривались конкретные предложения об усовершенствовании процедур по предупреждению нарушений прав человека.

В течение 1990–2000-х гг. изменялись взаимоотношения национально-культурных обществ и органов государственной власти. Постепенно они принимали форму диалога. Положительные сдвиги происходили в области культуры.

Количество местных национально-культурных обществ быстрыми темпами росло в начале 1990-х гг. В 1998 г. уже действовало 270 национально-культурных организаций. Через 10 лет (2008 г.) их численность достигла 1300, из которых 39 имели всеукраинский статус [5]. Стремление к возрождению этнической самобытности стимулировало дальнейшую структуризацию различных этносов. По данным Госкомнацмигранции, в 2003 г.

на Украине действовало 785 национально-культурных обществ, 530 из которых были созданы представителями наиболее многочисленных этнических сообществ. В частности, представители российского сообщества образовали 62 организации данного типа, греческого – 99, еврейского – 93, немецкого – 55, польского – 44, азербайджанского – 33, армянского – 31 [6]. На 2003 г. в АР Крым действовало 27 национальных и национально-культурных обществ и общин, образованных представителями 25 этносов, входящих в состав двух объединений – Крымского республиканского фонда межнационального согласия и Ассоциации национальных обществ и общин Крыма [7].

На 2004 г., по данным органов юстиции, на Украине было зарегистрировано и функционировало 1045 национально-культурных обществ, 34 из них имели всеукраинский статус. Реально определялись как меньшинства, т.е. образовали свои этнические общественные организации, представители 35 национальностей, проживающих на территории Украины [8]. В 2009 г. на Украине действовало около 1200 общественных организаций этнических меньшинств (в том числе и культурно-художественного направления), из них 37 имели статус всеукраинских. О масштабе культурной деятельности этих организаций свидетельствовало то, что при них функционировало около 6 тыс. художественных коллективов [9]. Из всех этнических групп 39 образовали собственные национально-культурные общества, т.е. конституировались как этноменьшинства.

Претерпевали изменения приоритеты культурной деятельности национально-культурных обществ. Если в начале 1990-х гг. их приоритетом была задача консолидации этнических групп, сбор этнокультурного наследия, то в середине десятилетия они начинали инициировать проекты этнического и социально значимого характера. Национально-культурные общества конца 1980-х – начала 1990-х гг. ставили задачей развитие гармоничных межэтнических отношений, сплочения представителей этнических меньшинств вокруг общих интересов, дела идентификации на основе родного языка, исторической памяти, традиций, культуры. Созданное в 1988 г. при Украинском обществе дружбы и культурных связей с зарубежными странами польское культурно-образовательное общество состояло из шести секций: науки, культуры, польского языка и литературы, охраны памятников истории и культуры, организационной работы, клуба любителей польского фильма. В 1989 г. начало работу Закарпатское областное общество венгерской культуры (в совет вошли 47 членов, председателем был избран – Ш. Фодов, доцент Ужгородского университета). В созданный в этом же году Республиканский культурный центр тюркоязычных народов (при Украинском фонде культуры) вошло 11 обществ: татарское, казахское, башкирское, крымскотатарское, азербайджанское, узбекское, караимское, гагаузское, туркменское, киргизское, арабское. В плане развития культуры этнических меньшинств плодотворно работали Украинское республиканское общественно-политическое и культурно-образовательное общество советских немцев «Возрождение» (1989 г.), Республиканское общество еврейской культуры (1989 г.), Региональное общество советских греков (г. Донецк, 1989 г.). В 1990 г. в число этих организаций добавились Украинское республиканское общество российской культуры «Русь», Чехословацкое республиканское культурно-просветительское общество. Позже был создан Совет национальных обществ Украинской ССР для координации деятельности этнических групп, проведения совместных акций, предоставления материальной помощи вновь созданным обществам. Количество национально-культурных организаций особенно быстро увеличивалось в начале 1990-х гг. Если осенью 1990 г. на Украине насчитывалось 84 таких объединения, то в конце 1994 г. их было уже 237 [10].

Основной проблемой, на решении которой сосредоточивалась деятельность общественных объединений ромов, было повышение культурного уровня цыганской молодежи. Целью и задачей областного цыганского объединения «Форум ромен Українотар» («Форум цыган Украины»), которое действовало в Киеве, было сохранение культуры цыган, интеграция их в украинское гражданское общество. Это объединение работало над созданием цыганской библиотеки, архива, аудиовидеотеки, поддерживало связи с цыганским парламентом Венгрии, цыганскими организациями Европы, представительством цыган в ООН и др. Украинские цыганские общества сотрудничали также с Международной цыганской организацией и Европейским центром прав цыган (Будапешт), который выпускал вестник «Roma Rights» [11].

При поддержке государства осуществлялся комплекс организационно-практических и культурно-просветительских мероприятий, способствовавших гармонизации межэтнических отношений. Имели всеукраинский резонанс научно-практические конференции, фестивали культур национальных сообществ, выставки традиционных ремесел и декоративно-прикладного искусства. Работа национально-культурных обществ способствовала созданию ряда новых художественных коллективов, проведению национальных полиэтнических культурных акций, этнокультурологических конференций, фестивалей детского творчества и т.д. Среди них стоит вспомнить широкомасштабный культурологическо-художественный проект «Украина – открытый мир» («Україна – відкритий світ»), Всеукраинский форум национальных меньшинств «Все мы дети твои, Украина!» («Всі ми діти твої, Україно!»), культурно-художественную акцию ко Дню защиты детей «Детям наши сердца» («Дітям наші серця»), всеукраинскую выставку к Дням славянской письменности и культуры «Сокровища славянского мира» («Скарби слов'янського світу»), всеукраинский фестиваль театров национальных меньшинств Украины «Этно-диа-сфера» («Етно-діа-сфера»), всеукраинский фестиваль корейской культуры на Украине «Кореяда», новогодне-рождественскую художественную акцию «Киев златоверхий объединяет ...» («Київ золотоверхий єднає...»), ставшие уже традиционными на Украине [12].

Греки Украины получили успешный опыт в общественном структурировании. В 2000-е гг. на Украине действовало около 50 греческих обществ разных типов – от общеукраинских до городских и даже поселковых – в семи областях Украины, АР Крым и городах Киеве и Севастополе. Это, например, Днепропетровское городское общество «Эллада», Донецкое общество греков, Греческий национальный общественно-политический клуб «Эллины Приазовья» (с. Сардана Донецкой обл.), Волновахское общество греков «Гелиос» (г. Донецк), Горловское общество греков Украины (г. Горловка Донецкой обл.), Старобешевское общество греков «Бешив» (пгт. Старобешево Донецкой обл.), Володарское национально-культурное общество греков (пгт. Володарское Донецкой обл.), Запорожский греческий совет (г. Запорожье), Греческое общество им. К. Корнетка (г. Львов), Луганское областное общество греков «Форос» (г. Луганск), Греческий клуб «Эллада» (г. Одесса), Греческое объединение «Гелиос» (г. Харьков), Балаклавское общество греков (г. Севастополь), Греческое культурно-просветительное общество «Херсонес» (г. Севастополь) и др. Важным центром греческого национального движения был Киев. В 1993 г. возникло Киевское греческое общество «Эллада». В 1998 г. возникло еще одно общество «Эллинское братство “Энотита”». Для удовлетворения этнокультурных потребностей греков на Украине начиная с 1991 г. создано и функционировало 75 национально-культурных обществ, входивших в Федерацию греческих обществ Украины (ФГОУ). Практически в каждом поселке с компактным проживанием греков действовало греческое общество; все они объединены в шесть районных обществ. Большинство греческих обществ имело художественные коллективы [13].

В 1991 г. общество еврейской культуры Украины обратилось к Верховной раде и кабинету министров Украины с тем, чтобы была возобновлена работа ряда учреждений культуры евреев Украины, в том числе Государственного еврейского театра, произошло объединение двух ансамблей песни и танца в Государственный еврейский ансамбль песни и танца; из фондов трех еврейских музеев (Одесса, Львов, Черновцы) была восстановлена работа Государственного музея еврейской культуры [14]. Присущей еврейским национально-культурным обществам оставалась многовекторность и невозможность создания единого координационного центра общественного движения.

Свои задачи национально-культурные общества видели, прежде всего, в защите прав своих членов. Чтобы выполнить эту задачу, их уставы предусматривали экономическую деятельность, установление внешнеэкономических связей. Действовали объединения, которые ставили целью участвовать в деятельности местных органов власти, выступать с законодательной инициативой. К заслугам еврейских организаций и общин следует отнести стремление к стабилизации и консолидации украинского общества. Благодаря их активной работе сократилась эмиграция евреев из Украины на постоянное место жительства в другие страны. Много внимания уделяют они и духовному возрождению. Оставалась разной активность и спектральность в действиях культурных обществ. Экономические трудности, а

также невыполнение органами власти норм законодательства существенно ограничивали их деятельность. В начале 1990-х гг. в Днепропетровской области активно работало Областное еврейское общество «Культура и милосердие» (при поддержке израильского культурно-информационного центра). Благодаря усилиям активистов евреям Днепропетровска была возвращена хоральная синагога (закрыта в 1929 г.) [15].

На протяжении исследуемых лет евреи Украины создали более 120 национально-культурных обществ, среди которых три имели статус всеукраинских: «Еврейский совет Украины» (председатель И. Левитас), «Ассоциация еврейских организаций и общин Украины» (Ваад, председатель И. Зисельс), Всеукраинский еврейский конгресс (ВЕК, президент В. Рабинович). В 1999 г. сформировалась новая организация – Еврейская конфедерация (ЕКУ, сопредседатели Ю. Звягильский, С. Максимов, Е. Червоненко), в которую вошли Ваад, Еврейский совет и Объединение еврейских религиозных организаций Украины. В том же году под руководством В. Рабиновича была создана Объединенная еврейская община Украины. На Украине созданы и функционировали 153 общественные организации еврейской культуры. Всеукраинский статус имели Еврейский совет Украины, Ассоциация еврейских организаций и общин Украины, Еврейский конгресс Украины, Еврейский фонд и Еврейская конфедерация Украины.

В начале 2000-х гг. среди действующих национально-культурных обществ заметно выделялись еврейские общественные организации, а также «Лига азербайджанцев Днепропетровщины» (руководитель Х. Асланов), областное общество армянской культуры им. Г. Лусаворича (руководитель Г. Арутюнов), Днепропетровское отделение «Союза поляков на Украине» (руководитель Р. Патрицио).

Польская сторона проводила активную работу с польским меньшинством на Украине, способствовала созданию прочных влиятельных общин, частично финансировала их деятельность. Для поддержки своей диаспоры Польское государство использовало разнообразные возможности. Польские правительственные круги и общественные организации стимулировали консолидацию и взаимную помощь диаспоры, в том числе материальными и финансовыми ресурсами. Ячейками общения поляков и решения вопросов развития польской культуры становился «Дом Польский». Польские общины на Украине за неимением собственных и государственных средств упорядочивали и открывали общества, привлекая средства организаций, которые были выразителями интересов Польши и поляков за границей. Так, открытие «Дома Польского» в Житомире финансово обеспечили «Вспульнота Польска», фондация «Помощь полякам на Востоке», совместное украинско-польское предприятие «Энергополь», а также Объединение поляков Великобритании [16]. В 2000-е гг. на Украине зарегистрировано более 100 общественных объединений, представляющих интересы поляков. Подавляющее их большинство действовало в Ивано-Франковской, Житомирской, Львовской, Тернопольской, Хмельницкой областях и Киеве. Созданное в 1988 г. при Фонде украинской культуры Общество польской культуры Львовщины стало организацией, которая своим появлением ознаменовала начало национального возрождения поляков на Украине.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на Украине на протяжении исследуемого периода расширялась роль национально-культурных обществ в развитии культурно-художественной жизни этноменьшинств. Государством разрабатывались действенные механизмы обеспечения функционирования творческих коллективов, театров, ансамблей и др.

Примечания:

1. Лойко Л.І. Громадські організації етнічних меншин України: природа, легітимність, діяльність. К., 2005. С. 200.

2. Комар Я.В. Національно-культурні товариства як прояв сучасного національного відродження (на прикладі болгар України та Молдови) // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2009. Т. 104. Вип. 91. С. 115.

3. Алексеев Ю. Особенности современной этнополитики Украины в контексте евроинтеграционных проблем // Украина – Европа – Світ : збірник наукових праць. Тернопіль, 2011. Вип. 5. Ч. 2. С. 120.
4. Міжнаціональні відносини в Україні: стан, тенденції, перспективи / Д.В. Табачник, Г.Г. Москаль, В.М. Воронін та ін. К., 2004. С. 267.
5. Алексеев Ю. Указ. соч. С. 117.
6. Діяльність національно-культурних товариств України на сучасному етапі. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/metodser/87/81.pdf> (дата обращения: 12.09.2014).
7. Міжнаціональні відносини в Україні... С. 68.
8. Довідка. Захист колективних прав етнотеншин України: // Текущий архив Министерства юстиции Украины. 2005.
9. Текущий архив министерства культуры Украины. Листування № 10 (1616–1701). Д. 3. Л. 8.
10. Діяльність національно-культурних товариств України на сучасному етапі...
11. Етнонаціональні процеси в Україні: історія та сучасність / за ред. В.І. Наулка. К., 2001. С. 421.
12. Лебедева Г.О. Культура національних меншин як важлива складова української культури. URL: http://www.rusnauka.com/12_ENXXI_2010/Istoria/64830.doc.htm (дата обращения: 12.09.2014).
13. Міжнаціональні відносини в Україні... С. 278.
14. Центральний державний архив вищих органів влади і управління України. Ф. 5116. Оп. 19. Д. 3168. Листування з Верховною Радою України з основних питань діяльності міністерства. 20 листопада – 14 грудня 1992 р. Л. 14.
15. До історії культурних товариств національних меншин у Дніпропетровській області. URL: <http://ru.museum.dp.ua/article0211.html> (дата обращения: 12.09.2014).
16. Бабак О.І. Українсько-польські відносини (від 1980-х років до 2005 р.). Кіровоград, 2005. С. 119.

References:

1. Loiko L.I. Gromads'ki organizatsii etnichnih menshin Ukraini: priroda, legitimnist', diyal'nist'. K., 2005. S. 200.
2. Komar Ya.V. Natsional'no-kul'turni tovaristva yak proyav suchasnogo natsional'nogo vidrodzhennya (na prikladi bolgar Ukraini ta Moldovi) // Naukovi pratsi [Chornomors'kogo derzhavnogo universitetu imeni Petra Mogili]. Ser.: Istoriya. 2009. T. 104. Vip. 91. S. 115.
3. Alekseev Yu. Osoblivosti suchasnoi etnopolitiki Ukraini v konteksti evrointegratsiinih problem // Ukraina – Evropa – Svit : zbirnik naukovih prats'. Ternopil'. 2011. Vip. 5. Ch. 2. S. 120.
4. Mizhnatsional'ni vidnosini v Ukraini: stan, tendentsii, perspektivi / D.V. Tabachnik, G.G. Moskal', V.M. Voronin ta in. K., 2004. S. 267.
5. Alekseev Yu. Ukaz. soch. S. 117.
6. Diyal'nist' natsional'no-kul'turnih tovaristv Ukraini na suchasnomu etapi. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/metodser/87/81.pdf> (data obrascheniya: 12.09.2014).
7. Mizhnatsional'ni vidnosini v Ukraini... S. 68.
8. Dovidka. Zahist kolektivnih prav etnomenshin Ukraini: // Tekuschiy arhiv Ministerstva yusticii Ukrainy. 2005.
9. Tekuschiy arhiv ministerstva kul'tury Ukrainy. Listuvannya № 10 (1616–1701). D. 3. L. 8.
10. Diyal'nist' natsional'no-kul'turnih tovaristv Ukraini na suchasnomu etapi...
11. Etnonatsional'ni procesi v Ukraini: istoriya ta suchasnist' / za red. V.I. Naulka. K., 2001. S. 421.
12. Lebedeva G.O. Kul'tura natsional'nih menshin yak vazhliva skladova ukrains'koï kul'turi. URL: http://www.rusnauka.com/12_ENXXI_2010/Istoria/64830.doc.htm (data obrascheniya: 12.09.2014).
13. Mizhnatsional'ni vidnosini v Ukraini... S. 278.
14. Central'niy gosudarstvenniy arhiv vysshih organov vlasti i upravleniya Ukrainy. F. 5116. Op.19. D.3168. Listuvannya z Verhovnoyu Radoyu Ukraini z osnovnih pitan' diyal'nosti ministerstva. 20 listopada – 14 grudnya 1992 r. L. 14.

15. Do istoriï kul'turnih tovaristv natsional'nih menshin u Dnipropetrovs'kiy oblasti. URL: <http://ru.museum.dp.ua/article0211.html> (data obrascheniya: 12.09.2014).
16. Babak O.I. Ukraïns'ko-pol's'ki vidnosini (vid 1980-h rokiv do 2005 r.). Kirovograd. 2005. S. 119.

УДК 338.43.02 (477)“199/ 201”

Пути развития культурно-художественной жизни этнических меньшинств Украины средствами региональных общественных национально-культурных обществ: тенденции 1990–2000-х гг.

Владимир Михайлович Пекарчук

Луганский государственный университет внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, Украина
91493, г. Луганск, пгт. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, 4
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: vladimirpkrk@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе архивных, статистических материалов, аналитических наработок предшественников рассмотрены место и роль профессиональных общественных организаций в развитии культурно-художественной жизни этнических меньшинств. Значительное внимание уделено рассмотрению регионального аспекта общественного структурирования и выяснению этнической мобилизации этносов Украины. Сделан вывод в целом об эффективной работе национально-культурных центров, обществ, союзов в сфере развития этнокультурного пространства этнических меньшинств. Раскрыты формы влияния национально-культурных организаций на общественные институты.

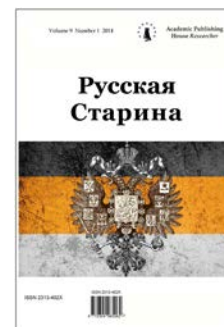
Ключевые слова: этнические меньшинства; национально-культурные общества; культура; ассоциация; союз; язык; традиции; конференции.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 208-213, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 94(47)

From Burning Synagogues to Burning Villages: Nazi Methods for Eradicating Peoples in 1941-1944

Leonid A. Terushkin

Scientific and educational center of the "Holocaust", Russian Federation
115035, Moscow, Sadovnicheskaya Str. 52/45
Head of the Archives Department
E-mail: arch-holofond@mail.ru

Abstract

German Nazism attached special significance to the symbol of fire in its ideology. Subsequent to burning books, the Nazis proceeded to burning synagogues during the Night of Broken Glass. Germany's invasion of the USSR marked the commencement of the process of the mass slaughter of the Jewish population, and soon the Nazis, their allies and collaborationists started to apply the same methods throughout the occupied territory.

Keywords: World War II (the Great Patriotic War); Holocaust; fire; eradication; slaughter; Nazism; synagogue.

Введение

Термин «холокост» популяризован писателем и общественным деятелем, бывшим узником Освенцима Эли Визелем, как символ нацистских газовых камер и крематориев. И в массовом сознании он непосредственно связан с архаичным символом огня. Однако пожирающий сотни тысяч людей огонь лагерей уничтожения имел свою предысторию. И уничтожение огнем имело особое значение в нацистской идеологии и политике.

В этом нет ничего удивительного. Годы нацистского режима в Германии отмечены торжеством двух архаичных символов – огня и металла. Факельные шествия нацистов напоминали ритуалы огнепоклонников. Молнии в петлицах эсэсовцев – это также огненные символы. Свастика – ключевой графический символ Третьего рейха – это изображение солнца – огненного символа [1].

Материалы

Статья основана на воспоминаниях очевидцев событий военного времени, архивных материалах и историографических источниках, посвященных рассматриваемой проблеме.

Обсуждения и результаты

В дальнейшем можно пунктирно обозначить важные вехи политики нацистов по укреплению власти «огнем и мечом». Поджог рейхстага, сожжение книг на улицах германских городов – здесь огонь пока еще важный элемент политической борьбы. Огнем искореняются пока только враждебные нацизму идеи. Однако в массовом сознании немцев

укореняется мысль, что огнем можно очистить от врагов национал-социализма всю Германию. Кстати, эти враги уже обозначены, но их пока еще не уничтожают, пока в первых концлагерях еще нет крематориев. А борьба с евреями разворачивается во всех сферах жизни общества.

События «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 г. – это не только массовый еврейский погром. Это прямой переход нацистов к неприкрытому насилию, причем огонь, уничтожающий синагоги, символизирует уничтожение общинных, культурных и духовных центров германских евреев: «Горящие синагоги, казалось, кричали об опасности», – вспоминал очевидец «Хрустальной ночи», подростком переживший Холокост в Кенигсберге Михаэль Вик [2]. Но это происходило еще на территории Германии, где нацисты за все годы своей власти старательно избегали массового уничтожения евреев на глазах немцев и других европейцев. Кроме того, сами немцы, даже убежденные нацисты, еще не были готовы совершать массовые и крайне жестокие убийства. Проще говоря, они уже могли сжигать синагоги, но еще не могли сжигать евреев.

К этому политика нацистов постепенно вела немцев. Сначала они перестали воспринимать евреев как равных себе людей, стали относиться к ним как к вредным животным или насекомым. Благодаря многим нацистским пропагандистским антисемитским фильмам, печатной продукции и другим способам «воспитания» со школьной скамьи в массовом сознании немцев евреи уподоблялись крысам. Только евреи еще хуже – они разносят политическую заразу. И сжечь прибежище вредных тварей – синагогу, еврейскую больницу, сиротский приют – совсем не преступление. Это санитарные меры ради «здоровья нации», арийской расы.

Горящие синагоги в Польше, на Украине, в Белоруссии и Прибалтике стали главным зловещим признаком Холокоста в 1939–1941 гг. и оставались им до развития системы лагерей уничтожения – конвейеров смерти.

Нападение Германии на СССР ознаменовало начало масштабного повсеместного уничтожения еврейского населения. Буквально с каждой неделей, с каждым месяцем по мере продвижения германских войск вглубь советской территории изощренность и жестокость массовых убийств росли в геометрической прогрессии. Борьба с «жидо-большевизмом», уничтожение евреев и прочих «недочеловеков» только одобряла любые, самые садистские методы. В июне–июле 1941 г. нацисты уничтожали, прежде всего, мужчин, с августа – также женщин и детей. С первых же дней повсеместно активное участие в уничтожении еврейского населения стали принимать местные коллаборационисты. Причем по жестокости они быстро превзошли германских нацистов.

4 июля 1941 г. в Риге силами «команды Арайса» – подразделения латышской вспомогательной полиции – были сожжены несколько рижских еврейских культовых строений вместе с согнанными в них евреями: Старо-Новая синагога на улице Маскавас 57, «Райсише-миньяним» (Белорусская синагога) на улице Элияс, 15, Солдатская синагога на улице Краславас (Палисадес), 24 (22), молельня и покойницкая на Старом еврейском кладбище (улица Ликснас, 2/4) и другие. В Большой хоральной синагоге (улица Гоголя, 25) были заживо сожжены около 400 евреев, среди которых было много беженцев из Литвы, в том числе дети. В синагоге на улице Стабу, 63 – около 30 чел. Такая же судьба в этот день постигла и ряд других синагог. Молельня и покойницкая на Новом еврейском кладбище Шмерли были также сожжены через несколько дней. Пытавшихся сопротивляться или выпрыгнуть из охваченных огнем зданий коллаборационисты убивали дубинками [3].

А это уже Бобруйск – Белоруссия. Здесь эсэсовцы действовали самостоятельно: «В июле 1941 года полк СС “Великая Германия” учинил кровавую расправу над местным еврейским населением. Солдаты врываются в дома и квартиры, населяемые еврейскими семьями, и сгоняли их обитателей в синагогу. Тех, кто не хотел идти, тащили насильно. Так поступали с детьми, женщинами, подростками, стариками и старухами. Когда несчастные жертвы были согнаны в синагогу, солдаты полка СС “Великая Германия” подожгли ее. Под горящими развалинами были погребены трупы тысячи людей. Тех, кто пытался выскочить из горящего здания, расстреливали тут же в упор из автоматов. Пожар синагоги перекинулся на соседние дома, вследствие чего выгорела часть Советской улицы» [4].

Полк СС «Великая Германия» проводил подобные расправы неоднократно. По показаниям захваченного в плен в феврале 1942 г. солдата 350 пехотного полка

221 немецкой полицейской дивизии Георга Фишера, «в июле 1942 г. солдаты из дивизии СС “Великая Германия” согнали в Белостоке сотни еврейских семей в синагогу. Когда здание было буквально забито людьми, они подожгли его. Тех, кто пытался выскочить из горящего здания, эсэсовцы расстреливали из автоматов...» [5].

Только в Центральном архиве Министерства обороны РФ в фондах Главного политического управления Красной армии, в материалах политотделов и следственных комиссий армий и фронтов имеется колоссальный материал о преступлениях оккупантов и их пособников. Это не только показания чудом уцелевших жертв и очевидцев, здесь немало материалов, содержащих показания германских, румынских, венгерских военнопленных. Многие сами были участниками описываемых преступлений. И везде можно увидеть, что сожжение сначала евреев, а также советских военнопленных, затем других «вредных» и «опасных» для нацистов категорий населения принимает все более широкие и изощренные формы. «5 января 1944 года, село Казарино Киевской области. Мы, нижеподписавшиеся капитан В.С. Сосов, рядовой К. Веденцкий, секретарь сельсовета А.Ф. Погорелов, местные жители (3 фамилии), свидетельствуем, что немцы, заняв село в июле 1941 года, расстреляли всех 16 человек местных жителей – евреев, а 6 сожгли живьем, облив бензином...» [6].

От германских нацистов не отставали их румынские союзники. После вступления в Одессу румынские войска развернули массовый террор против евреев. Но оккупантам было недостаточно массовых расстрелов и виселиц на улицах города. Из дневника сержанта румынской армии: «Одесса. 17 октября 1941 г. В 10 часов мы начинаем очищать районы расположения 6-й роты. Мы получаем приказ отводить в комендатуру всех мужчин в возрасте от 16 до 50 лет. Евреев /мужчин и женщин/ арестовывать ... Евреи пытались выдать себя за русских, но я узнавал их по лицу и проверял документы, после чего, несмотря на их плач, я включил вместе с их женами и детьми в строй арестованных. Мы провели эту чистку до 6 часов вечера. На другой день с утра до 6 часов вечера мы продолжаем очистку района. 19, 20, 21, 22 октября мы продолжаем очистку района. 23 октября начали казни евреев и коммунистов. В 11 часов утра, в парке /возле порта/ были установлены 20 виселиц, на которых были повешены коммунисты, а на улицах, на каждом перекрестке были расстреляны мужчины, женщины, девушки. Их трупы валялись весь день, чтобы их могли видеть остальное население. 24 октября женщин, девушек и детей согнали в 4 больших деревянных сараях на окраине города, в районе трамвайного депо. Прибыл автобус – цистерна с керосином. Сарай были облиты керосином и подожжены. Люди в сараях сбрасывали с себя все, кричали, плакали, но все сгорели» [7].

Но осенью 1941 г. нацисты уже не ограничиваются только массовыми убийствами евреев. Да, это главная задача, и она будет осуществляться до конца войны. По мере развития сопротивления оккупантам, становления партизанского движения истребительные методы установления «нового порядка» становятся повсеместными. И осуществляют их не только полицейские и подобные им формирования, но также подразделения вермахта.

Уничтожение деревни Хацунь, где погибло более 300 жителей, 25 октября 1941 г. в Карачевском районе Брянской области (в современном административном делении) являлось примером акции устрашения местного населения. Повод к такой массовой расправе – убийство красноармейцами-окруженцами двух немецких военнослужащих недалеко от деревни. Оккупанты таким образом начали террор против населения прифронтовой полосы, которую еще не контролировали полностью. Партизанское движение в этом районе еще только начиналось, но расправа была показательной акцией. Потом подобные акции стали обычными в действиях оккупантов. Даже еврейское население на Брянщине в сельских районах в тот период – в октябре–ноябре 1941 г. – еще не подвергалось таким массовым репрессиям. Евреев там нацисты и их пособники стали уничтожать в начале 1942 г. И здесь они не ограничивались «просто расстрелами». Из рассказа М.И. Лучиной (пос. Дубровка Брянской области): «Многих немцы погубили у нас в Дубровке. Убивали не только партизан, но и тех, кто имел связь с ними. Убивали каждого, кто приносил малейший вред немцам. А евреев уничтожали всех подряд без всякой пощады. 23 февраля 1942 г. уничтожили 8 человек евреев – Гуревича с женой, Слуцкера с женой и дочерью Лизой, сына Парламонова и еще двух девушек-евреек. Им велели собраться в дорогу, как будто бы их хотели отправить в какой-то лагерь. Они собрали самое

необходимое. Согнали их всех в дом напротив нас. Они спокойно ждали отправки. Наутро в 7 часов их повели. Когда они увидели, что их ведут к винзаводу, где обычно расстреливали людей, они поняли правду и подняли крик. Недалеко от старой кузницы их скосили из автоматов. Но стреляли нарочно больше по ногам. Их всех стащили в кузницу, облили всех бензином и подожгли. Горели еще живые люди. Крик их слышен был издали. После пожара совсем обуглившиеся тела нашли в разных местах кузницы – раненые расползлись куда попало, ища спасения. Яркое полыхало кузница. Невыносимым смрадом от горевших человеческих тел несло отсюда. Ужас охватил всех нас – жителей Дубровки.

У нас не оставили ни одного еврея. Если русские были женаты на еврейках, жен забирали и куда-то отправляли. Ни одна из них назад не вернулась – все были уничтожены» [8].

В начале 1942 г. после поражения германских войск под Москвой и в результате наступления Красной армии линия фронта отодвинулась на запад. У многих узников еврейских гетто, созданных нацистами на оккупированной территории, появились надежды на спасение. 28 января нацисты уничтожили Велижское гетто в Смоленской области. В марте 1960 г. в Смоленске начал работать военный трибунал Московского военного округа. Перед трибуналом предстали пятеро велижских полицейских-карателей, которые лично и непосредственно принимали активное участие в массовом уничтожении евреев, находившихся в Велижском гетто. Из материалов судебного процесса: «Оккупировав Велижский район Смоленской области в октябре–ноябре 1941 года, немецко-фашистские захватчики при участии полицейских в гор. Велиже на ул. Жгутовской создали гетто для советских граждан еврейской национальности. Под гетто было отведено свыше 20 деревянных домов и помещение бывшего свинарника. Территория гетто была обнесена колючей проволокой и охранялась полицейскими и немцами. В гетто содержалось около двух тысяч советских граждан еврейской национальности, как из числа жителей гор. Велижа, так и лиц, бежавших от немцев с территории БССР. В конце января 1942 года, когда советские войска окружили г. Велиж, немецко-фашистским командованием было принято решение об уничтожении людей, содержащихся в гетто. В день совершения этого зверского акта начальник Велижской районной полиции Кириенков-Кириенок ... отдал распоряжение полицейским вооружиться и выходить на уничтожение гетто. Каратели забили окна и двери, облили горючей жидкостью дома и свинарник, а затем подожгли их. Лиц, пытавшихся спастись от смерти, немцы и полицейские расстреливали на месте» [9].

В Велиже было уничтожено около 1200 чел. Лишь немногим из бежавших узников удалось пробраться в расположение советских войск. В 1942–1943 гг. нацисты многократно использовали сожжение при подавлении восстаний и сопротивления еврейских гетто. Однако при этом они сталкивались с отчаянным сопротивлением. 20 августа 1943 г. при уничтожении восставшего гетто в Глубоком (Белоруссия) карателям пришлось даже применить авиацию. Из воспоминаний бывшего узника гетто и партизана Якова Суховольского: «В тот день около полудня над городом появились самолеты. Они, проносясь на низкой высоте, простреливали кварталы гетто, бомбили и поливали дома горючей жидкостью. Уже очень скоро все гетто полыхало – горело одновременно несколько сот домов центра. Как только начался пожар, каратели окружили дома. Только единицам из многих сотен, вырвавшимся из укрытий под горящими домами, удалось прорваться, минуя пули врага. Участь людей, укрывшихся в “малинах”, оказалась страшнее... Они, правда, жили еще несколько часов, некоторые целые сутки, но их смерть была многократно мучительнее – они были удушены, заживо сгорели, и было еще страшнее, если узники живыми попадали в руки палачей, их перед смертью подвергали жестоким пыткам и мучениям» [10]. «Целый день 20 августа 1943 года в гетто, не переставая, строчили пулеметы. Везде, где только возникало подозрение о том, что здесь скрываются люди, рвались гранаты и бомбы. Сотни людей погибло в схронах и ямах под руинами и землей. Гетто горело несколько дней подряд. Все было превращено в руины и пепел» [11]. В личной беседе с автором этих строк все звучало несоизмеримо трагичнее.

Сожжению подвергались деревни на всей оккупированной территории СССР. Их сжигали вместе с жителями или людей расстреливали отдельно. Повод для столь жестоких расправ у нацистов всегда находился независимо от степени нелояльности местного населения к оккупантам. Все чаще они просто вымещали на мирных жителях

злобу за поражения в борьбе с партизанами и попавшими в окружение советскими солдатами.

18 и 21 декабря 1941 г. в районе деревни Аудрины (Латвия) и соседнем лесу между партизанами и полицейскими произошло вооруженное столкновение, в котором полицейские потерпели поражение. По другой версии жители деревни – старообрядцы – скрывали пятерых раненых красноармейцев и бывшего сотрудника советской милиции. По приказу командира немецкой полиции безопасности Штрауха были арестованы 200 жителей Аудрины (61 мужчина, 88 женщин и 51 ребенок). 2 января 1942 г. большую их часть (194 чел.) расстреляли в Анчупанских холмах, а 4 января на базарной площади в Резекне публично были расстреляны 30 аудринских мужчин и 12-летний мальчик В. Глушнёв. Деревня Аудрины была разграблена и сожжена [12]. Хацунская трагедия повторилась.

Уничтожение огнем являлось и в дальнейшем важной, неотъемлемой частью борьбы с партизанами, укрывавшимися в лесах уцелевшими евреями, любым нелояльным оккупационному режиму местным населением. Вот подробности антипартизанской операции «Гамбург» в декабре 1942 г. из книги Любы Абрамович, спасшейся узницы гетто в белорусском Слониме: «Жители еврейского лагеря были недостаточно быстры и мобильны, они были либо застрелены при попытке сбежать, либо сожжены огнеметами в их лесных бункерах. Точно так же были убиты и белорусские крестьяне, жившие на территории, охраняемой партизанами. Урожай был перевезен на немецкие территории, скот угнан, деревни сожжены» [13].

В 1943–1944 гг. при отступлении германские войска продолжали сжигать деревни в массовом порядке, даже деревни, никак не заподозренные в сотрудничестве с партизанами, а население угоняли или отправляли в концентрационные лагеря. В письмах и дневниках советских солдат и офицеров постоянно встречаются упоминания об этом: «Я узнал и хочу, чтобы все узнали, что такое немцы. Это не люди, они хуже зверей. Разве люди могут сжечь в доме людей, облив их бензином?» (из письма рядового В.Н. Цоглина, конец июня 1944 г.) [14].

Германский нацизм осуществлял свои планы путем военных преступлений сознательно и целенаправленно. Впрочем, лидеры нацистской Германии о своих преступлениях не задумывались до определенного момента, когда все яснее стал очевидным крах Третьего рейха. И тогда нацисты стали сжигать следы своих преступлений, а заодно и последних свидетелей. В лагере Клоога (Эстония), как во многих других местах массового уничтожения, после возвращения советских войск были обнаружены штабеля трупов, приготовленных к сожжению. Однако вырвавшаяся из-под контроля нацистов огненная стихия уже обернулась против них самих. Ее жертвами стали десятки тысяч жителей германских городов – Гамбурга (страшная гримаса войны – почти как месть за упомянутую выше операцию «Гамбург»), Кенигсберга, Дрездена и других, сожженных при налетах англо-американской авиации. Союзники полагали, что нацисты совершили столь ужасные преступления, что любые средства возмездия и устрашения вполне оправданы.

Выводы

Сегодня в Хацуне, Велиже, Риге и других местах установлены памятники и мемориальные таблички, где указано именно «сожжены». Это слово в исторической памяти народов трагически подчеркивает ничем не оправданное, жесточайшее насилие нацистов.

Примечания:

1. Маслов О., Прудник А. Генезис символа «холокост» и будущее государства Израиль. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2007/05/28/softholokaust/> (дата обращения: 12.09.2014).
2. Вик М. Закат Кенигсберга. Свидетельство немецкого еврея. СПб.–Потсдам, 2004. С. 60–61.
3. Михельсон Ф. Я пережила Румбулу. М., 2011. С. 44.
4. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 104. Л. 6–9об.
5. Там же. Д. 297. Л. 18.
6. Там же. Ф. 59-й армии. Оп. 10442. Д. 284. Л. 63.
7. Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 101. Л. 422.

8. Вызывая огонь на себя: положение евреев при «новом порядке» гитлеровских оккупантов в 1941–1943 гг. / сост. И. Альтман, Л. Терушкин, Е. Тестова. М., 2012. С. 25–26.
9. Голанд Ш. Велижское гетто, Смоленская область (по материалам Велижского судебного процесса 1960 года). М., 2012. С. 89–90.
10. Кровоточащая память Холокоста / сост. О.Б. Глушкин. Калининград, 2001. С. 30.
11. Архив НПЦ «Холокост». Колл. «Холокост на территории СССР». Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 18.
12. Медалье Э. Право на жизнь. М., 2012. С. 109–110.
13. Абрамович Л. Пустота Слонима / сост. Ганс-Генрих Нольте. Минск, 2013. С. 63.
14. «Сохрани мои письма...». Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И. Альтман, Л. Терушкин. М., 2007. С. 185.

References:

1. Maslov O., Prudnik A. Genezis simvola «holokost» i buduschee gosudarstva Izrail'. URL: <http://www.polit.nnov.ru/2007/05/28/softholokaust/> (data obrascheniya: 12.09.2014).
2. Vik M. Zakat Kenigsberga. Svidetel'stvo nemetskogo evreya. SPb.–Potsdam, 2004. S. 60–61.
3. Mihel'son F. Ya perezhila Rumbulu. M., 2011. S. 44.
4. Central'niy arhiv Ministerstva oborony RF. F. 32. Op. 11302. D. 104. L. 6–9ob.
5. Tam zhe. D. 297. L. 18.
6. Tam zhe. F. 59-y armii. Op. 10442. D. 284. L. 63.
7. Tam zhe. F. 32. Op. 11302. D. 101. L. 422.
8. Vyzyvaya ogon' na sebya: polozhenie evreev pri «novom poryadke» gitlerovskih okkupantov v 1941–1943 gg. / sost. I. Al'tman, L. Terushkin, E. Testova. M., 2012. S. 25–26.
9. Goland Sh. Velizhskoe getto, Smolenskaya oblast' (po materialam Velizhskogo sudebnogo processa 1960 goda). M., 2012. S. 89–90.
10. Krovotochaschaya pamyat' Holokosta / sost. O.B. Glushkin. Kaliningrad, 2001. S. 30.
11. Arhiv NPC «Holokost». Koll. «Holokost na territorii SSSR», Op. 1. Ed. hr. 197. L.18.
12. Medalie E. Pravo na zhizn'. M., 2012. S. 109–110.
13. Abramovich L. Pustota Slonima / sost. Gans-Genrih Nol'te. Minsk, 2013. S. 63.
14. «Sohrani moi pis'ma...». Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoy Otechestvennoy voiny / sost. I. Al'tman, L. Terushkin. M., 2007. S. 185.

УДК 94(47)

От горящих синагог до горящих деревень. Нацистские методы уничтожения народов в 1941–1944 гг.

Леонид Абрамович Терушкин

Научно-просветительный центр «Холокост», Российская Федерация
115035, г. Москва, ул. Садовническая, 52/45
заведующий архивным отделом
E-mail: arch-holofond@mail.ru

Аннотация. Германский нацизм придавал особое значение символу огня в своей идеологии. Вслед за сожжением книг нацисты перешли к сожжению синагог во время «Хрустальной ночи». С нападением Германии на СССР началось массовое уничтожение еврейского населения, а вскоре эти же методы нацисты, их союзники и коллаборационисты стали применять на всей оккупированной территории.

Ключевые слова: Вторая мировая и Великая Отечественная война; Холокост; огонь; уничтожение; нацизм; синагога.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 214-225, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 316.48 (908)

“All for One, One for All”: “Mutual Cover-up” as a Phenomenon of Social Solidarity and Its Reanimation in 1918-1921 (through the Example of the Northern Governorates of European Russia)

Tatiana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after MV University (Arkhangelsk),
Russian Federation
Doctor of History, Professor
163060, Arkhangelsk, Voskresenchkaja Str., 112, fl. 17
E-mail: tatr-arh@mail.ru

Abstract

This article examines the phenomenon of “collective responsibility” as a way to preserve social solidarity under extreme conditions of conflict between government authorities and the local community. The author takes for exploration the territory of the European North of Russia, which, due to its special natural/climatic conditions, has had a number of distinctive features in forming and maintaining sociality.

Keywords: European North of Russia; social solidarity; collective (mutual) responsibility; conflict and compromise; self-preservation of a community under extreme circumstances; relations between the population and authorities.

...на наших глазах воскресло средневековье! Оно воскресло и в факте коллективной ответственности... Поистине, воскресли первобытные времена и нравы в XX столетии.

Питирим Сорокин [1]

Введение

Одним из ярких проявлений народной жизни в период реализации политики военного коммунизма стала реанимированная форма общественного самосохранения в виде коллективной ответственности или круговой поруки. В обстоятельствах распада «большой» социальности и одновременного ужесточения давления государственной власти на население у локальных обществ появилась возможность и потребность к самоизоляции, к возвращению забытых форм социальности. В северных губерниях этот процесс усугубился географической удаленностью, усугубленной бездорожьем, удаленностью значительной части населенных пунктов от административных центров, в которых сосредотачивались олицетворяющие государственную власть учреждения.

Материалы и методы

Данная сторона социальной жизни прямо не отражалась в источниках. Для рассмотрения проблемы был использован социально-культурный подход к изучению

исторического материала. Применялись разнообразные источники: опубликованные и неопубликованные отчеты чиновников, касающиеся описания форм самоуправления сельского населения; следственная документация, как дореволюционная, так и советского времени; наблюдения, отразившиеся в различных бытовых очерках, авторами которых были представители интеллигенции; информация, сохранившаяся в воспоминаниях современников, являвшихся носителями изучаемой культуры.

Методом извлечения информации из этих разнообразных источников явилась процедура «плотного описания», которое в контексте данного исследования понимается как максимально подробная («плотная») фиксация всей информации, содержащейся в источниках, с целью не столько восстановить событийную канву изучаемого времени, сколько получить материал для размышления и объяснения явлений социокультурной жизни. Этот метод позволяет извлечь из источников скрытую информацию, провести ее анализ, типизацию и интерпретацию и, тем самым, воссоздать социальную реальность изучаемой эпохи.

Обсуждение и результаты

Архаичной формой взаимной ответственности членов локального социума (всех за каждого и каждого за всех) была основой существования общины, сохранявшейся в видоизмененных формах на разных уровнях российского общества. Самосохранительные социальные практики допускали, наряду с взаимной общинной поддержкой, возможность пожертвовать в безвыходной ситуации одним ради спасения остальных. «Жертвой» мог стать как самый слабый член социума, так и лучший, олицетворяющий собой перед некой враждебной силой всю общину.

В огромной по территории и малонаселенной стране архаичный принцип «круговой поруки» был приспособлен государством для удобства управления локальными общинами, контролировать подчинение населения законам и не допускать обнищания налогоплательщиков. Это следует учитывать при изучении процесса стихийной реанимации устаревших форм социальности в условиях кризисной эпохи, так как в результате возник сложный симбиоз форм коллективного опыта и возникших под воздействием государственных институтов социокультурных напластований.

Феномен «круговой поруки» проявлялся в разнообразных формах, наибольший интерес из которых представляют три: это взаимная ответственность, на которой основывалась система местного самоуправления; способ привлечения (и принуждения) членов социума к коллективным и согласованным действиям; коллективная и демонстративная форма правового нигилизма или «взаимное укрывательство участников неблагоприятных дел» [2].

Этот феномен ярко проявился во время двух «пиков» русской революции – в 1905–1907 и в 1918–1921 гг. Первый из них пришелся на относительно стабильный период, и на основе «круговой поруки» в основном происходили демонстративные действия, направленные на принуждение государственной власти к «диалогу» на навязанные крестьянами или рабочими темы. В период реализации политики «военного коммунизма» этот способ поддержания солидарности был направлен не только против внешнего «врага» (государственной власти и других «чужих»), но и против внутреннего, разлагавшего общество изнутри.

Поддержание мира и спокойствия внутри общины происходило путем обсуждения вопросов и единогласного, пусть даже «со ссорами и драками» [3], принятия их на общем собрании. В условиях относительной стабильности судьбоносные вопросы возникали не часто, и интерес участвовать в сходах понижался. Во второй половине XIX в. замирает некогда бурная общественная жизнь городских сословий. В начале XX в. это фиксируется и в крестьянской среде. Понижался интерес к собраниям и в связи с усилением внутриобщинных радикальных элементов. Если община не обладала по какой-то причине внутренней солидарностью, – чаще всего это было связано с имущественной дифференциацией, либо с присутствием в его составе значительного количества индивидуализировавшихся членов, побывавших «на стороне», – на отхожих заработках, в армии, и т.п., – в нем появлялись «крикуны» и «горлопаны», которые нарушали привычное течение собрания. Это вынуждало оставшихся в меньшинстве прекращать борьбу и

соглашаться с обществом: «равнодушные порядочных людей к общественным делам ... объясняется нежеланием нажать себе врагов. Они считают, что при разделе податей, если писарь добропорядочный, крикуны ничего сделать не смогут, а если не добропорядочный, то ничего не поможет» [4]. Такое настроение «благопристойной» части общества свидетельствует об усилении доверия к закону. Действительно, в случае несогласия с принятым сходом решением, отдельные лица, несмотря на существующий обычай «не доводить до начальства и решить [внутриобщинные вопросы] полюбовно» [5], обращались в вышестоящие инстанции.

В революционную эпоху население властям не доверяло и даже стало их опасаться. В связи с этим вернулась традиция достижения консенсуса, чтобы каждый член общества мог быть уверенным в своей защите на основании «круговой поруки». Поскольку обсуждаемые вопросы были принципиальными, а внутриобщинная солидарность имела уже тенденцию к разрушению, особенно в связи с наполнением общин большим количеством маргинализированных лиц, стремление к достижению единого мнения сопровождалось бесконечными прениями, изматывавшими участников схода. Этим пользовались радикальные элементы: дождавшись, когда часть присутствующих, видя бессмысленность происходящего, покидала сход, они убеждали оставшуюся податливую массу принять предлагаемые решения. Так, в 1918 г. на волостном сходе «большевики [своим оппонентам] всячески мешали, перебивали их, не давали говорить, обзывали буржуями»; когда собрание стало расходиться, они «без прений, при беспорядочном голосовании выбрали в местный совет» своих представителей [6]. Принятые таким способом решения не признавались основным составом общины, но для властей имели легитимный характер.

Со своей стороны, и община, принимая заведомо противоправные решения, стремилась, чтобы они были не только коллективными, но и анонимными; то есть любыми способами (а, кроме убеждений и уговоров, применялись шантаж и запугивание) принуждала всех членов дать согласие и поставить свою подпись в протоколе. Такие решения принимались обязательно на общих сходах, чтобы впоследствии, например, если дело дойдет до судебного разбирательства, лишить общинников возможности «отговориться» незнанием и неучастием.

Давление государства на население в условиях реализации политики «военного коммунизма» подталкивало общества к максимальной сплоченности. Центральная власть давила на представителей местного самоуправления, стремясь придать нужным ей решениям легитимный характер. Это вынуждало местных «начальников» опираться только на коллективные решения. По словам продовольственного агента, в Архангельской губернии «волостные и сельские советы ...пугались и всячески открещивались [от проведения продразверсток], передавая раскладки их общим сходам, которые после шума и спора раскладывают разверстку по душам» [7], то есть без «классового подхода». В 1918 г. «в Церковнической и Тарасовской волостях ежедневно шли собрания», поскольку «председатели волисполкомов не решались удовлетворять требования [предоставить гужевой транспорт для армии] единолично и собирали общественные собрания» [8].

Стремясь уклониться от принятия продавливаемого решения, некоторые члены общества пытались под любым предлогом на сходы не ходить, надеясь тем самым иметь основание не выполнять принятые там постановления и не нести за них ответственности. Поэтому на такие сходы людей сгоняли насильно, для чего по дворам ходили толпой, что осложняло в случае разбирательства выявление зачинщиков. Власти, зная это неписаное правило, в «буйные» времена стремились ограничить количество собраний и, тем самым, не допустить принятия нежелательных решений. Чтобы не допустить массовых беспорядков, которые крестьяне не начинали, пока решение об этом не будет принято «всемирно», расставлялись кордоны на дорогах, ведущих в волостной центр. Такие меры не всегда достигали желаемых результатов. Например, в ноябре 1918 г. командир продотряда перекрыл дороги, но «на тайно созываемый сход стала стекаться взволнованная волость»; открывших огонь красноармейцев толпа смяла и растерзала [9]. В 1919 г. во время вывоза мощей местного святого из с. Бестужево Вологодской губернии расвирепевшая толпа обратила в бегство красноармейцев, пытавшихся преградить вход в колокольню для набата, которым созывались на помощь соседние селения [10].

В этих обстоятельствах власти пытались ограничить возможности для общих собраний. Так, в 1921 г. уездными исполкомами принимаются решения «прекратить частые, совсем не нужные общие собрания, ...которые часто превращаются в кулацкие» [11], а также ограничить круг вопросов, по которым разрешалось собирать сходы. Но крестьяне нашли выход и из этого положения: сход собирался под благовидным предлогом, а затем тема собрания менялась в сторону наиболее важных дел. Ответ за нарушение распоряжений должны были нести представители местного самоуправления. Чтобы их обезопасить, население выработало форму принуждения выборных лиц к официальному оформлению принятых на сходе противозаконных решений. Такой «сценарий» предполагал демонстративный отказ волостных или сельских «начальников» делать требуемое толпой, и последующее исполнение под ее принуждением. К подобным хитростям крестьяне прибегали нередко; это понимали и царские чиновники, но готовы были мириться с ними ради достижения «согласия» между властью и народом. Однако в советское время «власть» сама представляла собой выходцев из народа, поэтому могла отличить истинную лояльность от маскировки под нее. В результате, как ни стремились члены общины «прикрыть» своих лидеров, нередко предоставляя властям в качестве виновников другое лицо, следователям удавалось выявить «истинных зачинщиков». Так, во время Вельского восстания 1921 г. крестьяне насильно притащили к зданию волысполкома члена общины, к которому испытывали неприязнь, заставили его рвать документы, а во время следствия дружно указывали на него как главного зачинщика и провокатора. Однако на следователей это не повлияло и наказаны были другие лица, которых крестьяне, напротив, всячески защищали [12].

Представители местной власти и в спокойные, и в «смутные» времена находились под двойным давлением, нередко противоположной направленности: с одной стороны, должностное лицо должно было подчиняться государственным законам и проводить соответствующие решения на сходах; с другой – отвечать запросам своих избирателей. Поэтому на выборные должности, к тому же обычно неоплачиваемые и требующие много сил и времени, которые приходилось отнимать от своего хозяйства, шли крайне неохотно. В большинстве северных деревень было принято выполнять общественные обязанности по очереди. В советское время волостным работникам стала назначаться официальная зарплата. Это делалось с целью обеспечить относительную материальную независимость советских работников и не допустить в органы власти «классово чуждых».

Новая власть производила тщательный отбор в местные органы людей, которые готовы были выполнять распоряжения «сверху», даже в ущерб интересам местного сообщества. При таких обстоятельствах выборные лица уже не могли рассчитывать на коллективную поддержку населения. Следует также иметь в виду, что в 1920-е гг. советская работа на низовом уровне уже не была трамплином для социального перемещения, как в первые послереволюционные месяцы, чем снижалась ее ценность в глазах карьеристов, которые могли бы ради достижения определенной цели пойти против интересов своих обществ.

Как уже упоминалось, на уровне сельских и волостных сходов существовала своеобразная «диктатура крикунов». В революционную эпоху ситуация даже усугубилась. В 1918 г. крестьяне жаловались, что «выборы в волостные советы, как и прежде, проходят под давлением крикунов» [13]; «на собраниях “горлопаны” запарывают все решения» [14]. «Крикунами» и «горлопанами» в 1917 – начале 1918 гг. выступали солдаты-фронтовики, в большинстве вернувшиеся на родину в крайне возбужденном состоянии: на это повлияла и агитация радикальных партий; и испытываемое ими чувство вины за свое бесславное возвращение – без победы и трофеев. Многие испытывали психологический дискомфорт, поскольку на гребне революционных событий в армии пережили стремительный подъем своего статуса, а теперь им вновь пришлось вернуться домой и занять низкостатусную роль: сына, «молодого», неудачника. Немаловажное значение имело и то, что возвращение солдат пришлось на самое «безработное», осенне-весеннее время. Обычно в эти месяцы молодежь уходила на заработки, однако в условиях экономической стагнации их труд не был затребован. Фронтовики распыляли свою энергию на бесконечных собраниях, созываемых по требованию новой власти. Не успев сориентироваться в происходящем, сходы с легким сердцем назначали на новые должности и направляли на съезды активистов-фронтовиков.

После короткого периода, когда в местные органы власти избирали – по равнодушию населения или под давлением организованных групп фронтовиков – радикально настроенную молодежь, крестьяне постарались вернуться к прежней системе назначения авторитетных лиц. При выборах волостных советов «говорили, что надо выбирать мужиков хозяйственных. Бедняк – он двум телятам пошла не разольет, не только в комитете дела решать; там надо людей с пониманием» [15]. Камнем преткновения был вопрос о материальном вознаграждении для представителей самоуправления: «Когда зашел разговор о жаловании, было высказано предложение, «что комитет содержать трудно, надо членов отдать в солдаты, а выбрать старосту, как прежде, пусть управляет» [16]. Стали отмечать положительные черты прежней системы самоуправления – особенно когда новая (советская) власть стала не только «давать», но и «брать»: в июле 1918 г. «шла агитация, мол, ...сейчас у власти ремки [«рвань» - Т.Т.], пьяницы, люди, не имеющие средств, поэтому и ответственности денежной нет; раньше старосты без залога не выберут...» [17].

Итак, перед лицом общего бедствия вновь актуализировалась внутриобщинная солидарность, ослабевшая в связи с имущественным расслоением в предыдущие десятилетия и под влиянием деятельности внутренних радикальных сил в революционный период. В кризисные времена возродилась надежда на авторитетных, опытных земляков, которых стремились избрать в органы самоуправления [18], вернув им гарантию коллективной поддержки. Вологодский эсер отмечал в 1918 г., что «местные советы ... живут “между двух огней”»: с одной стороны декреты и предписания центральной власти, с другой – сама жизнь». Поскольку они «в меньшей безопасности находятся», им свойственны «слова и дела, совсем не соответствующие общему направлению правительственной политики» [19]. Под «меньшей безопасностью» следует понимать зависимость местной власти от своих избирателей, поскольку они не могли рассчитывать на военную помощь в случае конфликта с населением. По принципу «круговой поруки», в случае бунта, не допускалось информирование уездных властей о происходящем. Наказания и даже убийства представителей местной власти могло быть произведено таким образом, что «наверху» никто об этом мог и не узнать. В редких случаях, когда сведения о «расправах» с теми «начальниками», чья деятельность не устраивала местный социум, становилась известной, найти виновников не удавалось. Поэтому была введена практика наказания «лучших» (то есть наиболее богатых и авторитетных) мужиков.

Несмотря на карательные мероприятия, в первый послереволюционный период уверенность в традиционной поддержке была столь велика, что на нее рассчитывали даже те депутаты, чья деятельность шла в разрез с пожеланиями большинства избирателей. Такая форма взаимовыручки странно воспринимается во время гражданского противостояния. Однако на уровне подсознания принцип «стоять за своих» оставался обязательным условием коллективного выживания. Например, во время антибольшевистского восстания в Кеми в 1918 г. за членов уездного исполкома заступились их избиратели, которые «просили отпустить своих делегатов под свое честное слово», «мол, делегатов не арестовывают, а отзывают» [20]. При эвакуации из Архангельска, советские работники, являясь выборными лицами, стремились вернуться в свои уезды: они исходили из того, что «советские работники, в отличие от партийных людей, представляют собой власть, и потому, не теряя своих полномочий, покинуть губернию не могут»; «крестьяне не поймут бегства» своих делегатов; «крестьяне нас поддержат» [21]. И действительно, после свержения советской власти в ряде уездов Архангельской губернии общества забрасывали новое правительство требованиями отпустить своих арестованных делегатов. Так, в городе Пинеге арестованных крестьянских депутатов уездного совета «вывели на показ публике, потребовав объяснить [о своей деятельности]», на что те отвечали, что «не вами были избраны и отчитываться перед вами не будем. ...Узнав о положении своих выбранных представителей, население [волостей] запротестовало, пошли телеграммы» с требованиями их освободить, что и было сделано [22]. Вельское восстание 1921 г. в значительной степени было спровоцировано тем, что «ходоки» от крестьян, явившиеся в город для предъявления требований от своих обществ, были взяты в качестве заложников.

Власти даже во время Гражданской войны в некоторых случаях шли навстречу населению, отдавая им «на поруки» проштрафившихся земляков, как было принято в дореволюционное время. Впрочем, в условиях гражданского противостояния «взятые на

поруки» нередко возвращались к антиправительственным действиям. В связи с этим общества (как сельские, так и городские) стали менять тон своих прошений с требовательного на заискивающий, объясняя свою просьбу отпустить однообщинника «на поруки» экономической целесообразностью: «нужен как общественный работник»; без него «семья обеднеет и пойдет по миру»; «хороший человек и миру не вредит». Подобные прошения направлялись и «белому» правительству, и советской власти с обязательным заверением, что общество берет за него ответственность. В 1920 г. крестьяне ходатайствовали об освобождении своего земляка-белогвардейца, поскольку он «никому никакого зла не сделал. В крестьянской жизни он рачительный хозяин, почтительный и уважительный сын престарелых родителей. Ручаемся, что он и впредь останется ... совершенно безвредным в политическом и общественном отношении» [23].

Во время массовых арестов власти были буквально завалены прошениями об освобождении наиболее «нужных» для общества людей, либо тех, кто, как считалось, пострадал «за общее дело». Смолокурная артель, ходатайствуя об освобождении арестованного за участие в крестьянском восстании своего члена, отмечала его «как видного и единственного в своем роде человека», почему он и «был выдвинут народом и принужден участвовать в волнениях ...под страхом народной мести вплоть до избиения и разорения хозяйства». В связи с чем просили его, как «человека, случайно явившегося орудием необдуманного народного беспорядка», «передать на поруки артели», при этом гарантировали «за него всеми продуктами своего промысла и заводами артели» [24]. Подобные ходатайства, основанные на принципе круговой поруки (когда общество гарантировало соответствующее – во всяком случае, пока население не убедилось, что предоставляемые гарантии не всегда действительны. Например, власти провели дознание с целью выяснить инициаторов массовых ходатайств об освобождении активиста Вельского восстания; один из подписавшихся коммунистов был близким родственником арестованного; его объяснения участия в ходатайстве под влиянием родственных чувств и уговоров семьи были признаны необоснованными. Такое отношение со стороны власти к проявлениям общественной солидарности приводило к тому, что сельское и волостное начальство, преданное большевизму, не только не поддерживало обращения граждан, но и откровенно игнорировало их. Так, «на общем собрании волости было вынесено единогласное постановление об освобождении» арестованного «за антисоветские высказывания» крестьянина, как «безвинно осужденного», однако «председатель и секретарь не внесли это решение в протокол»; по мнению крестьян, такая «несправедливость лишь усугубляет их негативное отношение к советской власти» [25].

Однако в основной своей массе представители населения были носителями традиционной системы ценностей и видели свою задачу в защите своих избирателей. Такое отношение к своим обязанностям можно проследить на всех уровнях власти. Возникло расслоение не только советских работников, но и коммунистов, в зависимости от того, представляли ли они интересы государства или находились на низовом уровне властной иерархии. Руководство земледельческого Никольского уезда обвинялось в защите «своего население от продрозверстки, ...вместо того, чтобы активнее изымать излишки» [26]. При организации продрозверстки учитывалось, что в уездах «большинство коммунистов заражено ...местничеством. Для них местные интересы дороже общегосударственных». В связи с этим ставилась задача фактически замены власти, но без конфликта с населением: следовало «выгнать из партийно-советских органов всех враждебных и колеблющихся элементов, заменить их преданными, достойными людьми» [27].

Положение местных выборных властей в таких обстоятельствах становилось все более сложным. Выполнение обязанностей волостных и сельских «начальников» всегда было занятием тяжелым и неблагодарным; тем более в период обострения отношений между властью и населением. В начале 1920-х гг. фиксируется, что «способные работники из волисполкомов под разными предлогами уходят, остаются люди, принудительно выбранные» [28]. Те представители местного самоуправления, которые устраивали население своей позицией, негативно воспринимались вышестоящими властями.

Если власти воспринимали председателя органа местного управления как полномочного представителя общества, то и население видело в навязанных им советских

работниках персонифицированную власть. Во время стихийных волнений и восстаний гнев толпы был направлен против тех из них, которые не могли или не хотели защищать интересы своего общества. Председатель сельсовета в 1920 г. «вынужден был сидеть в избе и спать с револьвером в руках, как осажденный в крепости, и чуть ли не держать специальную охрану от крестьян» [29].

В свою очередь, и государственная власть стремилась объяснить сложности взаимоотношений с населением неправильными действиями местных властей. Так, при анализе результатов проведения продразверстки в Устьвашском уезде Архангельской губернии, по поводу «самой саботажной» волости делался вывод, что «население винить не приходится, распустил их сам волисполком, который больше смотрит на население, а не на распоряжения советской власти. Члены волисполкома без всякой инициативы защищают интересы крестьянства, боясь недовольства лично для себя с его стороны». Зато в «лучшей» волости председатель волисполкома при раскладке государственных обязательств «действует решительно, тактично и предусмотрительно, не возбуждая население» [30]. Такое «тактичное» поведение могло обернуться для советских работников недовольством их деятельностью со стороны и населения, и власти. В Архангельской губернии в 1921 г. продналог собирался «с применением репрессий». Из арестованных более 3 % были члены волисполкомов. Такое насилие направлялось против населения, которое, однако, уже не воспринимало арест своих представителей как наказание: сложившееся критическое положение допускало возможность жертвовать своими представителями, которые «страдали» за нарушение обществами распоряжений центральной власти. В качестве наказания стали применяться действия, которые задевали интересы всех жителей. Например, в волостях, не выполнивших государственного задания, запрещалась свободная торговля [31].

В рискованных ситуациях население выбирало во власть тех, кого можно было бы принести в «жертву» в случае недовольства со стороны центральных властей, тем самым, сохранив ценных общинников и направив гнев государства в наиболее безопасную для благополучия общества сторону. Таковыми становились либо бесполезные, с точки зрения общества, люди, либо те, кто чем-то провинился перед своими земляками. Члены волостного «ревкома» (крестьянского органа власти во время Вельского восстания 1921 г.) сообщили на следствии, что их «толпа выбирала силой», под угрозами [32]. Некоторые «декоративные» члены «ревкома» соглашались на вхождение в него, испытывая чувство вины перед обществом за какие-то проступки. Насилию подвергались и советские работники: так, повестку собрания о присоединении волости к восстанию председатель совета писал «под давлением общества», которые принуждали его словами: «“коммунистам ты пишешь, а нам не хочешь!”» [33].

С другой стороны, реальные руководители восстания «официальных» должностей не занимали. Например, А.А. Миронов, снятый с должности председателя волисполкома «за халатное отношение к своим обязанностям» (надо полагать, за не слишком активную деятельность по проведению продразверстки и трудповинностей), по мнению следователя, «пользовался авторитетом граждан» и был «подстрекатель и участник» самых решительных действий взбунтовавшейся волости [34].

Подтверждением того, что «круговая порука» предполагала ответственность «всех за каждого», становилась защита членов своего общества, которые в глазах властей являлись преступниками. В стабильные времена этим пользовались власти, передавая мелких правонарушителей «на поруки» сословной организации. Постепенно в городе такую систему стали заменять судебные и внесудебные формы наказания. Но в крестьянской среде поддержка «своих» продолжала действовать, в том числе и вне своего социума, в форме земляческих отношений. Оказавшиеся в Архангельске во время белогвардейского переворота сторонники советской власти безбоязненно приходили к землякам, даже если те были их идеологическими противниками, и получали кров, пищу, всяческую помощь. Перебороть эту воспитанную веками взаимопомощь, которая придавала специфику Гражданской войны в огромном, но малонаселенном северном крае, где чуть ли не все жители волости знали друг друга в лицо, было невозможно. В разгар боевых действий «на побывку» в деревню могли одновременно явиться и «белые» и «красные» бойцы, и если между ними не существовало личной неприязни, могла состояться вполне

доброжелательная встреча, обмен впечатлениями, взаимная агитация. «Белобандиты» и дезертиры могли рассчитывать не только на защиту своих родственников, но и всего сообщества. Дезертиры Красной армии спокойно жили в своих домах, и никто их не выдавал.

Вместе с тем, в условиях «идеологического противостояния» отдельные люди могли пренебречь принципом солидарности, если испытывали личную неприязнь к лицу, являвшемуся в глазах властей преступником. Проявления в этих случаях неоправданной жестокости особенно показательны между, казалось бы, близкими родственниками. Во время захвата белыми города Онеги большевики прятались по родственникам, и некоторые были выданы на основе, видимо, каких-то личных обид. Красный командир, оказавшийся в плену у белых, «попался как раз на своего шурина, который никому не давал его бить, а бил сам, выбил глаз. Когда после допроса его приказали расстрелять, он никому не позволил, а только сам» [35].

Разумеется, такие случаи были единичны. В основном же принцип «своих не сдавать» гарантировал человеку защиту со стороны земляков. «Перебороть» земляческие и родственные отношения можно было только с помощью карательных мер. Население оказывало всяческое содействие местным «белобандитам», однако, под угрозой расстрела членов семьи, конфискации и уничтожения имущества, принималось решение выдавать их ради спасения остальных. Таким способом удавалось «выловить» и дезертиров, которых крестьянские сообщества активно защищали. Но стоило арестовать стариков, увести скот и другое имущество – молодые дезертиры сдавались сами [36].

На основе принципа «круговой поруки» происходило привлечение членов социума к коллективным действиям. Уклоняющихся подвергали унижительным наказаниям, которые для воспитанного в идеалах общинности человека были тяжелее, чем наказания по закону. Рабочие «вывозили на тачке» штрейкбрехеров или принуждали не желавших участвовать в забастовках носить какой-то знак отличия [37]. В годы Гражданской войны остракизму подвергали красноармейцев и партизан, трусивших во время боя или совершивших дезертирство: «это было позором, просили их простить» [38].

Социальная солидарность рабочих, в большинстве являвшихся вчерашними крестьянами, поддерживалась не столько «пролетарской сознательностью», сколько земляческими связями и приверженностью обычаям. Не случайно коллективные действия рабочих и крестьян имели сходство. Конечно, заметно и различие: так, «буйства» рабочих нередко не имели под собой разумного основания и были больше схожи с проявлениями молодежной культуры, что не удивительно, поскольку на городские заработки направлялись обычно молодые, неженатые мужчины. Крестьянские же коллективные действия, которые также иногда производили впечатление бессмысленных, демонстративных – устраивались все же для достижения определенной цели; обычно, чтобы обратить внимание властей

В тяжелую эпоху «военного коммунизма» крестьяне особенно часто пользовались коллективными действиями как демонстративной формой протеста. Они рассчитывали, что власти в любом случае будут стремиться сохранить основную массу населения как главных «кормильцев», налогоплательщиков и исполнителей повинностей. В связи с этим, выступления первое время имели ярко выраженный демонстративный характер. Возбужденная толпа быстро успокаивалась и расходилась по домам: люди ждали наказания, были готовы к нему, поскольку предшествующий опыт подсказывал, что после относительно легкого наказания власти все равно пойдут на диалог. Однако новая власть не могла себе позволить использовать опыт царских «сатрапов»; важной составляющей внутренней политики было разобщение крестьянского общества. Наиболее идейные исполнители распоряжений центральных властей были либо «чужими» для общества (возвратившиеся из городов, опролетарившиеся односельчане; подвергнутые идеологической обработке фронтовики), либо «своими», но тогда они становились изгоями. Не у каждого хватало внутренних сил пойти на резкий отрыв от сформированного воспитанием и культурой коллективизма.

Как бы то ни было, «пострадать за мир» должны были выборные представители: их снимали с должности, иногда применяли физическое воздействие. Избиение представителей местной власти почти всегда сопровождало народные бунты. Нередко это было не только демонстративным (когда «слегка помяли» или «побили, но не сильно»), но

и реальным действием, направленным против тех, кто, по мнению общинников, осознанно нарушал их единство.

Крестьяне скоро поняли, что с новыми властями прежними методами решать вопросы не удастся. Каратели могли расстрелять несколько самых «крепких» мужиков, не беря в расчет, что они хорошие работники и надежные налогоплательщики. В связи с этим, в 1920–1921 гг. навстречу карательным отрядам в деревнях обычно выходили только женщины и ребятишки – и вряд ли их присутствие на улицах во время восстаний было вызвано простым любопытством. Скорее, это было обращение к властям: хотите наказывать, беритесь за самых слабых и наименее нужных обществу членов, а мужиков, работников мы побережем. Действительно, на последнем этапе «военного коммунизма» обычным явлением стали «бабьи бунты», при которых мужики демонстративно сидели по домам. Более того, во время подавления «бабьего бунта» в Вельском уезде Вологодской губернии в марте 1921 г. в качестве основных организаторов и зачинщиков «выдавали» беременных женщин, в расчете, видимо, на то, что их уж точно наказывать не будут [39].

«Круговая порука» была формой самозащиты локального социума от любых видов внешнего давления. С этой целью осуществлялось и взаимное укрывательство от наказания членов социума, совершивших преступное, в глазах центральной власти, деяние. Например, в описываемую эпоху были реанимированы жестокие расправы, осуществляемые совместно и обычно анонимно, с целью сохранить внутриобщинную солидарность (чтобы не дать подвергавшимся расправе оснований для мести и личной неприязни), и коллективно отвечать перед следствием. На сложность решения вопросов с северными крестьянами, которые «стоят друг за дружку; ни за что один другого не выдадут», жаловались царские чиновники. Со схожими проявлениями социальной солидарности сталкивались и в период «военного коммунизма». После подавления Вельского восстания население демонстрировало «раскаивающееся настроение», однако следователь призывал этому не верить, поскольку «волесть такая, если задумала никого не выдавать, то не выдаст, только если взять вымогательством» [40] – то есть принудить социум заменить принцип «все за одного» на принцип «один должен пострадать за всех».

Ярким примером «круговой поруки» при совершении поступка, осознаваемого как преступление, произошло в 1919 г. в Пинежском уезде, когда при отступлении красноармейских частей возник конфликт между армией и населением, поддержанным местными солдатами. Крестьянский бунт приобрел обычные формы саботажа: жители придорожных сел отказывались предоставлять телеги и лошадей для эвакуации тылового имущества. Комбриг И.И. Кудрин, пытавшийся угрозами заставить крестьян выполнить распоряжения, разъярил толпу и вынужден был спастись от нее бегством. Местная воинская команда спасла комбрига от самосуда озверевшей толпы, однако впоследствии убила его. Возможно, это было исполнением вынесенного приговора. Молодой комбриг был заколот сорока ударами штыка. Такую жестокость свидетели событий объясняли «круговой порукой»: «его колола вся рота, чтобы, в случае чего, отвечать всем» [41].

Выводы

Возникнув как форма самосохранения социума в условиях враждебной природной среды, «круговая порука» продолжала существовать как способ противостояния враждебной внешней силе в виде государственной власти. Анализ событий первых послереволюционных событий, проведенный через призму анализа предыдущего социального опыта населения изучаемой территории, позволяет найти объяснение тем социальным формам, которые были воссозданы локальными социумами с целью поддержать внутриобщинную солидарность и выстроить новый диалог с государственной властью.

Благодарности

Статья написана в рамках научного исследования, поддержанного Российским Гуманитарным Научным Фондом (проект № 12-01-00065).

Примечания:

1. Сорокин П.А. Современное состояние России. Прага, 1922. С. 67–69.

2. Круговая порука // Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1994.
3. Лешуконская волость Мезенского уезда // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. I. Архангельск, 1882. С. 7, 8.
4. Селецкая община Холмогорского уезда. // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. II. Архангельск, 1884. С. 89.
5. Труфанагорская община Пинежского уезда. // Сельская поземельная община в Архангельской губернии: Вып. II. Архангельск, 1884. С. 86.
6. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО ОДСПИ). Ф. 8660. Оп. 3. Д. 36.
7. ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д.95. Л. 29.
8. Пирогов М.С. Борьба в Мехреннге // Воспоминания о борьбе за Советы и гражданской войне в Емецком (Холмогорском) уезде. 1917-1920. Архангельск, 1928. С. 39.
9. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 93. Л. 170б.; Известия Никольского Совета солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 5 декабря.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 10. Д. 69. Л. 37.
11. ГААО. Ф. 595. Оп. 2. Д. 5. Л. 25.
12. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 1. Л. 20б, 32.
13. См.: Известия Олонекского губернского совета депутатов. 1918. 17 апр.
14. Из деревни (записки агитатора) // Известия Архангельского совета депутатов. 1917. 13 июня.
15. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 87. Л. 17–18.
16. Воля Севера. Ежедневная народная газета. Орган Архангельского губернского совета крестьянских депутатов и Архангельского Союза потребительских обществ. 1917. 6 сентября.
17. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 321.
18. ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.
19. [П.Л.Б.] С дороги // Вольный голос Севера. Северная областная крестьянская газета, издаваемая Вологодским центральным об-вом сельского хозяйства. 1918. 22 (9) июня.
20. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 622.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 67. Оп. 1. Д. 25. Л. 5–6.
22. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 717.
23. ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 67. Л. 66, 64.
24. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 1. Л. 134.
25. Архив РУ ФСБ России по Архангельской губернии. Д. П-17950. Л. 59–61.
26. Ветошкин М. Старая история (О никольской «бедноте» и Анатолии Носкове) // Борьба бедноты. Орган Северо-Двинского губкома РКПб. 1919. 24 января.
27. ВОАНПИ. Ф. 3837. Оп. 3. Д. 7. Л. 159–172.
28. ГААО ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566. Л. 81.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 52. Л. 34.
30. ГААО. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 19.
31. Отчет Архангельского губернского экономического совета Совнаркому и Совету Труда и Оборона (за период по 1 октября 1921 г.) – Архангельск, 1921. С. 54.
32. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 3. Л. 80.
33. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 4. Л. 85.
34. Архив РУ ФСБ России по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 3. Л. 143.
35. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д.26. Л. 12.
36. ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 36.
37. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 81.
38. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 466.
39. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп.3. Д. 421.
40. Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-21274. Т. 5. Л. 3.
41. ГААО ОДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 671, 336.

References:

1. Sorokin P.A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii*. Praga, 1922. S. 67–69.
2. *Krugovaya poruka // Tolkovyi slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova*. M., 1994.
3. *Leshukonskaya volost' Mezenskogo uyezda // Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. I. Arkhangel'sk, 1882. S. 7, 8.*
4. *Seletskaya obshchina Kholmogorskogo uyezda. // Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. II. Arkhangel'sk, 1884. S. 89.*
5. *Trufanagorskaya obshchina Pinezhskogo uyezda. // Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Arkhangel'skoi gubernii: Vyp. II. Arkhangel'sk, 1884. S. 86.*
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii (GAAO ODSPI). F. 8660. Op. 3. D. 36.*
7. *GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D.95. L. 29.*
8. *Pirogov M.S. Bor'ba v Mekhren'ge // Vospominaniya o bor'be za Sovety i grazhdanskoi voine v Emetskom (Kholmogorskom) uезде. 1917-1920. Arkhangel'sk, 1928. S. 39.*
9. *Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii (VOANPI). F. 2. Op. 1. D. 93. L. 17ob.; Izvestiya Nikol'skogo Soveta soldatskikh i krest'yanskikh deputatov. 1918. 5 dekabrya.*
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). F. 393. Op. 10. D. 69. L. 37.*
11. *GAAO. F. 595. Op. 2. D. 5. L. 25.*
12. *Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 1. L. 2ob, 32.*
13. *Sm.: Izvestiya Olonetskogo gubernskogo soveta deputatov. 1918. 17 apr.*
14. *Iz derevni (zapiski agitatora) // Izvestiya Arkhangel'skogo soveta deputatov. 1917. 13 iyunya.*
15. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 87. L. 17–18.*
16. *Volya Severa. Ezhednevnyaya narodnaya gazeta. Organ Arkhangel'skogo gubernskogo soveta krest'yanskikh deputatov i Arkhangel'skogo Soyuza potrebitel'skikh obshchestv. 1917. 6 sentyabrya.*
17. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 321.*
18. *GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D. 95. L. 12.*
19. *[P.L.B.] S dorogi // Vol'nyi golos Severa. Severnaya oblastnaya krest'yanskaya gazeta, izdavaemaya Vologodskim tsentral'nym ob-vom sel'skogo khozyaistva. 1918. 22 (9) iyunya.*
20. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 622.*
21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 67. Op. 1. D. 25. L. 5–6.*
22. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 717.*
23. *GAAO. F. 301. Op. 1. D. 67. L. 66, 64.*
24. *Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 1. L. 134.*
25. *Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi gubernii. D. P-17950. L. 59–61.*
26. *Vetoshkin M. Staraya istoriya (O nikol'skoi «bednote» i Anatolii Noskove) // Bor'ba bednoty. Organ Severo-Dvinskogo gubkoma RKPb. 1919. 24 yanvarya.*
27. *VOANPI. F. 3837. Op. 3. D. 7. L. 159–172.*
28. *GAAO ODSPI. F. 1. Op. 1. D. 566. L. 81.*
29. *RGASPI. F. 17. Op. 33. D. 52. L. 34.*
30. *GAAO. F. 595. Op. 1. D. 5. L. 17, 19.*
31. *Otchet Arkhangel'skogo gubernskogo ekonomicheskogo soveta Sovnarkomu i Sovetu Truda i Oborony (za period po 1 oktyabrya 1921 g.) – Arkhangel'sk, 1921. S. 54.*
32. *Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 3. L. 80.*
33. *Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 4. L. 85.*
34. *Arkhiv RU FSB Rossii po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 3. L. 143.*
35. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D.26. L. 12.*
36. *VOANPI. F. 1332. Op. 3. D. 36.*
37. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 4. D. 81.*
38. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op. 3. D. 466.*
39. *GAAO ODSPI. F. 8660. Op.3. D. 421.*
40. *Arkhiv RU FSB po Arkhangel'skoi oblasti. D. P-21274. T. 5. L. 3.*

41. GAAO ODSPI. F 8660. Op. 3. D. 671, 336.

УДК 316.48 (908)

«Один за всех и все за одного»: «Круговая порука» как феномен социальной солидарности и его реанимация в 1918-1921 гг. (на материалах северных губерний Европейской России)

Татьяна Игоревна Трошина

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск,
Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор.
E-mail: tatr-arh@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен «коллективной ответственности» как способа сохранения социальной солидарности в экстремальных условиях конфликта между государственной властью и локальным социумом. Для исследования взята территория Европейского Севера России, которая, в связи с особыми природно-климатическими условиями, имела ряд особенностей при формировании и поддержании социальности.

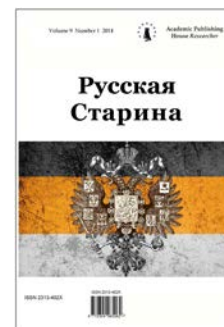
Ключевые слова: Европейский Север России; социальная солидарность; коллективная (взаимная) ответственность; конфликт и компромисс; самосохранение социума в экстремальных обстоятельствах; взаимоотношения населения и власти.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 226-234, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Casus: the History of Russia in the Small Peas

UDC 94 (47)

“We Wanted Sound Wages, Clothing, and Galoshes”: The Material Remuneration and Temptations of Workers in Soviet Adygea in the 1920s

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, Chekhova Prospekt, 41
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

This article addresses the material remuneration and consumer capacity of workers in the Adygei autonomous region in the 1920s. The author points up difficulties with the analysis of relevant sources and the study of the issue in question. The article draws a conclusion that the poor material aspect of daily subsistence led as early as the late 1920s to that the “Homo Biologicus” became the main character of the Soviet era and that for many hardship and privation shifted the focus of attention away from their rights and civil dignity.

Keywords: material remuneration; deficit; consumption; Soviet people; Adygei autonomous region.

Введение

Проникновенное письмо работника областного отдела земельного управления из Адыгеи от 25 февраля 1923 г., в котором он сообщал о своем «страстном желании иметь твердый оклад, сукно и галоши» – один из многочисленных казусов, осевших в моем личном архиве. Профессиональная судьба этого документального свидетельства эпохи «выборочного изобилия», наверное, так бы и осталась «за кадром» большой истории, если бы не мое настойчивое стремление найти ему со временем достойное применение. Таковым, собственно, и оказался вызванный им «порыв» связать воедино разрозненные и отрывочные сведения о материальном вознаграждении и возможностях его обладателей, собранные в Национальном архиве Республики Адыгея.

Материалы и методы

Вопросы заработной платы, социального обеспечения и материального вознаграждения советских граждан относятся, пожалуй, к одним из наиболее «плохо восстанавливаемым» сюжетам 1920-х гг. Причинами тому оказываются как разрозненность сведений о начисляемой заработной плате или пенсии по отдельным отраслям занятости,

так и «плавающие» тарифные ставки вознаграждения. Многочисленные распределительные ведомости на выдачу заработной платы и списки начисляемых пенсионных пособий, помимо всего прочего, содержат и малопонятные пометки доплаты за «предыдущее непогашенное время».

Более того, постоянно осуществляемая «сводная сверка» списков лиц, подлежащих «материальному вознаграждению», а также частично практиковавшаяся в 1920-е гг. натурализация льгот и жалованья, препятствуют созданию всеобъемлющей и достоверной картины в этой области повседневной жизни. Следует помнить и о том, что в 1922–1924 гг. в стране была проведена денежная реформа, результатом которой стало введение в оборот товарных и червонных денег: первые не были обеспечены золотом и имели сугубо внутреннее хождение, вторые – были нацелены на внешнеторговый оборот и подкреплены «валютным запасом страны». Исчисление заработной платы в той или иной денежной форме свидетельствовало о социальном статусе ее обладателя, а также о престижности той или иной профессии.

Обсуждения и результаты

Самые неупорядоченные сведения как в отношении общего количества нуждающихся, так и полагаемых им пособий относятся к инвалидам войны, труда, вдовам красноармейцев, погибших в рядах Красной Армии и семьям красноармейцев, находившихся в тот период времени на действительной воинской службе. Все перечисленные категории граждан были отнесены к ведению областного отдела социального обеспечения, история создания которого начиналась дважды. Отдел «открыл свои функции в 1922 г., но благодаря бездеятельности волостных исполкомов и укладу жизни черкесов на местах, не дававших в область своевременно точных сведений о социальном положении граждан автономной области – областному собесу пришлось приостановить свои функции и вновь организовать дело» [1]. Самым главным тормозом его «плодотворной работы» считалось «несвоевременное и неточное предоставление сведений».

Однако те сведения, которые все-таки попадали в поле его зрения, неоднократно перепроверялись как по официальным каналам, так и по не раскрываемым, личным источникам отдела социального обеспечения. Официально обоснованным поводом к получению пособия или пенсии служили результаты «Актов обследования имущественного и семейного положения граждан». Имущественное положение определялось по 4 категориям, включающим в себя: «жилищные и хозяйственные постройки (хата, сарай, амбар, конюшня и прочий инвентарь); скот и птицу (лошади, коровы, свиньи, куры, утки, индюшки, гуси, быки, прочие); землю и обработочный инвентарь (засеянные и незасеянные участки, косилки, плуга, бороны, грабли, катки); прочее имущество (зерно)» [2]. В случае отсутствия подавляющего большинства указанных признаков и наличия «на руках одного-трех иждивенцев» обследуемый получал единовременное пособие в размере 10–15 руб.

Тем не менее полученное подтверждение неимущего или малоимущего состояния не гарантировало его обладателя от изъятия уже предоставленного пособия. Так, в 1926 г. областной собес «получил сведения о том, что инвалид войны, житель хутора Мокро-Назарова Краснобашенского сельского совета, гражданин Р.П. Семеш, состоящий на пенсии в областном собесе, имеет имущественное положение, заключающееся в одной хате, 2 лошадях и 2 коровах». Областной отдел социального обеспечения предлагал «райуполномоченному лично обследовать имущественное положение гражданина, выяснить точно путем опроса граждан, в каком году было приобретено это имущество, и обо всем составить подробный акт» [3]. Такого рода выборочные проверки производились довольно часто, однако проследить дальнейшую судьбу «заново обследованных», за редким исключением, практически не удается. В случае с инвалидом войны Р.П. Семешем выяснилось, что из списков «исправно получавших пособия» он исключен не был, но никаких денег на протяжении 1927–1929 гг. не получал.

Не менее запутанная ситуация наблюдалась и в области выплаты пенсий инвалидам войны и семьям красноармейцев. Она колебалась от 3 тыс. товарных рублей в 1922–1924 гг. до 23–50 рублей в 1926 г. При этом ведомости на выдачу пенсионного пособия получателям по категориям не делили и велись «сплошным методом». Протоколы заседаний коллегии областного отдела социального обеспечения содержат постоянные указания на

необходимость повышения пенсионных ставок. Например, с 1 октября 1926 г. пенсионные ставки инвалидам войны и семьям красноармейцев планировалось довести: «инвалидам войны I группы до 23 руб., II группы – 15 руб., III группы – 12 руб.; семьям красноармейцев с 1 членом семьи – 8 руб., с 2 членами семьи – 12 руб., с 3 и более членами семьи – 15 руб.» [4]. Выплата пенсий и иных видов пособий осуществлялась крайне нерегулярно, причинами чему довольно часто указывалось «небрежное отношение со стороны ряда отделов исполкома и хозяйственных учреждений области к выплате в соцкассах отчислений на социальное страхование» [5].

Насколько рассматриваемые суммы и их индексация удовлетворяла насущные потребности населения, судить однозначно весьма затруднительно. Как свидетельствует практика социологических опросов и сбора статистических данных того времени, «в населении присутствовало скрытое недовольство материальной политикой власти. Многие отмечали, что плохо живут, но тут же выражали понимание текущего момента в жизни страны» [6]. Более того огромное количество заявлений граждан на получение единовременного пособия и результаты «Актов обследования имущественного и семейного положения» нуждающихся в пособиях подтверждают субъективные ощущения современников о «плохо устроенной жизни».

Довольно разнообразными и разрозненными выглядят и сведения относительно получаемого жалования и заработной платы в 1920-е гг. Их «чистое» (денежное) исчисление для разных категорий рабочих и служащих не только разнилось в количественном отношении, но и в «натуральном» сопровождении. Зарплата районного уполномоченного в октябре 1926 г. составляла 40 руб. и предполагала «бесплатное столование, поездки по области и теплое пальто на два сезона» [7]. В то же время заведующий мануфактурным складом получал лишь «голый» оклад в 130 руб. и «подвергался несчетным проверкам на сохранность казенного имущества» [8].

Необходимо отметить, что получаемое жалование облагалось многочисленными общественными повинностями: по инициативе профсоюза советских работников служащие управления местного хозяйства области в течение двух лет «делали регулярные отчисления в фонд безработных – 0,5 % и в пользу ленинградских рабочих – 1 % заработка» [9]. На средства трудоспособного населения области содержались и более крупные объекты социального назначения. Детский дом в селе Николаевском Ширванского округа «существовал за счет местных средств, т.е. из числа оставленных до полтора пудового сбора 50 % всех селений округа» [10]. Правда, в отличие от облагаемого фонда заработной платы, здесь действовал несколько другой принцип пересчета «общественно полезных трудодней. В первой половине 1920-х гг. практиковались и всевозможные сборы пожертвований в пользу больниц, школ, детских домов, находившихся как на территории как самой области, так и за ее пределами [11].

По целому ряду «служебных профессий» к окладу предусматривалась выдача «профессиональной одежды». Кучерам и возницам, состоявшим при управлении местного хозяйства, полагались:

Название	Количество	Срок носки
Непромокаемое пальто	1	2
Полушубок	1	3 зимы
Валенки	1	1 зима
Шапка	1	2 зимы
Варежки и кожаные рукавицы	2	1 зима
Сапоги кожаные	1	1 год

Сохранившиеся ведомости на выплату зарплаты и расчетные книжки служащих различной ведомственной принадлежности позволяют проследить не только динамику изменения их жалования и окладов, но и востребованность, а также престижность той или иной профессии. Вместе с тем они способствуют прояснению и такого до сих пор болезненно воспринимаемого вопроса как разница в оплате и возможностях советско-партийной номенклатуры и остальных категорий «неответственных работников». Речь в основном

пойдет об окладах служащих областного отдела социального обеспечения и управления местным хозяйством, чьи раздаточные ведомости отличаются хорошей прочитываемостью и репрезентативностью данных.

Согласно спискам областного собеса на июнь–июль месяцы 1923 г., заместитель заведующего отделом получал 9977 руб. 70 коп., секретарь собеса – 7752 руб. 86 коп., делопроизводитель – 3364 руб. 12 коп., помощник бухгалтера – 5045 руб. 25 коп. [12]. Частная смена делопроизводителя и относительная кадровая стабильность остальных должностей позволяет предположить, что, несмотря на среднюю по тем временам зарплату, работа эта особой популярностью не пользовалась и требовала «больших временных затрат». По свидетельству уволившегося делопроизводителя, «бумаги в отдел поступали не регулярно, порой шли валом. Приходилось задерживаться допоздна, вызывали и в выходные...» [13].

К началу 1925 г. ситуация значительным образом изменилась: в большей степени стали важны не оклады, а занимаемые должности и делопроизводители, вытесненные машинистками, превратились в незаменимых в «канцелярском деле» людей. Их небольшие оклады компенсировались различными премиальными, а возможность работать по найму в нескольких ведомствах давали довольно приличную зарплату. В данной связи можно обратиться к «Списку служащих управления местного хозяйства Адыгейской (Черкесской) автономной области»:

Должность	Разряд	Оклад, жалованье
Заведующий		70 товарных рублей
Заместитель заведующего		70 товарных рублей
Секретарь завотдела	15	56 товарных рублей 95 коп.
Юрисконсульт		70 золотых рублей
Завхоз	12	42 товарных руб. 50 коп.
Регистратор	6	21 товарный руб. 25 коп.
Машинистка	7	23 товарных руб. 80 коп.
Заведующий мельсекцией	15	56 товарных рублей 95 коп
Уполномоченный	15	56 товарных рублей 95 коп
Техинспектор	12	42 товарных руб. 50 коп.
Облархитектор	16	61 товарный руб. 20 коп.
Бухгалтер	12	42 товарных руб. 50 коп.
Счетовод	9	29 товарных руб. 75 коп.
Кассир	12	42 товарных руб. 50 коп.
Завскладом	14	52 товарных руб. 70 коп.
Сторож	5	18 товарных руб. 70 коп.
Техник	12	42 товарных руб. 50 коп.

Исходя из сведений об окладах служащих, наиболее «крепкие» позиции на профессиональной лестнице занимали юрисконсульты, чей труд оплачивался в твердой валюте, по должности приравнивался к ответственным работникам и предполагал 35 % прибавки [14], затем шли непосредственно управленцы высшего звена, архитектор области, управленцы среднего звена, кассир и бухгалтер, а замыкал ее «технический персонал». Машинистка, тяготеющая по «табели о рангах» к последней категории служащих, занимала в ней первое место. Более того, проработав «безупречно два года, в течение которых регулярно премировалась наравне с заведующими отделами», была взята в облисполком.

В этом отношении весьма любопытна оценка самими современниками выгодности занятия тем или иным ремеслом. Профессиональный литератор Л.Я. Гинзбург вспоминала: «После революции литературный труд был одним из самых выгодных. Еще год-два назад оплата даже в 150–180 рублей за лист казалась нам высокой. Сейчас это вообще небольшие деньги, но главное литературный способ добывания этих денег перестал казаться выгодным и соблазнительным сейчас, с прекращением безработицы, с огромным повышением спроса на интеллигентный труд, с необычайным улучшением оплаты педагогического труда. У Гриши (Гуковский) простой и убедительный расчет: при четырехрублевой оплате

академического часа, 16 часов в декаду дают 190 рублей с лишним, притом, это гораздо легче, чем написать печатный лист» [15].

Оплата труда других категорий служащих складывалась из тех же самых показателей, что и служащих «ответственных учреждений». Разница состояла лишь в том, что другие категории «не несли на себе такого бремени забот». Например, работникам просвещения на протяжении нескольких месяцев 1924 г. областные органы власти пытались повысить зарплату. В конечном итоге, пришлось констатировать, что «выплата содержания работникам просвещения в Адыгейской автономной области по всем ставкам и своевременной уплате жалования находится в нормальном положении (30 червонных рублей в месяц). При составлении местного бюджета на 1924–1925 гг. считать необходимым придерживаться установленных ставок и ни в коем случае не допускать снижения... Улучшение положения учительства вести с культурно-бытовой стороны» [16].

Организационное бюро областного комитета партии неоднократно выносило в повестку дня своих заседаний вопрос о «низких ставках заработной платы служащих прокуратуры и уходе по этой причине с работы сотрудников» [17]. Нередкими на этих заседаниях были и вопросы о «нахождении возможностей выплаты заработной платы сотрудникам административных учреждений». В апреле 1926 г. в порядке исключения разрешалось «фракции облисполкома взять заимообразно необходимую сумму для выдачи зарплаты служащим из средств районных бюджетов» [18]. Однако хронический дефицит областного бюджета на всем протяжении рассматриваемого времени приводил к тому, что указанная практика исключений приобретала характер повсеместного правила.

Крайне скупо в архивных источниках представлены сведения о заработной плате рабочих. Их небольшая численность по области и по преимуществу неквалифицированный характер выполняемой работы в первой половине 1920-х гг. делали их объектом внимания исключительно лишь областного отдела труда. Согласно представленным им сведениям, «зарплата для рабочих землеса производится в товарных рублях – из расчета для огородников 7 руб., для табачников же предположено установить до 10 руб.» [19]. К сожалению, данных по заработной плате рабочих фабрично-заводской промышленности обнаружить не удалось.

Тем не менее следы заботы власти о своевременной выплате зарплаты рабочим прослеживаются по многим протоколам заседаний высшего партийного органа области. Большинство из них констатирует «отсутствие должной связи между профессиональными организациями, хозяйственными учреждениями по вопросам зарплаты и организациями предприятий регулирующей промышленности» [20]. Судя по косвенным данным, несвоевременная выплата зарплаты была в то время делом обычным и «большим прегрешением не являлась».

Сведения о заработной плате самой ответственной категории служащих области – партийных работников – являются, пожалуй, наиболее закрытой и мало проницаемой статьей расходов. Относящиеся к вопросам, «неподлежащим открытому рассмотрению», они могут быть представлены лишь в приблизительном исчислении. Представляется, что даже с учетом должностной тарификации, оклад ответственного работника в середине 1920 гг. колебался в пределах 70–300 руб. и выше. Он не мог быть ниже оклада квалифицированного технического инспектора, жалование которого составляло в 1924 г. около 60 руб. и начислялось по 15 разряду [21], или юрисконсульта, приравняемого по «отправляемым обязанностям» к ответственному работнику, чье содержание обходилось бюджету в «70 золотых руб. с 35 % прибавки».

В пользу такого предположения свидетельствуют и размеры предоставляемой материальной помощи, выплачиваемой коммунистам области. Так, согласно протоколу оргбюро от 17 февраля 1923 г. «по пунктам 12, 13, 14 и 15 гражданам ..., как многосемейным и крайне нуждающимся», из кассы взаимопомощи предполагалось выплатить по 200 руб., а курсантам совпартшколы – по 300 руб.» [22]. Материальная помощь ответственным работникам намного превышала размеры единовременных социальных пособий. Она выплачивалась на основании заявления просителя и возлагалась на те учреждения, где он работал.

Оплата содержания ответственным работникам, в своем подавляющем большинстве, исчислялась по «I разряду, составляющему 14 рублей» [23]. Какую часть заработной платы

составляло указанное содержание предугадать трудно. Однако, исходя из постоянно рассматриваемых на заседаниях оргбюро вопросов по оказанию материальной помощи, она была явно недостаточной. В пользу этой недостаточности склоняет и постоянно возникающая на всем протяжении 1920-х гг. необходимость «усиления борьбы с взяточничеством». Официальной версией его распространения по области стала «перегруженность ответработников» [24]. С целью искоренения «этой постыдной проказы» особо закоренелых взяточников перемещали на другие «менее ответственные участки работы», «разгрузив» их от столь непреодолимых соблазнов. Случаев увольнения «за взяточничество» обнаружить не удалось.

Не менее интригующим остается и вопрос о том, каким образом и на что тратились с таким трудом заработанные деньги, составлялся семейный бюджет, и какие из предметов потребления являлись тогда большим или меньшим дефицитом. Так, люди «интеллигентного труда» категориями бюджета, по свидетельству современников, не мыслили: «В Советской России у людей, а может быть, только у интеллигентов нет бюджета. Это обстоятельство крайне важное и почти в той же степени определяющее наш бытовой уклад, в какой его определяет то обстоятельство, что у нас нет денег. Не каждый из нас может позволить себе приобрести за 2р. 50 коп. вязаные перчатки, никто из нас не покупает масло у частника. Но каждый может незаметным для себя образом, пойти в ресторацию и поужинать там на 3 рубля, на 5 и на 10. Революция внушила нам глубокое недоверие и неискоренимое равнодушие к накоплению; она уничтожила в нас буржуазный интерес к деньгам, как таковым, к деньгам на черный день, на всякий случай; к деньгам, хранящимся в банке и приносящим проценты, к деньгам, хранящимся в чулке и приносящим спокойствие» [25]. Тем не менее многие из них стремились попасть на «службу в учреждения», где еще в первой половине 1920-х гг. оставалось «немалое число хорошо образованных и порядочных людей». Помимо «приятного общения», советская служба давала и ощущение полезности, которое «помогало стойко переносить материальные тяготы и бытовую неустроенность того времени» [26].

Напротив, для рабочих и служилой интеллигенции бюджет был реальным понятием, чья наполняемость определялась стоимостью товаров и продуктов первой необходимости, топлива, оплаты за обучения и общественно-полезными отчислениями. В наиболее благоприятных условиях находились те из них, которые имели трудоспособных неработающих членов семьи, ведущих подсобное хозяйство. На плечи работающего семьянина, по данным статистики на 1923–1924 гг., приходилось от 13 до 34 недельных часов домашнего труда [27].

Показательно, что при всей скудости рациона питания и отсутствия необходимых одежды и обуви, большая часть бюджета приходилась на покупку дров, элементарное отсутствие которых, по меткому выражению Б.Л. Пастернака, «в эпоху торжества материализма приобрело характер топливного вопроса». Многочисленные «ведомости на закупку дров» свидетельствуют, что один их кубометр стоил в середине 1920-х гг. 48 руб. В среднем же в холодное время года на месяц «для обогрева жилья» требовалось от одного до трех кубометров, что составляло половину и более средней зарплаты по области [28]. В 1928 г., когда для рабочих области стали строить «оттеплевые бараки», ситуация несколько изменилась: основной статьёй расходов становится «покупка продуктов питания и необходимых носимых вещей» [29].

В этом отношении весьма показательным выглядит сравнение с расходной частью бюджета рабочих Урала. В 1922 г. их «расходы на питание составляли 44,6 %, на одежду и обувь – 18,8 %, на жилище – 15,6 %, на собственное хозяйство – 5,1 %» [30]. При этом реальная заработная плата рабочих ценовой промышленности колебалась в зависимости от отрасли от 5,6 до 9,7 довоенных рублей [31]. Несмотря на явно отдаваемое предпочтение «продуктовой» статье расходов, в литературе, тем не менее, указывается на преобладание, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. «одежного» характера рабочих бюджетов [32].

Продукты в основном покупались на «черном» рынке или выменивались на «редкую мануфактуру». Настоящим бедствием для жителей области на протяжении 1920-х гг. стала борьба официальной власти с «хлебной спекуляцией»: отсутствие хлеба на прилавках магазинов поначалу компенсировалось деятельностью «мешочников», к которым по постановлению оргбюро области с 1928 г. стали применяться меры уголовной

ответственности. Выявленные при помощи ОГПУ «скрытые спекулянты» осуждались по статье 107 Уголовного Кодекса [33].

Привычной приметой времени являлся дефицит самых разнообразных товаров. Понятие дефицита того времени включало в себя не только редкие, но также и дорогостоящие товары. Поэтому боролись по преимуществу не с отсутствием таковых, а с их стоимостью. Регулярно с 1925 г. в повестку дня организационного бюро области включался вопрос «о заслушивании доклада Межведомственной комиссии о результатах продолжающейся работы по снижению розничных и оптовых цен на промтовары в государственных и кооперативных организациях области» [34].

Годовым итогом этой кампании стала констатация того положения, что «снижение розничных цен проводилось с некоторым опозданием. Но в то же время данные к июлю месяцу (1927 г.) подтверждают, что указанное снижение в области проведено только на 9,2 %. В течение месяца довести до 10 %. Гарантией удержания цен является постоянное внимание и контроль партийных, советских и общественных органов и пайщиков». Наряду с отмеченными достижениями, указывались и недостатки в виде «случаев произвольного повышения цен в некоторых кооперативах», «прекращение торговли малоприбыльными товарами, являвшимися товарами первой необходимости» [35].

В 1928 г. началась кампания по разбронированию дефицитных промтоваров. 20 января того же года областное бюро постановило: «Считать необходимым разбронировать галоши из графы дефицитных товаров при условии отпуска их пайщикам. Тов. Ткаченко предоставить соображения о возможности разбронирования и некоторых других товаров» [36]. Тремя днями позже был заслушан доклад «О снабжении промтоварами нашей области», где в частности отмечалось: «Просить крайисполком ВКП (б) воздействовать на крайторг и крайсоюз об усилении завоза товаров в нашу область по налу хлебазаготовок, сообщить, что мы получили только 1 вагон через Майкопское отделение крайсоюза и на 7 тыс. руб. суконных товаров. Считать необходимым отпуск дефицитных товаров за исключением суконных полномочным членам кооператива, независимо от сдачи ими хлеба, стимулируя этим вовлечение населения в кооперативы» [37]. Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия власти, сукно и галоши так и остались дефицитными товарами, заветной мечтой потребителей «эпохи выборочного изобилия».

Выводы

Так и не налаженная материальная сторона повседневного существования уже к концу 1920-х гг. приведет к тому, что главным героем советской эпохи станет «человек биологический». В свою очередь, «невероятные трудности и лишения, связанные с удовлетворением элементарных потребностей в питании и одежде», в конечном итоге, «потеснят у многих мысли о правах и гражданском достоинстве» [38].

Примечания:

1. Национальный архив Республики Адыгея (далее – НАРА). Ф.Р-38. Д. 24. Л. 5.
2. Там же. Д. 59. Л. 5.
3. Там же. Д. 69. Л. 21.
4. Там же. Л. 9.
5. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея (далее – ХДНИ НАРА). Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 49. \
6. НАРА. Д. 69. Л. 10 об.
7. Там же. Л. 2.
8. Там же. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 157. Л. 32.
9. Там же. Д. 133. Л. 169.
10. ХДНИ НАРА. Ф.Р. – 1. Оп.1. Д.2. Л.32.
11. Там же. Д. 2. Л. 76.
12. НАРА. Ф.Р-38. Оп. 1. Д. 24. Л. 14.
13. Там же.
14. Там же. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.
15. Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 110.

16. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 91. Л. 46, 46об.
17. Там же. Д. 181. Л. 9.
18. Там же. Л. 109.
19. Там же. Д. 7. Л. 23.
20. Там же. Д. 130. Л. 180.
21. НАРА. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 140. Л. 16.
22. ХДНИ ГУ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 58а.
23. Там же. Д. 130. Л. 180.
24. Там же. Д.2. Л.58а.
25. Гинзбург Л.Я. Указ. соч. С. 74.
26. Там же. С. 76– 77.
27. Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Общий характер перемен в содержании бытовых занятий и функций быта // Социологический калейдоскоп (Памяти Леонида Абрамовича Гордона). М., 2003. С. 159.
28. ГУ НАРА. Ф.Р-11. Оп. 1. Д. 133. Л. 159.
29. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 234. Л. 37.
30. Фельдман М.А. К вопросу об уровне жизни уральских рабочих в 1922 – 1928 гг. // Гуманитарный сервис: Книга 1. История повседневности. М., 2003. С. 56.
31. Там же. С. 52.
32. Там же. С. 56.
33. ХДНИ НАРА. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 235. Л. 94.
34. Там же. Д. 181. Л. 138.
35. Там же. Д. 201. Л. 37.
36. Там же. Д. 234. Л. 7.
37. Там же. Л. 10а.
38. Шубкин В.И. Исторические предпосылки катастрофизма в России // Страхи и тревоги россиян. СПб., 2004. С.55.

References:

1. Nacional'niy arhiv Respubliki Adygeya (dalee – NARA). F.R-38. D. 24. L. 5.
2. Tam zhe. D. 59. L. 5.
3. Tam zhe. D. 69. L. 21.
4. Tam zhe. L. 9.
5. Hranilische dokumentov noveishey istorii Nacional'nogo arhiva Respubliki Adygeya (dalee – HDNI NARA). F.R-1. Op. 1. D. 91. L. 49. \
6. NARA. D. 69. L. 10 ob.
7. Tam zhe. L. 2.
8. Tam zhe. F.R-11. Op. 1. D. 157. L. 32.
9. Tam zhe. D. 133. L. 169.
10. HDNI NARA. F.R. – 1. Op.1. D.2. L.32.
11. Tam zhe. D. 2. L. 76.
12. NARA. F.R-38. Op. 1. D. 24. L. 14.
13. Tam zhe.
14. Tam zhe. F.R-11. Op. 1. D. 44. L. 7.
15. Ginzburg L.Ya. Chelovek za pis'mennym stolom. L., 1989. S. 110.
16. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 91. L. 46, 46ob.
17. Tam zhe. D. 181. L. 9.
18. Tam zhe. L. 109.
19. Tam zhe. D. 7. L. 23.
20. Tam zhe. D. 130. L. 180.
21. NARA. F.R-11. Op. 1. D. 140. L. 16.
22. HDNI GU NARA. F.R-1. Op. 1. D. 2. L. 58, 58а.
23. Tam zhe. D. 130. L. 180.
24. Tam zhe. D.2. L.58а.
25. Ginzburg L.Ya. Ukaz. soch. S. 74.
26. Tam zhe. S. 76– 77.

27. Gordon L.A., Klopov E.V., Onikov L.A. Obschiy harakter peremen v sodержanii bytovyh zanyatij i funkciy byta // Sociologicheskij kaleidoskop (Pamyati Leonida Abramovicha Gordona). M., 2003. S. 159.
28. GU NARA. F.R-11. Op. 1. D. 133. L. 159.
29. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 234. L. 37.
30. Fel'dman M.A. K voprosu ob urovne zhizni ural'skih rabochih v 1922 – 1928 gg. // Gumanitarniy servis: Kniga 1. Istoriya povsednevnosti. M., 2003. S. 56.
31. Tam zhe. S. 52.
32. Tam zhe. S. 56.
33. HDNI NARA. F.R-1. Op. 1. D. 235. L. 94.
34. Tam zhe. D. 181. L. 138.
35. Tam zhe. D. 201. L. 37.
36. Tam zhe. D. 234. L. 7.
37. Tam zhe. L. 10a.
38. Shubkin V.I. Istoricheskie predposylki katastrofizma v Rossii // Strahi i trevogi rossijan. SPb., 2004. S.55.

УДК 94 (47)

**«Хотелось твердого оклада, сукна и галош»:
материальное вознаграждение и соблазны потребления трудящихся
советской Адыгеи 1920-х гг.**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена материальному вознаграждению и возможностям потребления трудящихся Адыгейской автономной области в 1920-е гг. Автором отмечаются трудности, связанные с анализом источников и исследованием рассматриваемой проблемы. Делается вывод, что неналаженность материальной стороны повседневного существования уже к концу 1920-х гг. привела к тому, что главным героем советской эпохи стал «человек биологический», а трудности и лишения потеснили у многих мысли о правах и гражданском достоинстве.

Ключевые слова: материальное вознаграждение; дефицит; потребление; советский человек; Адыгейская автономная область.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 235-238, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

Reviews and Surveys

UDC 94 (47).07

Korniienko, B. S. (2013). The Right Don: Cossacks and the Ideology of Nationalism (1909-1914) (p. 232). Saint Petersburg: Izdatelstvo Yevropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge

Alexey A. Volvenko

Taganrog State Pedagogical Institute named after AP Chekhov, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

This review addresses a monograph on the nationalist ideology of Don Cossacks in the early 20th century, which is a path-breaking work in modern Cossack studies. The review brings to light the author's design and methodological choice and illustrates the major themes in the evolution of Don Cossacks' nationalism.

Keywords: Don Cossacks; ideology; nationalism; review.

Рецензируемая монография посвящена актуальной в современном казачеведении теме. Среди многочисленных работ по истории казачества, уже с трудом поддающихся систематизации, исследование Б.С. Корниенко заметно выделяется новизной поставленных задач. Казалось бы, вопросы казачьей идентичности являются наиболее обсуждаемыми в академической научной среде, в публицистических произведениях, на форумах различных «казачьих» сайтов. Однако за исключением нескольких специальных статей, отдельных глав монографий, авторами которых являются такие авторитетные в научных кругах авторы, как С. Плохий, М.А. Рыблова, С.Н. Маркедонов, О.В. Матвеев, О.М. Морозова, высказываемые в литературе мнения скорее следует отнести к проявлениям фольк-истори, ярким примером которого является книга В. Никитина «Казачество: нация или сословие?» (М., 2007).

На этом фоне монография Б.С. Корниенко по праву может считаться первым, фундаментальным, строго научным исследованием казачьей идентичности в националистическом ракурсе. Нарушив общепринятую схему рецензии, хочу отметить сразу: работа Б.С. Корниенко станет не только определенной вехой в историографии казачества, а может быть и неким эталоном для будущих изысканий по затронутой проблеме, но и вызовет широкий общественный резонанс, дискуссии и споры. Поясню свою позицию.

Объемное введение Б.С. Корниенко содержит как традиционные разделы – обоснование актуальности избранной темы, анализ историографии, подробный обзор источниковой базы и методологические приоритеты, так и материал, относящийся к

характеристике социально-экономического развития Дона во II пол. XIX – нач. XX вв. в контексте внутривосточных событий в России указанного периода. Наличие подобного материала необходимо для понимания основного содержания книги, он как бы вводит читателя в курс дела. Отдельно следует сказать об избранной автором теоретико-методологической позиции исследования. Б.С. Корниенко не ограничивается набором слов, ставших, к сожалению, магическими для определенного уровня историографии и на котором написано большинство работ по истории казачества, как-то – объективность, системность, проблемность и пр., и которые, затем, таким же магическим образом «исчезают» в основном тексте. Он четко обозначает свое отношение к понятиям «этнос», «нация», «национальность» через критический обзор соответствующих теорий в современной западной литературе, признается в том, что допускает «примордиальный характер этничности и преемственность между этническими сообществами и современными нациями». Подчеркивает, что он не будет «пытаться определить этническую/национальную идентичность всей массы казачьего населения, тем более разрешить вопрос о том, было ли казачество только сословием или также народом, а может быть, «субэтносом». Последнее обстоятельство несколько разочарует пытливого читателя, который захочет прочесть книгу Б.С. Корниенко для того, чтобы, наконец, закрыть для себя вопрос о том, является ли казачество сословием или нацией?

Несмотря на непропорциональность распределения параграфов по двум главам (2 параграфа в первой главе и 5 – во второй) содержание каждой главы полностью раскрывает авторский замысел. Первая глава представляет собой в основном фактологическое построение, описывающее институциональное становление националистического движения на Дону в нач. XX в., концентрацию местных «правых» вокруг определенных периодических изданий, а также результаты их деятельности через призму предвыборных дебатов и политической агитации в Государственную Думу IV созыва. Вторая глава посвящена реконструкции, а местами и дискурсивному анализу, конкретных националистических проектов, разработанных группами местных националистов в 1910–1914 гг., что собственно и является главным предметом исследования Б.С. Корниенко. Интересы различных политических сил, отдельных личностей, политические неудачи и идейные разочарования приносили в содержание проектов различные оттенки, анализ которых и потребовал увеличения числа и объема параграфов во второй главе.

Б.С. Корниенко удалось раскрыть и показать важную роль войскового наказного атамана войска Донского Ф.Ф. Таубе в формировании националистической идеологии на Дону. Проявленная атаманом политическая воля «сверху», пусть и регионального характера, но, вероятно, согласованная с «центром», знаменитый таубевский лозунг «Дон для донцов» не только дали толчок активному поиску казачьей «национальной» идеи, но и обозначили пути решения многих злободневных вопросов социально-экономического развития Донской области с учетом интересов казачества.

Значительное внимание Б.С. Корниенко уделил анализу творчества дореволюционного историка Е.П. Савельева, активно участвовавшего в создании «национального казачьего мифа», идеи которого до сих пор пользуются популярностью среди членов современного казачьего движения. После критического научного послесловия Н.А. Мининкова к репринтному изданию 1991 г. «Истории казачества» Е.П. Савельева, предпринятый Б.С. Корниенко аналитический обзор главных работ этого дореволюционного историка, в том числе и его литературных произведений, пожалуй, является наиболее удачным и содержательным. Автор рецензируемой монографии сознательно ушел от фактологической критики построений Е.П. Савельева, большая часть которых представляет откровенные исторические фантазии. Рассматривая тексты Е.П. Савельева как единый нарратив, конструирующий прошлое казаков и доказывавший их древнеарийское происхождение, и в тоже время подпитывавший идеологию казачьих националистов нач. XX в., Б.С. Корниенко совершенно верно отметил его внутреннюю противоречивость. Эта противоречивость проявлялась в отношении к русскому государству, да и к простому народу (иногороднему – в казачьей терминологии) тоже. С одной стороны, оваянные славой страницы боевой и колониционной истории казачества, так или иначе, были связаны со становлением Российской империи, с другой – центральная власть делала все, для того чтобы подчинить казачью самобытность своим интересам.

Исчерпанность сословной парадигмы и военно-технический прогресс в нач. XX в. ставили под сомнение традиционные качества казачества и его образ жизни, завязанные на военной службе. Казаки оказались как бы предоставленными самим себе. В условиях отсутствия внятной правительственной программы развития казачества наличие только устойчивых сакральных отношений между домом Романовых и казачеством было недостаточным для обеспечения лояльности со стороны последних. Это продемонстрировали со всей очевидностью выборы в Государственную Думу и «полевение» казаков в сторону кадетской партии. Казакам, по крайней мере, донским, предстояло в будущем определиться с кем они – с Россией (в лице то ли ее центральной власти, то ли своеобразной кадетской интерпретации федерализма) или с собственной «национальной» элитой и популярным лидером. Савельевский нарратив, в понимании Б.С. Корниенко, это пример идейной эволюции как лично Е.П. Савельева, так и его сторонников/читателей в сторону автономистского, казачьего националистического проекта, нашедшего свое воплощение в 1918–1919 гг. во Всевеликом войске Донском.

Собственно эта противоречивость прослеживается Б.С. Корниенко и при анализе программ донских и казачьих националистов. Отсутствие ясной позиции националистических групп на Дону по отношению к России, из-за боязни обвинений в сепаратизме, в совокупности с тем обстоятельством, что «казачья идентичность еще не стала значимым политическим фактором, и рядового казака больше беспокоили сугубо социальные проблемы» предопределили политический крах национализма на Донской земле накануне Первой мировой войны. Как покажут дальнейшие события, провал националистических идей имел скорее тактический, а не стратегический характер.

Все выводы Б.С. Корниенко основаны на хорошо проработанной солидной источниковой базе. Впечатляет количество привлеченных им периодических изданий, как местного, так и общероссийского уровня, а использование архивных документов, ранее недоступных исследовательскому вниманию, помогло детализировать многие эпизоды из донской общественно-политической жизни. Впервые опубликованные в приложении первоисточники по истории националистического движения на Дону имеют ценное, самостоятельное источниковедческое значение.

Четкое следование намеченному замыслу, а также известная ограниченность круга источников не позволили Б.С. Корниенко в подробностях осветить все важные положения, озвученные в книге. Как мне представляется, объем аргументации о наличии системного кризиса среди казачества в нач. XX в. мог быть заметно больше, что, несомненно, отразилось бы на качестве выводов или подтолкнуло Б.С. Корниенко, учитывая его новаторский подход, к переосмыслению традиционного взгляда на этот процесс. На фоне исчерпывающей информации об авторах идеологических текстов в разнообразных периодических изданиях, вопрос об их потенциальных читателях был рассмотрен вскользь. Данные о количестве подписчиков, наличие упомянутых журналов и газет в библиотеках и читальнях разного уровня, упоминание в документах личного происхождения той или иной знаковой статьи, возможно, дополнили бы выводы о востребованности националистических идей в донском обществе. По признанию Б.С. Корниенко, «...национализм на Дону в изучаемый период был лишь новым изданием прежнего “казакоманства”», однако о самом «казакоманстве», общественно-политическом движении среди казачества в 60–70-х гг. XIX в., сказано мало. Между тем, Х.И. Попов, один из главных идеологов донских националистов нач. XX в., в молодости являлся активным и убежденным «казакоманом», анализ его ранней мировоззренческой позиции послужил бы прекрасным поводом к размышлениям об истоках национализма на Дону. Наконец, употребление Б.С. Корниенко таких дефиниций как «колеблющаяся идентичность» и «синдром сословности», последняя является по праву авторской и очень меткой по наблюдению, не вызывает вопросов о смысловом наполнении в контексте описываемых событий. При этом остается только сожалеть об отсутствии в монографии их четкого формализованного определения.

В заключении хотелось бы еще раз выразить уверенность, что книга Б.С. Корниенко, написанная доступным, не лишенным изящества, литературным стилем, несомненно, станет востребованной не только среди специалистов по истории казачества, политических партий, общественных и национальных движений, но и среди широкой читательской аудитории.

УДК 94 (47).07

**Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914).
СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.: ил.**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский государственный педагогический институт имени А.П. Чехова,
Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена новаторской в современном казаковедении монографии о националистической идеологии донского казачества начале XX в. В рецензии раскрывается авторский замысел и методологический выбор, поясняются основные сюжеты эволюции донского казачьего национализма.

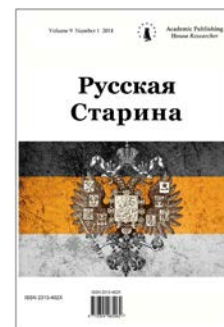
Ключевые слова: донское казачество; идеология; национализм; рецензия.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 12, No. 4, pp. 239-240, 2014

DOI: 10.13187/issn.2313-402X
www.ejournal15.com

UDC 93/94

The Second Forum of Caucasus Studies Historians

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, Chekhova Prospekt, 41
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract

This survey addresses the Second Forum of Caucasus Studies Historians held in Rostov-on-Don on October 15-16, 2014.

Keywords: forum; Caucasus studies; professional society.

15–16 октября 2014 г. в г. Ростове-на-Дону на базе Южного научного центра РАН состоялся второй международный форум историков-кавказоведов. Стартовавший ровно год тому назад и призванный стать авторитетной площадкой для обсуждения насущных проблем современного кавказоведения сторонниками различных научных школ и направлений, он собрал представителей Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Чечни, Владикавказа, Ростова-на-Дону, Краснодара и Пятигорска. В повестке дня форума оказались вопросы, связанные с состоянием исторического знания о Кавказе; необходимостью принятия этического кодекса кавказоведа; возобновлением прерванного в 1980-е гг. многотомного издания по истории народов Северного Кавказа. В своем обращении к участникам «кавказоведческого съезда» его инициатор и многолетний вдохновитель *к.полит.н. В.В. Черноус* особо подчеркнул «*назревшую потребность совместными усилиями решать наши общие задачи*». Этот призыв стал лейтмотивом всех последующих выступлений.

Так, *д.и.н., проф., президент Чеченской АН Ш.А. Гапуров*, анализируя процесс присоединения народов Северного Кавказа к России, остановился на небесспорности применения в современной историографии обозначающих его понятий. Отмечая необходимость «*разбираться в каждом конкретном случае*», он призвал исследователей более внимательно относиться к историческим источникам и мнению друг друга. В свою очередь, *д.и.н., проф. Э.А. Шеуджен* (Адыгейский государственный университет), обратила внимание на современную профессиональную этику и обязательное уважительное отношение нынешнего поколения исследователей к представителям советской историографической традиции. *Д.и.н. Т.П. Хлынина* (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН) представила результаты трехлетнего научно-исследовательского проекта, посвященного историческому опыту и современным практикам нациестроительства на Северном Кавказе. Поднятые ею вопросы о роли прошлого в

современном развитии региона, степени ответственности историка в создании и поддержании все еще его малопривлекательных образов нашли свое продолжение в выступлениях *д.и.н. Е.Ф. Кринко* (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН); *Я.А. Амелиной* (Российский институт стратегических исследований); *к.и.н. Г.А. Матвеева* (Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета).

Своими представлениями о возможностях использования научного наследия акад. Ю.А. Полякова в решении современных проблем кавказоведения поделился *к.и.н. А.М. Бугаев* (Комплексный научно-исследовательский институт им. И.Х. Ибрагимова, Грозный). *К.и.н. Н.С. Авдулов* (Северо-Кавказский центр высшей школы Южного федерального университета) говорил о методологии изучения Кавказа в трудах Ю.А. Жданова. Большой интерес вызвали выступления *к.и.н. А.А. Остахова* (Северо-Кавказский федеральный университет (филиал в г. Пятигорске)), *д.и.н., проф. Н.А. Почешхова* (Адыгейский государственный университет), *д.и.н., проф. Д.В. Сеня* (Южного федерального университета), *к.и.н. М.С. Тамазова* (Кабардино-Балкарский государственный университет), *д.и.н., доц. Р.А. Тлецока* (Адыгейский государственный университет), поделившихся наработками и достижениями в области изучаемых ими проблем.

Присутствовавшие обменялись мнениями относительно предложенного организаторами проекта «Этического кодекса кавказоведа». Отметили необходимость согласования ряда его позиций в «рабочем порядке». Прозвучали призывы и к тематически более выдержанному проведению самого форума.

В заключение хотелось бы выразить признательность Институту социологии и регионоведения Южного федерального университета, Российскому институту стратегических исследований, Академии наук Чеченской Республики, Институту социально-экономический и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, гуманитарному фонду «Кавказ – новые горизонты» за взятую на себя благородную миссию по объединению усилий исследователей в изучении истории народов Кавказа. В то же время, как непосредственный участник форума, не могу не отметить и присущую ему избыточность взятых на себя задач. Традиционный для больших аудиторий временной цейтнот и содержательный разброс поднимаемых проблем несколько снизили «накал» возникшей дискуссии. А начавшееся стихийное обсуждение проекта кодекса отвлекало от научных идей, требовавших своего настойчивого обсуждения. Вызывало немалое удивление и стремление ряда коллег «*переиздать уже готовые тома так и не вышедшей “Истории народов Северного Кавказа”*», чье содержание, по меткому выражению *д.и.н. Е.Ф. Кринко*, «*достойно запечатления лишь в серии “Памятников исторической мысли”*».

Надеюсь, что в следующий раз мы успеем гораздо больше, чем сможем запланировать. Ведь именно в этом и состоит предназначение форума как такового.

УДК 93/94

Второй форум историков-кавказоведов

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Обзор посвящен II форуму историков-кавказоведов, который состоялся в Ростове-на-Дону 15–16 октября 2014 г.

Ключевые слова: форум; кавказоведение; профессиональное сообщество.